

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**

№1(8), 2010

УДК 08(05)
ББК 72я5

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

№1(8), 2010

Научно-практическое издание

Председатель редакционного совета

Пономарев К.Н.

кандидат политических наук, первый проректор ИСГЗ, профессор РМАТ, директор Казанского филиала РМАТ

Редакционный совет

Димитриев А.Н.

декан юридического факультета ИСГЗ

Насибуллина О.В.

декан экономического факультета ИСГЗ

Игнатьева М.Э.

кандидат филологических наук, декан переводческого факультета ИСГЗ

Савельева Т.В.

декан факультета психологии и рекламы ИСГЗ, доцент, преподаватель МВА, мастер НЛП, арт-терапевт, бизнес-тренер

Алеев О.И.

проректор по экономическому образованию ИСГЗ

Зуев В.И.

кандидат физико-математических наук, проректор по дистанционным и информационным технологиям ИСГЗ

Чирко Е.П.

кандидат физико-математических наук, проректор по научной работе ИСГЗ

Александрова М.Н.

заведующая редакционно-издательским отделом, технический редактор

Шамонова А.М.

корректор ИСГЗ

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать ризо. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 100 экз. Заказ № 78/6.

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Института социальных
и гуманитарных знаний

Адрес редакции:

Издательство «Юниверсум».
420012, г. Казань, ул. Достоевского, 10.
тел./факс: (843) 236-88-23
e-mail: isgz@mail.ru

Выпуск «Ученых записок Института социальных и гуманитарных знаний» представляет собой сборник научных статей сотрудников Института за 2008-2010 гг.

Сборник включает в себя работы, в которых рассматриваются проблемы экономической теории и менеджмента, социологии, политологии, языкознания, а также педагогики высшей школы и развития регионального туризма.

Материалы сборника предназначены для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, специалистов в данных областях.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ НАЛОГ

© 2008 Абрамов Н.А.

*заведующий кафедрой Юридических дисциплин
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Налоги – одно из древнейших изобретений человечества. Они появились вместе с государством и использовались им как основной источник средств для содержания органов государственной власти и материального обеспечения его функций. С тех пор в мире многое изменилось, у государства появились новые задачи и дополнительные функции. Однако главное назначение налогов как источника средств, обеспечивающих деятельность государства, сохранилось, хотя их роль стала многозначной. В концентрированном виде исключительную значимость налогов можно выразить словами К. Маркса: «Налог – это материнская грудь, кормящая правительство. Налог – это пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. ...В налогах воплощено экономически выраженное существование государства» [5, 83].

Ни одно государство не может нормально существовать без взимания налогов; с другой стороны, налоги – один из признаков государства. Тесная взаимосвязь и взаимообусловленность государства и обязательных платежей придают налогу комплексное содержание. В основе налогов лежат экономические и юридические понятия, соотношение которых зависит от политических процессов, происходящих в государстве. Относительно комплексной структуры понятия налога русский экономист М.М. Алексеенко еще в XIX в. отмечал: «С одной стороны, налог – один из элементов распределения, одна из составных частей цены, с анализа которой (т.е. цены) собственно и началась экономическая наука. С другой – установление, распределение, взимание и употребление налогов составляет одну из функций государства» [6, 34].

Налоги как один из элементов обязательных сборов с граждан известны со времен появления древнейших государств. Упорядочение этих сборов, т.е. создание налоговой системы, шло рука об руку с образованием и становлением всей государственной системы. Первоначальной формой налогообложения можно считать жертвоприношения. Однако, в отличие от них, все остальные способы сбора налогов были принудительными, оформлялись законом, которому приходилось подчиняться. И вполне вероятно, что во взаимоотношениях личности с государством не было, возможно, другой подобной области, в которой разыгрывалось бы столько драматических, полных накала страстей, событий, как область сбора налогов и желание уйти от их уплаты. С обеих сторон во все века проявлялось столько упорства, смекалки,

изворотливости, разыгрывалось столько трагедий, что сюжеты эти достойны пера Шекспира или Агаты Кристи [1, 4].

Люди не хотят платить налоги, так как они уменьшают их доходы. В то же самое время существование государства напрямую зависит от них. Об этом говорит вся история существования государств на Земле. Ведь государство – вполне материальное образование, создаваемое самими гражданами с целью коллективной работы и коллективной защиты. Значит, для того чтобы выполнять свои функции, оно должно иметь средства: на содержание чиновничьего и репрессивного аппарата, на поддержание обороноспособности и т.д. Средства эти высчитываются и выражаются в достаточно определенной сумме, поэтому и налоги определяются в столь же конкретных величинах. Например, в Пятикнижии Моисея сказано: «... и всякая десятина на земле из семени земли и плодов дерева принадлежит Господу» [11, 20]. В связи с этим налоги с незапамятных времен считались наихудшим из зол, которое только может выпасть на долю человека, таким же образом воспринимается введение налогов, равно как и любые попытки власти увеличить их величину.

Особый интерес представляет определение налога с позиций правовой науки. Его ценность заключается в том, что соответствующая дефиниция должна иметь и имеет законодательное закрепление. Выработка современной легальной дефиниции понятия «налог» явилась результатом значительного изменения положений ранее действовавшего законодательства (в том числе Закона РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [3]), практики его применения. Очевидно, что определения налога, сформулированные представителями разных наук, не могут совпадать, поскольку отражают самые различные его стороны. Однако и в рамках одной науки также вполне возможно несовпадение подходов в этом вопросе.

Множество вопросов о смысле понятия «налог» исторически порождало самые разные, порой взаимоисключающие ответы. Однако эти ответы формулировались как первыми философами, экономистами, так и в учениях их последователей в зависимости от эпохи, в которой они жили, и постичь которую они старались в своих трактатах [16, 12]. «Налоги, – пишет И.В. Горский, – как и многие общественные явления, в значительной мере являются отражением конкретно-исторических условий» [2, 5].

Термин «налог» в отечественной экономической литературе впервые употребил в 1765 г. русский историк А.Я. Поленов (1738-1816) в работе «О крепостном состоянии крестьян в России». До этого употреблялось слово «подать». И даже в работе Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» (1818 г.) термин «подать» встречается не реже, чем термин «налоги». Несмотря на то, что термин налог применяется уже давно и используется как в текстах правовых актов, так и в литературе, содержание этого понятия остается спорным. Между тем, правильное определение налога имеет большое значение.

Основу классических принципов или «золотых правил» налогообложения составляют принципы, сформулированные в начале XIX века отечественным ученым Н.И. Тургеневым, который налоги связывал с целью, которую ставит перед собой общество. «Налоги, – писал он, – суть средства к достижению цели

общества или государства, то есть той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество или при составлении государств» [13, 10]. Требование «уничтожить налоги» Н.И. Тургенев приравнивал к «уничтожению самого общества». На протяжении всей работы у него проходит мысль о взаимоподчиненности идей о государственных финансах и о необходимости «свободы». Налоги служат признаком истинного благосостояния народов, основанного на законах «ненарушения и свободе гражданской».

Следует отметить, что в дореволюционной юридической литературе (М.И. Слущкий, А.А. Никитский) налоги рассматривались как принудительные сборы, которые государство взимает с граждан для удовлетворения своих денежных потребностей и покрытия общих расходов. Однако другие авторы того же периода (И.И. Янжул) указывали, что налог представляет собой односторонние экономические пожертвования граждан, которые государство взимает легальным путем и законным способом из их частных имуществ для удовлетворения необходимых общественных потребностей и вызываемых ими издержек [12].

Интересен подход советских ученых М.М. Агаркова, А.В. Бачурина, М.И. Пискотина, Г.Л. Рабиновича, Н.Н. Ровинского, С.Д. Цыпкина и других к исследованию категории «налог», которые в своих работах доказывали имманентность налогов капитализму, а не социализму. То есть, другими словами, речь идет о полной политизации налогов, как важнейшего государственного института [1]. Экономическая мысль о налогах советского периода сводилась к констатации текущих событий, рекомендации выработывались в соответствии с резолюциями партийных съездов, всецело определявших финансовую и налоговую политику.

Существует множество современных определений понятия налог. Причем имеются как определения, заложенные в текстах нормативно-правовых актов, так и предложенные учеными в своих трудах и отображающие их понимание данной категории. До настоящего времени нет единого, четкого, однозначно понимаемого всеми понятия «налог». Проблема заключается в том, что данное понятие включает в себя целый комплекс взаимосвязанных экономических, юридических и социальных значений. Многие ученые в своих трудах и исследованиях рассматривают категорию налога с разных точек зрения, но практически все понимают налог как платеж физических и юридических лиц в пользу государства. Е.В. Покачаловой «налоги» рассматриваются как «обязательные и по юридической форме индивидуально безвозмездные платежи юридических и физических лиц, установленные органами государственной власти для зачисления в государственную бюджетную систему» [8, 226]. В.М. Родионова дает такое определение: «Налоги являются важной сферой финансовой системы страны, призванной обеспечить государство денежными средствами, необходимыми ему для выполнения экономических, социальных и политических функций» [14, 235]. По мнению К.К. Лебедева, «налоги – это денежные отчисления от доходов организаций и граждан-налогоплательщиков, которые они в установленных законом размерах

обязаны перечислять на содержание государства и муниципальных образований» [4, 70].

Анализ зарубежного законодательства позволяет прийти к выводу, что соответствующие определения налога или зачастую вовсе отсутствуют в соответствующих правовых актах, или носят самый общий характер. Это свидетельствует о некоторой недооценке важности определения соответствующих терминов в налоговом законе. Так, в соответствии с §3 Федерального положения о налогах и сборах Австрии, налогами в смысле данного федерального закона признаются публичные налоги, включая взимаемые на основании действующих правовых норм ЕС, а также урегулированные федеральным законодательством взносы в публичные фонды или корпорации общественного права и иные требования денежной повинности. В §3(1) Положения о налогах и сборах Германии определено, что налоги являются денежной повинностью, которая не имеет какого-либо встречного предоставления (не является денежной повинностью за особые услуги) и облагает с целью извлечения публично-правового дохода общества при наличии предмета обложения; извлечение дохода может иметь и дополнительные цели.

В налоговом законодательстве отдельных иностранных государств обнаруживаются и более обстоятельные определения. Например, в Армении налог определяется как обязательная и безвозмездная плата, взимаемая в целях удовлетворения государственных и общественных нужд с физических и юридических лиц в порядке и размерах, которые предусмотрены налоговым законодательством и в установленные сроки. В качестве примера можно привести также дефиницию налога, приведенную в ст. 12 Налогового кодекса Казахстана, где сказано что налоги – это установленные государством, в соответствии с Кодексом, в одностороннем порядке обязательные денежные или натуральные платежи в бюджет, производимые в определенных размерах, носящие безвозвратный и безэквивалентный характер. Как мы видим, данное определение содержит в себе почти все наиболее существенные юридические признаки налога, а именно: соответствие законодательству, установление государством на основе одностороннего волеизъявления, обязательный характер уплаты, материальное содержание платежа, принадлежность к источникам бюджетных доходов, определенность, безвозвратность и безэквивалентность.

В современной науке налогового права понятие налога является многозначным. Налог можно понимать, в первую очередь, как совокупность норм, правовой институт, либо как определенную процедуру (или порядок действий, действие), или материальный объект налогового правоотношения, наконец, как налоговое обязательственное правоотношение.

«Налоги есть форма перераспределения национального дохода, – верно утверждает С.Д. Цыпкин. – Они (налоги) связаны с наличием различных форм собственности. Уплата налогов всегда означает переход части средств из собственности отдельных плательщиков в собственность государства» [15, 53], то есть из частной собственности в публичную (государственную) собственность.

С точки зрения последователей договорной теории происхождения государства, налог – это цена, которую платят за возможность использовать общественные ресурсы для определенных общих целей, например, обороны, и оказывать воздействие на распределение доходов и имущества между гражданами [9, 60]. Можно согласиться с логикой договорной теории налогов, поскольку налогоплательщик производит определенный взнос государству для выполнения им определенных функций, но полностью отождествлять налоговые отношения с договорными не всегда возможно.

На частного субъекта возлагается безусловное обязательство по уплате налога, при этом государство оказывает налогоплательщику услуги. Однако, по выражению Ф. Нитти, они являются «неделимыми общественными услугами» [7, 241]. Размер налоговых платежей не ставится в зависимость от того, какой объем услуг государство оказывает частному субъекту. При этом получателем этих услуг выступают не отдельные частные субъекты и даже не их группы, а все общество в целом как единый субъект.

Литература:

1. *Брызгалин А.В., Берник В.Р., Головкин А.Н. Трапезников В.А., Гончаров М.В.* Актуальные вопросы налогового права (сборник статей). / Приложение к журналу «Налоги и финансовое право», 2005 г., №9. С. 4.
2. *Горский И.В.* Налоги: история и современность. В кн.: Налоговое планирование для руководителя и бухгалтера. Т. 1. – М., 1997. С. 5.
3. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». / Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 12 марта 1992 г., № 11, ст. 527 (утратил силу).
4. *Лебедев К.К.* Об экономической сущности и юридической природе налога и налогового правоотношения. / Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сборник научных трудов. Выпуск 3. СПб, 2000. С. 70.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 7. С. 83.
6. Налоговое право России: Учебник для вузов. / Отв. ред., д.ю.н., проф. Ю.А. Крохина. – М.: Издательство НОРМА, 2003. С. 34.
7. *Нитти Ф.С.* Основные начала финансовой науки. М., 1904. С. 241.
8. *Покачалова Е.* Налоги, их понятие и роль. / Финансовое право: Учебник. – М., 1995. С. 226.
9. *Свенссон Бу.* Экономическая преступность. М., 1987. С. 60.
10. *Слуцкий М.И.* Основы финансовой науки и политики. М., 1909. С. 77; *Никитский А.А.* Популярные лекции по финансовому праву. СПб, 1902. С. 23.
11. *Староверова О.В.* Налоговое право: Учебное пособие для вузов. / Под ред. проф. М.М. Рассолова, проф. Н.М. Коршунова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 20.
12. *Тедеев А.А.* К вопросу о понятии и способах защиты прав налогоплательщиков. / Юрист, № 1, 2004. С. 36-39.
13. *Тургенев Н.И.* Опыт теории налогов. – М., 1937. С. 10.

14. Финансы. Под ред. В.М. Родионовой. – М.: Финансы и статистика. 1995. С. 235.
15. Цыпкин С.Д. Доходы государственного бюджета СССР: правовые вопросы. М., 1973. С. 53.
16. Юткина Т.Ф. Налоги и налогообложение: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. С. 12.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КАДРОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ
ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2010 Волкова Н.В.

*кандидат социологических наук, доцент кафедры
Государственного управления социально-экономическими процессами
Академия государственного и муниципального управления
при Президенте Республики Татарстан*

Аннотация:

Автор рассматривает систему государственной гражданской службы Российской Федерации, в частности, механизм управления кадровыми процессами. Анализируются такие понятия как кадры, кадровая политика, кадровые процессы.

Обеспечение эффективной кадровой деятельности в органах государственного управления – одна из важнейших задач для любого государства и общества.

23 июля 2008 года, впервые за достаточно длительный промежуток времени, на самом высоком уровне был поднят вопрос о системе подготовки и развития управленческих кадров на государственной гражданской службе. В своем вступительном слове на совещании по вопросам формирования кадрового резерва Д. Медведев обозначил ряд проблем в существующей «системе воспроизводства и обновления профессиональной элиты в нашей стране» [1]. Среди прочего им было отмечено:

- отсутствие целостной системы кадровой работы в государственных органах;
- непрозрачные механизмы должностного продвижения;
- низкий уровень кадровой ротации;
- отсутствие единой системы кадрового мониторинга и информации о вакансиях;

- низкая эффективность системы обучения и профессионального развития управленческих кадров.

В соответствии с Концепцией реформирования государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 года, кадровая политика – одно из приоритетных направлений государственной политики, реализуемое путем формирования кадрового состава профессиональных государственных служащих, обладающих необходимыми качествами государственного и общественного служения.

Концепция определила приоритетные меры по осуществлению кадровой политики. Это, в первую очередь, формирование эффективного механизма подбора кадрового состава и работы с ним, создание эффективной системы управления государственной службой, совершенствование программ подготовки и профессионального развития государственных служащих.

В настоящее время возрастает роль и ответственность кадровых служб за формирование государственной гражданской службы, подбор, расстановку и развитие государственных служащих, эффективное использование кадрового потенциала, как в центральном аппарате федерального органа, так и в региональных структурах власти.

Кадры представляют совокупность квалифицированных работников, составляющих ядро социальной системы и обеспечивающих ее целостность. Кадры являются частью общества, а руководящие кадры во многом – движущей силой развития общества.

Кадры – это лицо власти, особый элемент эффективного и последовательного осуществления внутренней и внешней политики государства.

Понятие «кадры» соотносится с системой государственного управления и объединяет все профессиональные группы лиц, перечисленные к категории государственных служащих.

По мнению профессора В.А. Сулемова, кадры – это основной (штатный, постоянный), как правило, квалифицированный состав работников (рабочих, служащих) предприятия, учреждения, общественной организации (и в целом отрасли, всей системы управления и производства) [2, 45].

Структура кадрового процесса представляет собой способ устойчивой взаимосвязи (отношений) образующих ее компонентов. Она проявляется во внутреннем порядке системы, согласованном расположении компонентов и их действиях. Функциональное предназначение структуры – обеспечение устойчивости целостного образования и соответственно включенных в него компонентов. Структура кадрового процесса противостоит постоянным изменениям компонентов, удерживает эти изменения в пределах определенного качества.

Направленность кадровых процессов определяется различными социальными факторами внутреннего и внешнего характера.

Наиболее заметное влияние на развитие кадровых процессов в государственной гражданской службе Российской Федерации оказывают [3, 80]:

- смена политических и социально-экономических приоритетов и установок, демократизация общества, необходимость создания возможностей для творческого развития личности;
- становление рыночных отношений, достижение нового соотношения форм собственности, формирование класса предпринимателей;
- коренные изменения в структуре государственной власти и управления;
- структурные сдвиги в экономике;
- динамичность процессов, происходящих в социально-экономической трансформации.

Характеристики кадровых процессов определяются их носителями (кадрами), а также организацией государственной службы. Содержанием ее организационного построения является должностная структура, представляющая собой разграничение направлений деятельности, задач и функций, необходимых для достижения целей конкретной организации.

В качестве основных элементов структуры кадровых процессов могут выступать: текучесть кадров, движение кадров, штатный некомплект, образовательный уровень, возраст, пол, уровень дисциплины и правопорядка, состояние здоровья служащих и ряд других. Поэтому кадровые процессы приобретают такое содержание, которое изменяет количественные и качественные характеристики кадров государственной службы.

Направленность кадровых процессов зависит, прежде всего, от состояния общества и государства. В условиях стабильного развития, устойчивого равновесия общества кадровые процессы, чаще, носят линейный характер, их причины с большей или меньшей степенью вероятности можно установить и на этой основе прогнозировать дальнейшее развитие этих процессов. Такой характер носили кадровые процессы в период «застоя» (1970-1980-е годы). В соответствии с этим широко распространена была практика разработки кадровых программ, планов, комплексных мероприятий, которые в значительной мере могли быть выполнены.

Однако в переходные периоды, когда общество и государство находятся в неравновесном состоянии, кадровые процессы, чаще, носят непредсказуемый характер, их направленность зависит от многих случайных воздействий. Такой характер носили кадровые процессы в России в 1917-1922 г., 1930-1940-х годах, 90-х XX века. Они характеризовались высокой сменяемостью кадров, преобладанием политических подходов над деловыми, сильной зависимостью течения кадровых процессов от «амбиций» вождей, политических лидеров и олигархических групп. В результате крупных социальных перемещений кадровые работники, социальные группы вынуждены были менять свои социальные позиции, место в социальной структуре.

Административная реформа предъявляет высокие требования к уровню профессионализма и компетентности государственных гражданских служащих, отвечающих государственным стандартам и квалификационным требованиям государственных должностей государственной гражданской службы, требует

развития государственного мышления и творческих способностей государственных гражданских служащих.

Постепенно формируется новый тип государственного гражданского служащего, способного реализовывать конституционные гарантии государства по защите прав и свобод граждан и решать новые задачи, возникающие перед органами исполнительной власти. Вместе с тем, нельзя говорить о завершенности работы в данном направлении.

За годы реформ произошли существенные изменения кадрового состава государственной гражданской службы. В настоящее время большинство служащих имеют высшее профессиональное образование, что составляет примерно около 88% от общего числа служащих в органах власти. Имеются лица со средним специальным образованием, средним и высшим незаконченным образованием.

В целом уровень образования служащих соответствует занимаемым ими должностям. Направления образования также в большинстве случаев связано с управленческой составляющей. Порядка 32% гражданских служащих имеют экономическое и управленческое образование по профилю деятельности.

В 90-х годах XX и начале XIX в. в стране в целом создана система подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих, т.е. специально организована система их обучения, направленная на получение специальности по профилю профессиональной деятельности в сфере государственной службы. Приобретение соответствующих знаний, умений и навыков. Подготовка кадров государственных служащих стала составной частью их подбора, планирования карьеры, создания действенного резерва для выдвижения. Так, 58,7% опрошенных государственных служащих считают, что повышение квалификации учитывается при аттестации в системе государственной гражданской службы, 43,2% – при выдвижении на вышестоящую должность [4, 45].

Система подготовки слушателей строится на основе прогнозирования потребности в кадрах специалистов государственной службы, учета требований к ним в соответствии с профессионально-квалификационными характеристиками должностей. По данным исследований 2006 года, 71,5% опрошенных государственных служащих в последние пять лет проходили подготовку, переподготовку, повышение квалификации, стажировку.

В настоящее время на федеральном уровне урегулированы вопросы проведения аттестации государственных гражданских служащих, проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы, квалификационных требований к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих, денежного содержания федеральных государственных служащих, сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими и оценки их профессионального уровня, присвоения и сохранения классов чинов государственной гражданской службы федеральным государственным гражданским служащим, о порядке и условиях командирования федеральных

гражданских служащих. Указами Президента Российской Федерации от 30 мая 2005 года № 609 утверждено Положение «О персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела», от 31 декабря 2005 года № 1574 утвержден реестр должностей федеральной государственной гражданской службы Российской Федерации.

Такие вопросы как формирование государственного заказа на профессиональную переподготовку и повышение квалификации государственных служащих федеральных органов исполнительной власти и оплата труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссий, урегулированы постановлениями Правительства Российской Федерации. Кроме того, значительное количество нормативных правовых актов, регламентирующих сферу государственной гражданской службы, принято федеральными органами исполнительной власти.

Практическим воплощением проводимой руководством страны кадровой политики и организационно-правовых мероприятий в конкретном государственном органе занимаются специально образуемые в их структуре подразделения – кадровые службы [5, ст. 28]. На практике они могут именоваться по-разному, но всегда подчинены непосредственно руководителям государственных органов.

В процессе реформирования государственной службы необходимо основываться на повышении роли и места кадровых служб в системе государственного управления, на охвате всех аспектов работы с кадрами для достижения максимальной сбалансированности целей, функций, интересов органов государственной власти и профессионально-квалификационных, деловых и личностных качеств работников. Кадровые службы как социально-профессиональный институт должны осуществлять целенаправленную и систематизированную работу с персоналом, позволяющую создать высокопрофессиональный трудовой коллектив, способный быстро, качественно и квалифицированно решать поставленные перед ним задачи в рамках полномочий того или иного органа государственного управления.

Согласно результатам проводимых социологических опросов среди государственных служащих основные сложности в работе с кадрами 30,6% респондентов усматривают в «текучке кадров». Госслужба остается некой «перевалочной базой», «стартовой площадкой» для начинающих или продолжающих карьеру специалистов [6, 79].

Повышение заработной платы и совершенствование работы по подбору кадров являются актуальными темами профессиональных дебатов среди государственных служащих. В деятельности кадровых агентств, ориентированных в сфере среднего и крупного бизнеса, важным критерием отбора специалистов при приеме на высокооплачиваемые должности является наличие опыта работы и связей в секторе государственного управления. Работа в государственном аппарате открывает совсем иные горизонты для самореализации в других сферах, которые система госуправления внутри себя

не представляет. Продвижение по служебной лестнице в дальнейшем заинтересовало только треть респондентов [6, 83].

Механизм подбора профессионального кадрового состава государственной гражданской службы и обеспечения должностного роста государственных гражданских служащих основан на процедурах проведения конкурсов и аттестаций государственных гражданских служащих, а также использования кадровых резервов.

Практика реализации административной реформы диктует необходимость использования новых технологий работы органов государственной власти по подбору высокопрофессионального кадрового состава государственной гражданской службы и обеспечению единых механизмов должностного (служебного) роста государственных гражданских служащих на основе их профессиональных заслуг и деловых качеств.

Важной составляющей эффективного функционирования системы государственной службы является привлечение на государственную службу высококвалифицированных молодых специалистов. Требуется как оптимизация системы высшего и среднего образования в соответствии с актуальными запросами на рынке труда, так и внедрение новых образовательных технологий, направленных на адаптацию молодых специалистов – выпускников ВУЗов к практической деятельности в условиях сложившейся социально-экономической и политико-правовой реальности.

Исходя из этого, в качестве важнейших направлений деятельности кадровых служб по вопросам эффективного кадрового обеспечения органов государственной власти представляются следующие: формирование объектов и структур управления, расчет потребности в персонале (в квалификационно-должностном аспекте); повышение, понижение, перевод, увольнение, подготовка резерва и должностное продвижение кадров. Возникает необходимость социального контроля кадровых служб над кадровыми процессами, происходящими в органах государственной власти, что обеспечит активное влияние на кадровую ситуацию в целом.

Необходимо внедрение эффективных технологий и современных методов кадровой работы, направленных на повышение профессиональной компетентности государственных служащих, в частности:

- проведение кадровой политики, предполагающей учет профессиональных заслуг и моральных качеств государственных служащих;
- совершенствование форм проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы, аттестации государственных гражданских служащих, организации проведения квалификационных экзаменов;
- содействие должностному росту государственных гражданских служащих на конкурсной основе;
- формирование кадрового резерва на конкурсной основе и его эффективное использование;

- применение современных кадровых технологий прохождения гражданской службы, включая методы и способы расстановки, ротации, мобильности, служебного продвижения кадров;
- установление объективных и всесторонних критериев эффективности государственной службы;
- повышение роли и престижа кадровых служб в системе государственной службы.

Таким образом, сложность создания эффективного института кадрового обеспечения государственной службы состоит в том, что кадровые изменения в органах власти происходят постоянно. Изменяются личностные характеристики кадров, в силу объективных обстоятельств происходит оптимизация управленческих структур, повышается профессиональный опыт, знания, поэтому проведение стратегических преобразований невозможно без анализа качественно-функционального наполнения кадрового состава государственной службы.

Литература:

1. *Медведев Д.* Вступительное слово на совещании по вопросам формирования резерва управленческих кадров – 23.07.2008. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/859>.
2. *Сулемов В.А.* Государственная кадровая политика в современной России: Теория, история, новые реалии. Монография. – М.: РАГС, 2005. – 390 с.
3. Управление персоналом. Общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: РАГС, 2003. – 488 с.
4. *Нечипоренко В.С.* Теория и организация государственной службы. М.: РАГС, 2008. – 330 с.
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации Федеральный Закон №79-ФЗ от 15.7.2004. / Российская газета. – 2004. – №1612 (3539). – С.10-12.
6. *Лаврухина Е.А.* Кадровый корпус государственных служащих: потенциал, динамика, тенденции, метаморфозы. / Социология власти. – 2004 – №1. – С.78-96.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

© 2009 Гайнулова Л.А.¹, Карпов А.И.², Гайнулов Е.Р.³

¹ кандидат педагогических наук, доцент

Институт социальных и гуманитарных знаний

² кандидат технических наук, доцент

Национальный исследовательский университет (КАИ-КГТУ им.А.Н.Туполева)

³ *Казанский (Приволжский) Федеральный Университет*

Важное место в тематике методологических размышлений экономической науки занимают проблемы познания и предвидения экономической реальности, затрагивающие вопросы систематизации, математизации, интерпретации концептуально-теоретических и феноменологических представлений о происходящих в окружающей действительности явлениях и процессах. Особый вклад в разрешение подобного рода проблем вносит общенаучный метод «моделирование», который широко используется во многих областях, в частности, в экономике [16, 23, 36 и др.], в том числе и в решении вопросов научного предвидения [2, 7, 22, 35 и др.].

В общей теории моделирования исследователи В.Г. Афанасьев [1], Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин [14], И.Б. Новик [20, 21], Г.В. Осипов [34] и др. по-разному трактуют сущность категории «моделирование». Моделирование как построение и изучение моделей отмечается в Советском энциклопедическом словаре, может быть использовано в разных целях: во-первых, для исследования уже существующих явлений, процессов или систем объектов; во-вторых, для определения или уточнения характеристик и рационализации способов построения вновь конструируемых объектов. Наиболее емкое определение приводится в исследовании И.Б. Новика, который, определяя статус моделирования как «всеобщего методологического приема», «гносеологической категории», характеризует функциональные возможности метода моделирования следующим образом: «моделирование способствует унификации понятий, выработке единых методических процедур познания, постепенному возрастанию формализации языка науки, является универсальным средством подхода к сложным системам, непосредственное изучение которых затруднено или невозможно ...» [20, 21]. В исследованиях экономической тематики, например, в исследованиях О.С. Черемных, С.В. Черемных и др. [29, 30] моделирование бизнес-процессов трактуется как составная часть технологии оптимизации бизнеса и представляет «применение определенной методологии к графическому описанию бизнес-процессов в компании» [29, 713]. В настоящем исследовании мы опираемся на определение Г.В. Осипова, который предлагает следующее

понимание интересующей нас категории: «моделирование (от лат. *modulus* – мера, образец) – исследование объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов, явлений и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и прогнозирования» [34, 412].

Рассмотрим одну из базовых категорий общей теории моделирования – категорию «модель». Диапазон использования моделей и моделирования в различных областях современного познания велик. Например, сложные математические модели:

- модель ТЕМПЕР (Рейтеон корпорейшн, 1963-1968 г.), созданная для прогнозирования международных отношений в глобальном масштабе;
- модель «Измерения наций» (Гавайский университет, 1962-1973г.), появившаяся к началу 70-х годов, ко времени опубликования первых работ Римского клуба по глобальному моделированию;
- модели международных отношений, разработанные в Гудзоновском институте под руководством Н. Kahn – «Год 2000-й. События и размышления», «Модели 1980 г.» [4, 29-40];
- модели научных теорий: структурная, функциональная, операциональная, социокультурная, предложенные М.С. Бургиным, В.И. Кузнецовым [5], где исследуются элементы, функции, совокупность когнитивных действий, факторы социальной детерминации;
- модели социального времени: линейная, циклическая, точечная или фазовая, предложенные для решения проблем прогнозирования в теоретической социологии А.А. Давыдовым [15, 98-101];
- модель сценария, основанная на целевом подходе, и охватывающая все уровни: от политики до науки, предложенная В.А. Лисичкиным, С.А. Саркисяном [22];
- модель инновационных процессов, разработанная П.Н. Степановым [26, 146-173] и являющаяся результатом исследования практических нововведений;
- комплекс моделей реинжиниринга бизнес-процессов, включающий такие модели как – текущая («*as is*»), нормативная («*to be to*»), модель перехода, представленные в исследовании О.С. Черемных, С.В. Черемных [29, 523-592];
- модели электронной коммерции: В2В (*Business-to-Business*) /модель реализации оптовой торговли с помощью электронных средств: компьютерных технологий и средств телекоммуникаций/; В2С (*Business-to-Consumer*) /модель реализации розничной торговли с помощью электронных средств/ [29, 36] и другие модели.

Раскроем некоторые аспекты категории «модель» (фр. *modele*, от лат. *modulus* – мера, образец). На поли- и однозначность категории «модель» влияют одновременно происходящие в различных областях познания процессы

дифференциации и интеграции знаний. В современном научном знании [5, 14 и др.] существует свыше тридцати оттенков в понимании термина «модель». Терминологическое единство отсутствует даже в математической логике, где модель трактуется, например, как «математическая структура, то есть множество с системой отношений (возможно функций) на нем» (А.И. Мальцев, Э. Мендельсон, Г. Кейслер, Ч.Ч. Чен, Ю.А. Шрейдер, А.А. Шаров [33] и др.), либо как «пара, состоящая из некоторой математической структуры и отображения в эту структуру какого-либо логического языка» (Дж. Шенфилд и др.) [цит. по: 5, 89]. В общей теории моделирования также существует множество определений категории «модель», подчеркивающих тот или иной ее важный аспект. Обобщая все многообразие определений категории «модель», можно констатировать, что наиболее распространенным является употребление данной категории в трех значениях – модель как «определенный тип конструкции», модель как «идеальный образец», модель как «материальное воспроизведение объекта» [14], причем в рамках научного исследования категория «модель», как правило, используется во втором и в третьем значениях. В исследованиях экономической тематики, например, в исследовании О.С. Черемных, С.В. Черемных и др. [29, 523-592] описываются информационные, графические, описательные, затратные, имитационные модели бизнес-процессов, а понятие «модель бизнес-процессов» трактуется как «словесное описание и/или графическая схема бизнес-процесса (последняя, как правило, осуществляется в соответствии с выбранной методологией моделирования бизнес-процессов» [29, 713]. В данном исследовании принимаем определение категории «модель», предложенное И.Б. Новиком: «модель – это искусственный или естественный объект (представляющий собой вещественный агрегат или знаковую систему), находящийся в некотором объективном соответствии с исследуемым объектом, способный его замещать на определенных этапах познания, дающий в процессе исследования некоторую допускающую опытную проверку информацию, переводимую по установленным правилам в информацию о самом исследуемом объекте» [21, 42]. Далее в исследовании будем основываться на данном определении.

Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин [14] отмечают, что необходимость использования модели в процессе познания возникает лишь при определенных обстоятельствах – во-первых, недоступность или труднодоступность объекта для непосредственного познания; во-вторых, невозможность изучения интересующих сторон исследуемого объекта в более или менее чистом виде, например, события, процессы прошлого или будущего. Следовательно, построение модели – не самоцель. Модель строится для получения информации, отсутствующей до ее построения, дальнейшей интерпретации и трансляции полученной информации на объект исследования. Для модели ряд исследователей [14] формулируют следующие гносеологические функции: интерпретаторская; объяснительная; предсказательная; критериальная.

Далее определим наиболее важные, в контексте нашей статьи, взаимосвязи категории «модель» с некоторыми общенаучными категориями,

такими как «теория», «неопределенность». Поскольку один из этапов процесса моделирования предполагает теоретические построения, важно выяснить взаимное отношение категорий «модель» – «теория». Данную проблему рассматривали в своих исследованиях М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5], И.Б. Новик [20], Ю.А. Шрейдер, А.А. Шаров [33] и другие. Обобщив, можно кратко резюмировать мнение большинства исследователей следующим образом – теорией принято считать «перечень названий отношений и свойств этих отношений, а моделью – множество, на котором заданы соответствующие отношения и выполнены требуемые свойства» [33, 22]. Формализуемость моделей обеспечивает последним относительную самостоятельность по отношению к оригиналу, что существенно расширяет возможности моделирования. Модель – более «текучая» форма, чем теория. В процессе моделирования совершается переход от менее содержательной к более содержательной модели. Модель в ее динамичной трактовке может выступать и как «предтеория», и как формализованное приложение существующей содержательной теории [И.Б. Новик [20]].

Интересным аспектом в рамках данного исследования является выявление соотношения категорий «модель» – «неопределенность». Н. Стефанов, Н. Яхиел, С. Качаунов [27], О.Ю. Шибалкин [32] и другие отмечают важность данной категории при изучении какого-либо явления, решения задачи и т.д., так как «неопределенность» является мерой изученности данного явления, процесса и т.д. Предмодельная априорная информация может быть разной степени неопределенности (нулевой, частичной, полной). Интересно, что в случае частичной неопределенности предмодельной информации, информационное поле проблемы расширяется, в частности, с помощью привлечения новых методов и др.; в случае полной неопределенности предмодельной информации метод моделирования может явиться единственным средством решения проблемы. Оба этих случая подразумевают появление обязательного условия моделирования – создание «квазиобъекта», являющегося источником новых знаний об исследуемом объекте [27]. Таким образом, неопределенность может выступать мерой изученности явления, процесса и т.д.

Важная мысль об эвристической эффективности модели подчеркивается И.Б. Новиком: «с повышением информационной емкости модели ее эвристическая эффективность растет не прямо пропорционально количеству учтенной информации, а по экстремальному закону, то есть до определенного предела, после которого коэффициент эффективности модели падает» [20, 18].

В исследованиях различной предметной специфики используются разнообразные виды моделей. Нами составлена классификационная схема видов моделей, являющаяся результатом систематизации различных видов моделей по классификационным признакам, разработанных М.С. Бургиным, В.И. Кузнецовым, Б.А. Глинским, Б.С. Грязновым, Б.С. Дыниным, Е.П. Никитиным, Н. Стефановым, Н. Яхиелом, С. Качауновым, а также Л.А. Гайнуловой, например:

- область применения [М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5, 148]] (кибернетика; статистика; техника /оптотехника [А.И. Карпов [18] и др.]/; математика; экономика; на стыке наук /экономико-математические (модель Леонтьева межотраслевой экономики (балансовый анализ) и др./ и др.);
- способ реализации [Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин [14]] (теоретические/экспериментальные; аналоговые/цифровые [31] и др.);
- характер воспроизводимых сторон оригинала [Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин [14]] (субстанциональные; структурные; модели «статических вещей»/модели процессов и др.);
- уровень организации объекта [Н. Стефанов, Н. Яхиел, С. Качаунов [27, 58]] (сублокальные; локальные; суперлокальные; глобальные; суперглобальные [27] и др.);
- число моделируемых объектов [Н. Стефанов, Н. Яхиел, С. Качаунов [27, 58]] (сингулярные; бинарные мультиплетные [27]);
- количество используемых при моделировании методов [Н. Стефанов, Н. Яхиел, С. Качаунов [27, с.58]] (симплексные; дуплексные; комплексные [27]);
- цель создания [М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5, 148]] (гностические; изобразительные; коммуникативные и др.);
- математический аппарат [М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5, 148]] (модели с использованием коэффициентов связи; модели с использованием коэффициентов сходства; модели с использованием мер расстояния; модели с использованием информационных мер [13] и др.);
- зависимость от времени [М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5, 148]] (статические; динамические и др.);
- способ определения свойств объекта [М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5, 148]] (имитационные; прямые и др.);
- метод анализа результатов исследования [Л.А. Гайнулова [8, 9]] (факторные; численные; вероятностные; регрессионные /линейные; логистические и др./ и др.);
- вид результата [Л.А. Гайнулова [8, 9]] (теоретические; прикладные /например, модели электронизации бизнеса (eMatrix.ru /электронная биржа/; B2C, B2B, B2G и др. /модели электронной коммерции, подразделяющиеся в зависимости от участников на различные сектора коммерческого взаимодействия/; eHouse.ru /система электронных магазинов/; компания MDA /виртуальное предприятие/; Fruit of the Loom /электронная система дистрибуции/; CRM-модели /управление взаимоотношениями с клиентами/ и др.)/ [29, 36]) и др.

Информация, представленная в данной классификационной схеме видов моделей, может оказаться полезной при определении вида модели, а также при интерпретации вполне конкретной модели.

Далее перейдем к рассмотрению различных аспектов, связанных собственно с категорией «моделирование». Раскроем содержание категории «моделирование» во взаимосвязях с категориями «аналогия», «абстрагирование», поскольку метод моделирования базируется на таких общенаучных методах как метод аналогии, метод абстрагирования. Аналогия (от гр. *analogia* – соответствие) означает сходство, подобие, в определенном отношении, различные явления. В связи с интересующей связкой категорий «моделирование» – «аналогия» определим категорию «подобие». Сходство трактуется С.И. Ожеговым как подобие, соответствие в чем-нибудь, с чем-нибудь. В.Г. Афанасьев отмечает, что основными разновидностями подобия являются изоморфизм и гомоморфизм. В случае, когда подобие предстает как однозначное соответствие структуры (взаимосвязи компонентов) одной системы структуре другой системы, оно носит название изоморфизма. Частичное подобие между структурами систем (подобие в отдельных компонентах или сторонах структуры), называется гомоморфизмом [1, 194]. Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин полагают, что фактором успешного получения данных с помощью модели является наличие изоморфизма модели и исследуемого объекта [14]. Наличие изоморфизма, гомоморфизма и других разновидностей подобия различных систем позволяет моделировать, то есть воспроизводить ту или иную систему посредством другой, подобной ей в том или ином отношении [20].

Раскроем взаимосвязь категорий «моделирование», «абстрагирование». Абстракция (от лат. *abstractio*) означает удаление, отвлечение. В исследованиях [14, 20 и др.] авторы отмечают, что в процессе моделирования наиболее существенной мыслительной операцией является «абстрагирование». Абстрагирование помогает отвлечься от различий в объектах, так как в некоторых отношениях они тождественны и могут заменять друг друга. Формулировка принципа тождества принадлежит Лейбницу: «если два объекта тождественны, то они не различаются по своим свойствам» [14, 38]. Абстракция отождествления – основа всякого научного познания, так как приводит к возможности абстрагирования от неизвестного, то есть позволяет познавать реальность в условиях недостаточности информации. Моделирование является ступенью, следующей за абстракцией отождествления. Абстракция отождествления – необходимое условие моделирования, формирует предмет исследования, но не порождает модель автоматически [14]. Причем, как отмечает И.Б. Новик, «конкретная мера абстрагирования меняется от этапа к этапу (от бедной по содержанию модели к более богатой)» [20, 21].

Поскольку рассматривается соотношение категорий «моделирование» – «абстрагирование», важно определить категории, содержание категорий «формализация», «аппроксимация» и др. Важным этапом в процессе моделирования является этап формализации. Одной из основных функций моделирования является ограничение разнообразия в познаваемых явлениях, причем, по мнению И.Б. Новика, модель, «не нарушая объективного разнообразия», определяет наиболее актуальные для изучения в данный момент

аспекты оригинала. Выделены этапы формализации: 1) построение формальной схемы процесса, содержащей знаковое описание системы и процесса ее функционирования; 2) построение моделей системы, описывающих поведение материальных элементов системы. Также зафиксированы основные методологические проблемы формализации: построение формальной схемы при ограниченной информации и в условиях неопределенности; отражение причинно-следственных отношений, имеющих вероятностный характер; преодоление громоздкости описания реальных систем [28]. Определяя анализ подобия изучаемых объектов как общий прием формализации моделей, И.Б. Новик акцентирует, что «мера формализуемости модели при данном развитии средств формализации (математико-аналитических, логико-алгоритмических, семиотических, лингвистических) детерминирует степень упрощения моделируемой системы» [20, 25].

В исследовании В.Н. Цыгичко категория «формализация» определяется как этап системного исследования проблемы, на котором сформулированная в содержательном описании основная гипотеза о механизме изучаемого процесса и его закономерностей, приобретает строгую логическую форму причинно-следственных отношений. То есть должны быть соблюдены общие принципы описания сложных систем, где принцип цели – ведущий, принцип многоуровневого описания – основной. Причем любой объект для его системного представления должен быть описан: 1) как элемент более широкой системы; 2) как целостное явление; 3) как некоторая сложная структура, внутреннее строение которой необходимо представить с достаточной для достижения целей подробностью [28]. Под элементом системы принято понимать «наименьшее звено декомпозиции в принятой структуре системы, внутреннее строение которого не рассматривается на выбранном уровне анализа» [28, 20]. Элементы системы выбираются исследователем в зависимости от целей анализа и являются абстрактными элементарными частями, составляющими описание объекта. В исследовании Б.А. Глинского, Б.С. Грязнова, Б.С. Дынина, Е.П. Никитина представлено более широкое понимание структуры системы – как некоторого содержательно, качественно определенного типа системных отношений (отношений функциональных (система – функция), причинно-следственных (причина – следствие), субстанциональных (объект – свойство), собственно структурных (элемент – система, элемент – элемент) [14]. Под состоянием системы В.Н. Цыгичко понимает «зафиксированные на какой-либо момент времени значения параметров системы» [28, 20].

Категория «аппроксимация» в общем случае означает упрощенное, приближенное выражение свойств и связей системы [А.И. Карпов [17], И.Б. Новик [20] и др.]. И.Б. Новик выделяет аппроксимацию и дискретизацию (рассмотрение реальности в качестве дискретной) как наиболее распространенные виды упрощения, широко используемые при моделировании сложных систем [20].

Таким образом, анализ показывает, что категории «аналогия», «подобие», «тождество», «абстрагирование», «формализация», «аппроксимация» и др. являются базовыми в теории моделирования.

Далее рассмотрим базовые правила моделирования, установленные в общей теории моделирования. В.А. Геловани, С.В. Дубовский [11] формулируют следующие основные принципы моделирования: объективности, верифицируемости, экстраполябельности.

Рассмотрим далее проблему построения модели. Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин, рассматривая структуру процесса моделирования, отмечают, что процесс моделирования предполагает субъекта-исследователя, объект исследования, модель, определяющую отношения [14, 53-70]. Процесс построения модели (гипотетического научного построения, некоторого конструкта) лаконично описан в исследовании И.И. Ревзина, по мнению которого таковой осуществляется следующим образом: в зависимости от цели исследования выбираются базовые понятия; фиксируются и постулируются отношения между этими понятиями; последующие утверждения выводятся дедуктивно в терминах, определяемых через первичные понятия [24].

Разные исследователи представляют сложный процесс моделирования социально-экономических объектов с разной степенью детализации: О.Ю. Шибалкин [32] выделяет три этапа, Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин [14]; В.В. Дружинин, Д.С. Конторов; А. Хагер – четыре этапа, Э.А. Араб-Оглы – пять этапов, М.С. Бургин, В.И. Кузнецов [5]; О.С. Черемных, С.В. Черемных [29] – шесть этапов. Но, как правило, все этапы моделирования, имеющие различные названия у разных авторов [7, 9] можно сгруппировать в три основные стадии – предмодельная, модельная, постмодельная.

Научный интерес представляет вопрос о видах моделирования. Исследование показывает наличие многообразных видов моделирования, применяемых, в частности, в экономических исследованиях. Однако, несмотря на то, что различные аспекты проблемы моделирования изучались многими исследователями, методологические вопросы классифицирования видов моделирования остаются в настоящий момент открытыми. В рамках данного исследования мы представляем все многообразие видов моделирования в систематизированном виде. В связи с этим нами рассматривалась возможность группирования или деления видовых понятий, составляющих родовое понятие «моделирование». В качестве оснований деления или признаков деления были выбраны классификационные признаки, часть из которых предлагается по аналогии с исследованиями Ю. Вооглайда, А. Рейнера [6], Б.А. Глинского, Б.С. Грязнова, Б.С. Дынина, Е.П. Никитина [14], М.С. Бургина, В.И. Кузнецова [5] и др., рассматривавших проблемы классифицирования, структурирования инноваций и моделей; другие классификационные признаки выделены нами после предварительной обработки теоретического материала по выявлению видов моделирования. Таким образом, виды моделирования можно группировать по следующим признакам:

- предметная специфика [по Ю. Вооглайду, А. Рейнеру [6]] (физическое, техническое, экономическое и др.);
- методологический инструментарий [Л.А. Гайнулова [8]]; (прогнозное моделирование [Б.С. Гершунский [12] и др.] /экстраполяционное (трендовое) [И.В. Бестужев-Лада [3] и др.]; интерполяционное [А.А. Давыдов [15] и др.]/; /нормативное [И.В. Бестужев-Лада [3] и др.]/; /оптимизационное [Ю.К. Бабанский и др.]; сценарное [О.Ю. Шибалкин [32]; Л.А. Гайнулова, Е.Р. Гайнулов [7] и др.]/; моделирование семейства IDEF – графический язык моделирования бизнес-процессов на основе структурного анализа и проектирования [О.С. Черемных, С.В. Черемных [29]] и др.);
- теоретический инструментарий [Л.А. Гайнулова [8, 9]] (математическое /вероятностное; статистическое; факторное; кластерное и др./; логическое; категорное и др.);
- масштаб моделируемого объекта [Л.А. Гайнулова [8, 9]] (глобальное [И.Б. Новик [20, 21], Д.М. Гвишиани [10], В.А. Геловани [11] и др.] и др.);
- концепция модели [Л.А. Гайнулова [8, 9]] (синергетическое [С.П. Курдюмов, И.В. Мелик-Гайказян, В.П. Шалев [19] и др.]; кибернетическое; функциональное [16]; компьютерное /моделирование в 3d max/; стоимостные и процессно-стоимостные модели компаний, ИТ-проектов, брендов, продуктов [О.С. Черемных, С.В. Черемных [29, 10], В.В. Репин, В.Г. Елиферов [25] и др.] и др.);
- цель моделирования бизнес-процессов [Л.А. Гайнулова] (реинжиниринг бизнес-процессов; улучшение бизнес-процессов; автоматизация бизнес-процессов [О.С. Черемных, С.В. Черемных [29]]) и др.

Классификационная схема видов моделей и видов моделирования, представленные в настоящем исследовании, отвечают основным принципам классификации, выделенным в исследовании С.А. Саркисяна и др. [22, 132].

Таким образом, заключая, отметим, что метод моделирования широко применяется для решения различных задач экономики, в частности, для моделирования бизнес-процессов. Виды моделей и моделирования, применяемые в исследованиях экономической тематики, многообразны. В настоящем исследовании в составленных классификационных схемах систематизированы методологические и теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов относительно различных аспектов категорий «модель», «моделирование». Предложенные многомерные классификационные схемы, во-первых, позволяют определять место конкретных видов моделей и моделирования в общей системе, во-вторых, применяются для идентификации либо интерпретации любой конкретной модели, конкретного вида моделирования в экономике.

Литература:

1. *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
2. *Бермант М.А., Семенов Л.К., Сулицкий В.Н.* Математические модели и планирование образования. – М.: Наука, 1972. – 112 с.
3. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
4. *Большакова С.А., Новик И.Б.* Глобальный мир и глобальное моделирование. Моделирование процессов мирового развития и сотрудничества. / Ред. Д.М. Гвишиани, Е.П. Велихов, В.М. Лейбин и др. – М.: Наука, 1991. – 208 с.
5. *Бургин М.С., Кузнецов В.И.* Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем знания. / Пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 304 с.
6. *Вооглайд Ю., Рейнер А.* О структуре инновационного процесса. Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования. Тезисы республиканской научно-практической конференции. / Отв. ред. Д.М. Гвишиани. – Таллин: Эст.НИИНТИ, 1978. – С.5-8.
7. *Гайнулова Л.А., Гайнулов Е.Р.* Сценарное прогнозирование развития социально-экономических объектов в условиях реформирования МСУ. / Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции «Реформа местного самоуправления: исторический опыт и современность» (Март 2008 года). – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – С.30-34.
8. *Гайнулова Л.А.* Сценарное моделирование инновационных образовательных процессов в региональной системе среднего профессионального образования (на примере республики Татарстан). Дисс. канд. пед. н. – Казань, 2000. – 239 с.
9. *Гайнулова Л.А.* Сценарное моделирование инновационных образовательных процессов: методологический и теоретический аспекты. / Среднее профессиональное образование: Теоретический и научно-методический журнал. – Москва. – 2004. – №2. – С.44-48.
10. *Гвишиани Д.М.* Диалектика развивающихся систем, развитие и управление. / Системные аспекты концепции развития. Выпуск 4. – М., 1985. – С.5-13.
11. *Геловани В.А., Дубовский С.В.* Имитационное моделирование сложного объекта. / Системный анализ и управление НТП. – Москва – Обнинск, 1978. – С.39-43.
12. *Гершунский Б.С.* Педагогическая прогностика: Методология, теория и практика. – Киев: Вища школа, 1986. – 200 с.
13. *Гласс Дж., Стенли Дж.* Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976. – 495 с.
14. *Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П.* Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 248 с.
15. *Давыдов А.А.* Модель социального времени. / Социс. – 1998. – №4. – С.98-101.

16. *Дубейковский В.И.* Практика функционального моделирования с All Fusion Process Modeler 4.1 Где? Зачем? Как? – М.: ДИАЛОГ-МИФИ, 2004. – 464 с.
17. *Карпов А.И.* Упрощение сложных систем управления с оценкой невязки аппроксимации в частотной области. / Оптимизация процессов в авиационной технике. – Казань: КАИ, 1981. – С.57-63.
18. *Карпов А.И., Стрежнев В.А.* К построению упрощенных математических моделей в задачах динамики оптико-электронных систем. / Проблемы аналитической механики, устойчивости и управления движением: Сб. науч. тр. АН СССР. Сиб. Отд. Иркутский Вычислительный Центр. / Отв. ред. акад. В.М. Матросов. – Новосибирск: «Наука». / Сибирское отделение, 1991. – С.231-237.
19. *Курдюмов С.П.* Антропный принцип в синергетике. / Доклад на конференции в Российском Государственном Гуманитарном Университете (г. Москва, 1996 г.). / Вопросы философии. – 1998. – №5. – С.144-150.
20. *Новик И.Б.* Гносеологические аспекты глобального моделирования. / Моделирование процессов глобального развития: Сб. ст. ВНИИСИ. Вып.8. / Отв. ред. Д.М. Гвишиани. – М.: ВНИИСИ, 1979. – С.29-39.
21. *Новик И.Б.* Моделирование сложных систем. – М.: Мысль, 1965. – С.42.
22. Рабочая книга по прогнозированию. / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. – М.: Мысль, 1982. – 430 с.
23. *Рапопорт Б.М., Скубченко А.И.* Инжиниринг и моделирование бизнеса. – М.: ЭКМОС, 2001. – 240 с.
24. *Ревзин И.И.* Модели языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.9.
25. *Репин В.В., Елиферов В.Г.* Процессный подход к управлению: моделирование бизнес-процессов. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2004. – 408 с.
26. *Степанов П.Н.* Использование моделирования как метода исследования процесса нововведения (по материалам зарубежной экономической литературы). / Инновационные процессы. – М.: ВНИИСИ. – 1982. – С.146-173.
27. *Стефанов Н., Яхиел Н., Качаунов С.* Управление, моделирование, прогнозирование. Пер. с болг. – М.: Экономика, 1972. – 143 с.
28. *Цыгичко В.Н.* Руководителю о принятии решений. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 240 с.
29. *Черемных О.С., Черемных С.В.* Стратегический корпоративный реинжиниринг: процессно-стоимостный подход к управлению бизнесом: Учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2005. – С.523-592.
30. *Черемных С.В., Субанова О.С.* Рабочий словарь «Моделирование бизнес-процессов». – М.: Финансовая Академия при Правительстве РФ, 2001. – 152 с.
31. *Черчман Х., Акофф Р., Арноф Л.* Введение в исследование операций. – М.: Наука, 1968. – С.134-137.
32. *Шибалкин О.Ю.* Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития. – М.: Наука, 1992. – 176 с.

33. Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.
34. Энциклопедический социологический словарь. / Общ. ред. Г.В.Осипов. – М.: МСПИ РАН, 1995. – 939 с.
35. Kahn H. World economic development: 1979 and beyond. – NY., 1979. – 519 p.
36. <http://ie-commerce.narod.ru> – сайт индивидуальная электронная коммерция.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ

© 2010 Гарипов Р.Ф.

*старший преподаватель кафедры Теории и истории государства и права
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Аннотация:

Деликтоспособность представляет собой сложную по содержанию правовую категорию. Несмотря на то, что она является самостоятельным свойством, входящим в состав правосубъектности, теоретики права неоднозначно подходят к её классификации. В данной статье предпринята попытка обозначить и проанализировать различные критерии для классификации деликтоспособности с целью уяснить многосторонность этой правовой категории.

Ability to bear the responsibility represents difficult and ambiguous under the contents a legal category. Scientists for these reasons give it different definitions. In given article approaches to concept ability to bear the responsibility are designated and analysed to give full and exact definition in legal sense to this element ability of subjects to be right.

Ключевые слова: *деликтоспособность, правосубъектность, субъект права, юридическая ответственность, правовое отношение, физическое лицо, правонарушение, норма права.*

В результате проведённого нами исследования установлено, что сущность деликтоспособности возможно раскрыть только при рассмотрении её как элемента правосубъектности. Она показывает потенциальную юридическую возможность субъекта права к несению ответственности за противоправные поступки, совершённые им самим либо другими лицами, за которых он должен нести ответственность. Мы пришли к выводу, что в отдельных случаях возможно распространение деликтоспособности одного субъекта на правонарушения других лиц при сохранении ими самостоятельной

дееспособности. Например, такую конструкцию имеет деликтоспособность публично-правовых образований и юридических лиц.

Деликтоспособность не совпадает по существу с дееспособностью и на данном основании подлежит выделению в самостоятельную теоретическую категорию, поскольку на неё оказывают влияние факторы, не изменяющие дееспособность субъекта. Наличие у субъекта всех условий дееспособности не должно означать, что он обладает полным объёмом деликтоспособности. Исходя из этого, мы считаем, что для установления способности лица нести юридическую ответственность его дееспособность вообще не должна учитываться.

По нашему мнению, деликтоспособность не должна означать, что за субъектом уже закреплены определённые обязанности по несению юридической ответственности. Это лишь потенциальная правовая и фактическая возможность субъекта претерпеть предусмотренные законом неблагоприятные последствия в случае совершения правонарушения им самим или лицами, за которых он несёт ответственность.

Мы считаем несостоятельной классификацию деликтоспособности на публично-правовую и частноправовую, поскольку правоотношения, складывающиеся по поводу установления деликтоспособности, являются публично-правовыми по своей природе, а не частноправовыми. Также мы предложили исключить из системы классификации деликтоспособности такой критерий, как особенности вины, так как в рамках неё происходит подмена понятий деликтоспособности и юридической ответственности. Вина не может выступать критерием деления деликтоспособности, потому что является условием юридической ответственности, а не деликтоспособности, и определяется в момент совершения противоправного поступка. Устанавливая деликтоспособность субъекта, мы не можем заранее определить его вину в потенциально возможном правонарушении. При исследовании классификации деликтоспособности по критерию отраслевой принадлежности мы сочли целесообразным заменить её на классификацию по критерию отраслевой самостоятельности деликтоспособности. Опираясь на данный критерий, деликтоспособность может быть поделена на собственно отраслевую и комплексную. Собственно отраслевая деликтоспособность распространяется на противоправные поступки субъекта только в рамках одной сферы правовых отношений, а комплексная носит более широкий диапазон применения и включает в себя правонарушения, совершение которых возможно в различных отраслях права.

Деликтоспособность, на наш взгляд, должна предполагать также и реальную возможность того или иного лица претерпеть предусмотренные государством неблагоприятные последствия за совершённое правонарушение. Таким образом, если у правонарушителя отсутствует реальная возможность нести ответственность, он должен считаться неделиктоспособным, при этом сохраняя полную дееспособность. Исходя из этого, мы предлагаем новый критерий для классификации деликтоспособности – фактическая возможность лица претерпеть предусмотренные законом неблагоприятные последствия в

результате совершённого правонарушения. Деликтоспособность в данном случае необходимо разделять на фактическую и юридическую. Юридическая деликтоспособность представляет собой предусмотренную законом возможность при соблюдении ряда условий нести ответственность за своё поведение или за поведение других лиц. Такая деликтоспособность определяется государством в виде правовых предписаний и не зависит от других обстоятельств, кроме тех, которые прямо предусмотрены законом. Фактическая деликтоспособность является реальной возможностью лица претерпеть предусмотренные государством неблагоприятные последствия за совершённое им или иным лицом правонарушение с учётом состояния здоровья, преклонного возраста, имущественного положения и других объективных факторов, влияющих на реализацию юридической ответственности данным лицом. Эта классификация отражает действительность складывающихся правоотношений и субъективные особенности каждого конкретного лица.

Деликтоспособность любого субъекта права определяется по совокупности юридических и фактических признаков. В соответствии с ними устанавливается объём деликтоспособности, от которого в итоге зависит реализация юридической ответственности. Критерии определения деликтоспособности различны с учётом специфики субъекта права, поскольку деликтоспособность должна отражать исключительно субъективные особенности каждой конкретной категории лиц и, по нашему мнению, не может носить общий характер для всех субъектов права в целом. В одних случаях её признаки связаны с субъективными качествами лица (как состояние психики человека), в других – с законодательной конструкцией организационно-правовой формы субъекта (как у юридических лиц), в некоторых случаях – от вида юридической ответственности (как это происходит у публично-правовых образований).

Основным показателем деликтоспособности физических лиц выступает возраст. Однако мы считаем, что лицо при достижении законодательно установленного возраста деликтоспособности не обладает ею в полном объёме в силу психофизиологических особенностей. Поэтому деликтоспособность таких лиц не может считаться полной. Не меньшее значение имеет психическое состояние человека, которое влияет на его способность осознавать значение своего поведения, в том числе противоправного. Нам представляется обоснованным включение данного признака во все нормативные правовые акты, устанавливающие условия юридической ответственности. Это позволит учитывать особенность психического состояния лица при определении объёма его деликтоспособности и будет служить обстоятельством для её ограничения. В частности, соответствующее положение не получило отражения в КоАП РФ.

Мы считаем необходимым добавить ещё одно основание, ограничивающее деликтоспособность физического лица, – это его фактическое состояние здоровья, поскольку негативные изменения в нём способны существенно повлиять на способность гражданина нести ответственность в

случае совершения правонарушения. В данной ситуации наложение санкций со стороны государства теряет всякий смысл.

Указанные признаки (возраст и физическое состояние человека) не должны рассматриваться как единственные при установлении деликтоспособности физического лица. Так, мы предлагаем выделение такого свойства как имущественная состоятельность гражданина, поскольку большое количество предусмотренных мер ответственности носят материальный характер (например, уплата штрафа, взыскание недоимки, возмещение ущерба). Неопределённость имущественного признака деликтоспособности позволяет большинству субъектов вступать во многие отношения без каких-либо гарантий своей возможной ответственности. В соответствии с этим, в действующее законодательство необходимо добавить положение об имущественном признаке деликтоспособности у физических лиц со специальным правовым статусом. Прежде всего, мы предлагаем внести данные поправки в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в части деликтоспособности адвоката, и в гражданское законодательство, в части установления минимального имущественного порога для лиц со статусом индивидуального предпринимателя.

Мы пришли к выводу, что, исходя из занимаемого социального или профессионального положения, а также наличия повышенного риска, должны устанавливаться дополнительные требования к деликтоспособности гражданина. При рассмотрении специальных видов деликтоспособности физических лиц мы предлагаем учитывать такие дополнительные признаки деликтоспособности, как гражданство, пребывание на военной службе, семейный и должностной статусы. Немаловажным признаком при установлении деликтоспособности физического лица мы считаем его половую принадлежность. Несмотря на законодательно закреплённый запрет дискриминации субъектов по половому признаку, этот критерий оказывает определённое влияние на объём деликтоспособности. Юридически ни один нормативный правовой акт не ограничивает деликтоспособность субъектов по указанным нами дополнительным признакам, но фактическое привлечение их к ответственности, ввиду указанных обстоятельств, не представляется возможным. Установление в законодательстве этих признаков деликтоспособности легализует освобождение отдельных категорий физических лиц от обязанности претерпеть определённые меры ответственности, которое активно применяется на практике.

Наличие правового иммунитета также сказывается на деликтоспособности отдельных субъектов права. Однако мы считаем, что установление иммунитета в одной области правоотношений не должно означать его распространение на другую сферу общественных отношений, поскольку цель любого иммунитета состоит лишь в том, чтобы предотвратить необоснованные процессуальные действия в отношении лица со специальным статусом. В случае злоупотребления иммунитетом, когда его действие расширяется до границ любых противоправных поступков, компетентным органам необходимо рассматривать вопрос об ограничении сферы применения

иммунитета либо о его снятии. Поэтому законодательное установление иммунитета должно сопровождаться соответствующей нормой о возможности его прекращения как по факту совершения отдельных правонарушений, так и в случае явного злоупотребления им.

Рассматривая деликтоспособность юридических лиц, мы пришли к выводу, что на неё не оказывает влияние такая категория, как волеспособность, потому что коллективные субъекты не могут обладать собственной волей. Мы предлагаем понимать под деликтоспособностью юридических лиц способность самостоятельно претерпевать меры ответственности за противоправные поступки, совершённые её представителями для достижения корпоративных целей. При этом данная способность зависит от конструкции организационно-правовой формы, которая определяет все остальные признаки деликтоспособности юридических лиц. Одним из них выступает имущественная состоятельность, что выражается в законодательном закреплении минимального размера уставного капитала для некоторых видов организаций. Немаловажным признаком деликтоспособности юридического лица, по нашему мнению, выступает также возможность особого влияния на его деятельность другой организации в силу преобладающего участия в уставном капитале либо в соответствии с заключённым между ними договором.

Законодательно все организации, невзирая на различия в характере и объёме их правоспособности, по общему правилу имеют равный объём деликтоспособности. Однако, по нашему мнению, это не должно означать установление общего знаменателя для всех юридических лиц. В некоторых случаях вполне целесообразно распространение деликтоспособности учредителя на деятельность юридического лица, особенно когда существование компании социально значимо. Поэтому мы придерживаемся мнения, что деликтоспособность юридических лиц и их учредителей должна носить взаимный характер: учредитель способен претерпеть меры ответственности за некоторые правонарушения созданного им юридического лица, а организация должна иметь возможность отвечать за отдельные правонарушения учредителя. Кроме того, юридические лица со специальной правоспособностью должны обладать и соответствующей специальной деликтоспособностью, поскольку требования к их правосубъектности со стороны государства и общества увеличиваются.

Правовая природа деликтоспособности публично-правовых образований всегда зависела от двойственности их правового статуса: они устанавливают критерии деликтоспособности различных субъектов права, в том числе определяют объём своей деликтоспособности. Исходя из того, что мы оцениваем поступки публично-правовых образований исключительно по действиям их официальных представителей, то под деликтоспособностью данных субъектов следует понимать юридическую и фактическую возможность нести ответственность за деятельность собственных органов, должностных и юридических лиц. При этом деликтоспособность должна распространяться на любое поведение его официальных представителей при осуществлении ими вверенных прав, даже если эти лица вышли за пределы предоставленных им

полномочий. Немаловажным является вывод о том, что деликтоспособность государства не может распространяться на деятельность частных лиц, даже в случае, когда те действовали в интересах данного государства. Поскольку в непризнанных государствах имеются все атрибуты конституционности установленной власти и действующей правовой системы, мы рассматриваем их как лиц, наделённых соответствующей деликтоспособностью. По нашему мнению, деликтоспособность публично-правовых образований не может совпадать по объёму с деликтоспособностью других лиц. Она носит ограниченный характер и подвержена влиянию ряда правовых барьеров, под которыми можно рассматривать конструкции организационно-правовых форм государственных юридических лиц, правовые иммунитеты на имущество и отдельных должностных лиц. В некоторых случаях деликтоспособность данной категории субъектов отсутствует вовсе. Мы считаем, что существование таких законодательно закреплённых ограничений в деликтоспособности государства должно иметь рациональное обоснование и чёткий механизм применения, исключающий возможность злоупотребления иммунитетами.

Литература:

1. *Афанасьев В.С., Сунцова Е.А.* Некоторые проблемы теории правонарушений и юридической ответственности. / Право и политика. – 2006. – № 3.
2. *Бубон К.В.* Без вины виноватые. / Адвокат. – 2008. – № 1.
3. *Галагин И.А.* Методологические проблемы общей теории юридической ответственности по советскому праву. / Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1989.
4. *Гойман В.И.* Юридическая ответственность: понятие, принципы и виды. Общая теория права и государства. / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994.
5. *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности (Социологический и юридический аспекты). – Л., 1985.
6. *Колесниченко Ю.Ю.* Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности. / Журнал российского права. – 2003. – № 1.
7. *Липинский Д.А.* Формы реализации юридической ответственности. – Тольятти, 1999.
8. *Лучков В.В.* Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. – Тольятти, 2004.
9. *Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И.* Теория государства и права. – Ростов-на-Дону, 2002.
10. *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992.
11. *Самощенко И.О., Фаркушин М.Х.* Ответственность по советскому праву. – М., 1971.
12. *Сперанский К.К.* Возникновение и формирование уголовной ответственности. / Актуальные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Кубанского гос. университета. – Вып. 212. – Краснодар, 1996.

13. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980.
14. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2007.
15. *Черных Е.В.* О нормативном характере юридической ответственности. / Вопросы теории государства и права. Вып. 1 (10). – Саратов, 1998.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИЗМА В ЕС

© 2010 Жирнов А.В.

*аспирант кафедры Теории и истории государства и права, соискатель ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12 00 01
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Аннотация:

Европейский Союз является одним из ближайших крупнейших экономически развитых регионов. Правовое регулирование взаимоотношений бизнеса и власти в рассматриваемом регионе носит разносторонний характер. Органы власти Европейских стран имеют большой опыт регулирования лоббистских отношений как внутри государств, так и на уровне органов управления ЕС. Исследованию методики регулирования лоббизма, правовых механизмов и других специфичных аспектов, касающихся лоббистской деятельности в Европе, посвящена данная статья.

The European Union is one of the closest major economically developed regions. Legal regulation of relations between business and authorities in this region is diverse in nature. The authorities of the European countries have extensive experience in regulatory lobbying relationships both within countries, and the level of administration of the EU. Research methods of regulating lobbying, legal arrangements and other specific aspects relating to lobbying activities in Europe devoted to this article.

Касаясь вопроса о средствах правового регулирования лоббизма в странах Европейского союза, необходимо подчеркнуть, что лоббисты в Европе – это группы высококвалифицированных специалистов, имеющих каналы и возможность для сбора информации, подходящий инструментарий для того, чтобы склонить органы власти к принятию желаемого решения в интересах групп, которые нанимают лоббистов. Лоббисты часто выступают посредниками между группами давления и представителями органов законодательной и исполнительной власти, тем самым, оказывая значительное влияние на складывание политического курса.

В данной статье произведем анализ целей и средств двух основных, на наш взгляд, аспектов Еврোলоббизма в ЕС: лоббизма внутри государства-члена ЕС и лоббизма, направленного на органы управления Евросоюзом.

В результате анализа мы рассчитываем наиболее полно понять методологическую базу, применяемую лобби в странах ЕС.

Великобритания представляет собой пример наиболее либерального регулирования института лоббизма при отсутствии специального закона. Здесь законодательно оформлена возможность членов парламента представлять интересы финансово-промышленных группировок и бизнес-структур. Регулирование лоббизма происходит с помощью законов, регламентирующих поведение членов парламента, отчетность о финансовой заинтересованности членов палат парламента, и, в большинстве случаев, направленных на деятельность лоббируемых, а не на самих лоббистов.

В Великобритании с 1994 года существует специальный «Комитет по стандартам публичной сферы», отвечающий за взаимоотношения заинтересованных групп, групп давления с представителями государственной власти. В обеих палатах парламента Великобритании существует специализированный документ-реестр со сведениями об интересах членов парламента, содержащий подробные сведения о деятельности, касающейся договоренностей, заключенных с консультантами, представителями юридических фирм и лоббистских организаций. За счет этого образуется прозрачность в лоббистском взаимодействии заинтересованных групп и членов парламента. Парламент назначает ответственное лицо, координирующее и консультирующее деятельность членов парламента в процессе лоббирования. Парламентарии несут ответственность перед ответственным лицом в случае отклонения от утвержденного возможного кодекса поведения. Важным является ограничение на лоббирование интереса личного характера. Член палаты представителей наряду с членом палаты лордов не имеет права принимать участие в голосовании, если от результата последнего зависит его личная выгода.

Обе палаты парламента Великобритании проводят свои заседания преимущественно в открытом режиме. Заинтересованные лица могут свободно зайти в помещение и наблюдать за деятельностью парламента из галерей. Также свободно они могут зайти в архив палаты лордов и получить документы, начиная с 1497 г., и в архив палаты общин, где хранятся документы с 1547 г. Кроме того, открытый доступ имеет «Хансард» (Hansard) – официальный отчет о дебатах в парламенте, который выходит ежедневно, содержит протоколы заседаний и ответы на парламентские запросы [1, 96].

Исследуя правовые средства регулирования лоббизма в Европе, мы использовали последние исследования лоббизма П.А. Толстых, С.П. Перегудова, А.В. Саламатина и других.

Характеризуя лоббизм в Великобритании, П.А. Толстых выделяет следующие основные требования к членам парламента, касательно их профессиональной деятельности, связанной с лоббизмом:

- Членам Парламента (ЧП) разрешается быть занятыми в несвязанных с их парламентскими должностными обязанностями работах. Комитет по стандартам публичной сферы даже поощряет такую занятость, т.к. это позволяет ЧП оставаться осведомленными о реальных проблемах общества.
- Принцип «no paid advocacy rule». Член Парламента не должен получать материальное вознаграждение от заинтересованных лиц за свою работу в парламенте – голосование, парламентский запрос, снятие предложения с обсуждения, внесение законопроекта, внесение или снятие с обсуждения поправок к законодательному предложению, а также за попытки убедить своих коллег или министров совершить любое из вышеперечисленных действий.
- Член Парламента не может выносить на обсуждение проблемы, затрагивающие декларированный им интерес, однако может участвовать в их обсуждении, объявив при этом свою заинтересованность в этом вопросе.
- Член Парламента может давать платные консультации.
- При возникновении конфликта между своими личными интересами и общественными интересами Член Парламента должен ориентироваться на общественный интерес.
- Член Парламента должен сообщать о своих интересах: а) внося их в ежегодно публикуемый Register of Interests [2] (впервые создан в 1974 г.); б) открыто заявляя о своём интересе при выступлениях на тему, непосредственно затрагивающую этот интерес.
- Член Парламента должен раскрывать информацию о полученных денежных вознаграждениях за услуги, связанные с парламентской работой, а также предоставлять контракты об оказании этих услуг в Register of Interests [2].

Существуют также требования, предъявляемые к иным государственным служащим, имеющим отношение к лоббизму:

- Государственные Служащие должны документировать свои контакты со сторонними организациями и лицами.
- Государственные Служащие не должны разглашать конфиденциальную информацию.
- Государственные Служащие не должны принимать подарки, денежные переводы и т.п.
- При возникновении конфликта между своими личными интересами и общественными интересами Государственный Служащий должен ориентироваться на общественный интерес [3].

Аналогично списку интересов Парламентариев, в Великобритании существуют: список интересов журналистов, реестр межпартийных групп (Register of All-Party Groups).

Вышеперечисленные средства правового регулирования лоббизма в Великобритании характеризуют применение методов, направленных

преимущественно на законодателей, госслужащих, т.е. лиц, осуществляющих давление на властные структуры. С помощью такого механизма в стране успешно функционирует институт лоббизма, где госслужащие являются представителями интересов заинтересованных групп, посредством лоббистских контор.

Правовое регулирование лоббизма в Германии не базируется на каком либо федеральном законе, однако имеет ряд нормативных актов, регулирующих лоббизм.

Основы лоббистской деятельности закреплены в статье 17 Конституции Германии. По смыслу она практически дублирует статью 33 Конституции РФ и звучит так: «Каждый имеет право самостоятельно или в сообществе с другими письменно обращаться с просьбами или жалобами в соответствующие органы и в парламент».

В список документов, осуществляющих регламентацию лоббистской деятельности в Германии, входят:

- «Единое положение о федеральных министерствах»;
- «Регламент деятельности Бундестага»;
- «Кодекс поведения члена Бундестага»;
- «Положение о регистрации союзов и их представителей при Бундестаге».

Согласно «Единому положению о федеральных министерствах» заинтересованным группам разрешено участвовать в процессе разработки законопроектов министерств и ведомств. Этот факт характеризует возможность лоббирования на уровне исполнительной власти. Согласно «Регламенту деятельности Бундестага», заинтересованные группы и группы давления имеют право принимать участие в заседаниях германского парламента. «Кодекс поведения члена Бундестага» дает право членам палаты парламента за определенное вознаграждение принимать участие в решении вопросов, подлежащих обсуждению в комитетах парламента. Началу слушаний в комитете должна предшествовать процедура объявления депутатами своей заинтересованности. «Положение о регистрации союзов и их представителей при Бундестаге» предусматривает обнародование и открытую публикацию лоббистского списка, где указываются все союзы, ассоциации и объединения, получившие официальный доступ к ведомствам федерального правительства и комитетам парламента. Однако, несмотря на общую задачу, данные нормативные акты существенно отличаются друг от друга. Если американский закон распространяется на юридических и физических лиц, то Положение о регистрации союзов и их представителей при Бундестаге – только на юридических. В соответствии с его условиями не требуется указывать получаемые и расходуемые денежные средства, так как при свободной регистрации нет оснований доверять таким данным [4]. На основании сведений о руководстве, количестве членов и области интересов союза германский депутат может судить об авторитетности и репрезентативности зарегистрированного лоббиста. В соответствии с данным положением в палатах германского парламента представлены несколько сотен лоббистских структур

федерального уровня. Благодаря регистрации лоббистские структуры получают официальную возможность принять участие в работе профильных комитетов, открыто формулировать свои мнения на открытых слушаниях и т.п.

Большой интерес представляет правовое регулирование лоббизма во Франции, ввиду неоднозначного отношения органов государственной власти к исследуемому феномену.

Нормативное регулирование лоббизма во Франции берет свое начало с 1884 года, когда был принят «Закон о свободе союзов». Данный нормативный документ позволял защищать интересы производителей посредством взаимодействия лоббистов и политиков, преимущественно в скрытой от общественности форме. Органы государства не связывают свою деятельность с лоббистами, дистанцируются от заинтересованных групп.

Конституция Франции образца 1958 года содержит в себе нововведения, на основании которых действует «Социально-экономический совет», членами которого являются представители групп, профессиональных промышленных объединений. Они предоставляют правительству заключения по всем законопроектам социального или экономического характера.

В 1991 году во Франции образовывается Ассоциация советов по лоббизму, призванная ввести в определенную систему отношения государства и представителей заинтересованных групп. В настоящее время во Франции происходит обсуждение парламентской инициативы, содержащей предложение вести регистр заинтересованных групп и лоббистских организаций с целью регламентировать доступ к национальному собранию. Это позволит государственным органам вести контроль и мониторинг заинтересованных групп.

Если говорить о средствах правового регулирования лоббизма в Евросоюзе, то здесь содержатся основные базовые правовые механизмы «мягкого» регулирования лоббизма, вобравшие в себя части средств правового регулирования в странах-членах ЕС. Основным средством правового регулирования лоббизма является кодекс поведения и открытый регистр лоббистов, примеры которых описаны выше на примере Великобритании, Германии и Франции.

В Евросоюзе существует перечень рекомендаций, которых должны придерживаться все члены содружества. Главная их цель состоит в том, чтобы средства регулирования лоббистской деятельности в отдельных государствах не были слишком суровы и громоздки. Перечень содержит следующие требования:

- нельзя скрывать коммерческих отношений между политиками и частными структурами, профсоюзами и групповыми лоббистами, в том числе фактов подарков политикам;
- списки лоббистов должны регистрироваться и представляться общественности и СМИ;
- лоббисты должны предоставлять сведения о названии организации, именах оплачиваемого персонала и руководителей организации, а также законодателей, с которыми существуют коммерческие отношения; при этом фирмам, которые консультируют по проблемам

лоббизма, рекомендуется регистрировать своих клиентов (информацию относительно лоббированных вопросов можно не предоставлять);

- нельзя считать лоббистом того, кто пытается влиять на политический курс исключительно с помощью связей с общественностью, через СМИ или направляя письма по адресу парламентария или государственного чиновника;
- для частичного покрытия расходов по управлению лоббистской деятельностью следует внедрить регистрационный сбор, размер которого должен быть небольшим, чтобы стимулировать участие небогатых организаций [5].

Переходя к рассмотрению лоббизма на уровне институциональной структуры ЕС, отметим необходимость рассмотрения в данном контексте внутреннего и внешнего лоббизма.

Политические, экономические, а, соответственно, и лоббистские отношения и их особенности внутри ЕС определяются характером институционального строения, особой сложностью и разнообразием его системообразующих структур и ведомств. Как правильно отмечает С.П. Перегудов, ввиду большого количества самостоятельных политических факторов, взаимодействующих как на межнациональной, так и наднациональной основе, существует весьма своеобразная система отношений в ЕС, которая, имея определенные черты иерархии, в основном функционирует на «согласительной» основе, как сложная сетевая структура. Тот же «согласительный» характер носят и отношения внутри отдельных институтов ЕС, начиная с Европейского совета, Комиссии, совета министров и кончая чисто консультативными учреждениями типа экономического и социального Совета [6].

То, как вырабатываются и принимаются решения в ЕС, зависит во многом от участия не входящих в структуру институтов Евросоюза заинтересованных групп и групп давления самого различного характера и назначения. Это и организации бизнеса, и отдельные крупные корпорации, и организации гражданского общества, и региональные, и этнические образования входящих в Союз стран, и множество культурных, научных и иных образований.

В данной ситуации не срабатывает какой-либо из существующих «прямых» методов лоббирования, ранее эффективно применявшийся. Таким образом, возникает необходимость применения новых, более усовершенствованных, усложненных методов взаимодействия с органами управления ЕС. На уровне ЕС никакая группа не может повлиять на своего контрагента с помощью обычных методов осуществления силового давления (coercion), другими попытками «загнать в угол» (encapsulation), методами убеждения в своей правоте и др.

Очевидно, что требуется более глубокий анализ ситуации и, конечно же, «переговоры и компромисс, успех которых зависит от предварительного исследования и выполнения «массы домашней работы» (a lot of homework) [6, 64].

В том случае, если определенная группа интересов поставит цель укрепить свои позиции для получения необходимого ей результата, она должна практиковать профессиональные действия, исходящие из этих принципов. Примером такого рода «домашней работы» могут служить детальные экспертные обоснования выдвигаемых предложений, создаваемые не только для самих лоббистов, но и для соответствующих институтов самого Евросоюза и его «властных институтов», каковым принято считать Комиссию.

Важнейшим моментом в работе Комиссии является взаимодействие с внешними акторами. Это подтверждается одним из фундаментальных документов Комиссии. «Комиссия всегда была и остается институтом, открытым для взаимодействия вовне (open to outside input). Такого рода диалог взаимовыгоден как для Комиссии, так и для внешних акторов».

Условием успеха взаимодействия лоббистских групп и Комиссии является объединение «внешних акторов» в отраслевые функциональные группы по интересам. С помощью такого рода объединения, заинтересованные «еврогруппы» получают возможность более детально и профессионально предоставлять и обосновывать значимые аналитические материалы, призванные повлиять на воплощение интересов лобби.

Анализируя вышеизложенное, приходим к выводу, что «европейский» лоббизм использует не только лишь сугубо политическую плоскость и средства. Лоббизм в Европе – это искусство, требующее от его участников высокой степени профессионализма и компетентности, а также умения ориентироваться в сложных и постоянно меняющихся обстоятельствах.

Характер «внешнего лоббизма» в Европе, безусловно, определяется во многом спецификой «внутреннего лоббизма».

Внешний лоббизм в ЕС играет более весомую роль относительно лоббизма, направленного на правительства и органы управления национальных государств ЕС. Объемы европейского рынка, как экономического и политического организма, также как и особая роль бизнеса в системе принятия решений, собирают вокруг ЕС множество лоббистов, нацеленных на принятие выгодных для себя политических и экономических решений посредством влияния на институты Союза.

Ярчайшим примером внешнего лобби является Американская Торговая палата в Евросоюзе (American Chamber of Commerce to the European Union – АМСНАМ-EU). Члены данной организации (насчитывается порядка 140) входят в число самых успешных корпораций в США. Основной целью палаты является продвижение интересов американских компаний, создание максимально благоприятных условий для развития деятельности компаний - членов Американской торговой палаты.

Американо-европейские корпоративно-политические связи и отношения послужили примером выстраивания и отношений ЕС с корпоративным бизнесом ряда других стран.

Механизмы и способы продвижения собственных интересов, которые удалось создать американским корпорациям и их политическим

представителям, остаются для всех этих стран, на сегодняшний день, недостижимой «вершиной» [7, 196].

Применяемые средства регулирования лоббизма в ЕС: нормативное регулирование, общественный контроль, традиции взаимоотношений органов власти и заинтересованных групп положительно сказываются на развитии всех сфер жизни общества.

Безусловно следует рассмотреть пример более успешного функционирования института лоббизма на примере США, о чем автор напишет в следующих номерах издания.

Литература:

1. Лоббинг в России и за рубежом: мониторинг, прогноз, аналитика. [Электронный ресурс]. / Под ред. П.А. Толстых. – Электрон. дан. – М.: Российский профессиональный портал о лоббизме и GR, 2010. – Режим доступа: <http://lobbying.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Парламент Великобритании [Электронный ресурс]. / Официальный портал – Режим доступа: http://www.parliament.uk/about_commons/register_of_members_interests.cfm.
3. Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П.А. Толстых). / Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. Москва, 2009. [Электронный ресурс]. / Режим доступа: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=26.
4. Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П.А. Толстых). / Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. Москва, 2009. [Электронный ресурс]. / Режим доступа: http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=21.
5. Буряк Р. Россия и мир. / Право и защита. №9, 2009.
6. Перегудов С.П. «Лоббизм российского крупного бизнеса в Европейском союзе». / «МЭиМО». №9, 2009.
7. Семенов И.С. Группы интересов на Западе и в России: Концепция и практика. М., 2001.

РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ РЕСУРСЫ И СЕРВИСЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2010 Зуев В.И.

*кандидат физико-математических наук, проректор по дистанционным
и информационным технологиям
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Облачные технологии могут служить основой для создания таких структур, как персональная образовательная среда (PLE). При этом в сеть (в облако) могут быть перемещены как хранилища учебных объектов (RLO), так и специализированные приложения и сервисы. Доступ к этим сервисам может быть организован как с персональных компьютеров, так и с мобильных устройств. Новый подход не изменяет принципы предоставления образовательных услуг, а является результатом конвергенции ряда технологий, включая виртуализацию, он-лайн сервисы и высокоскоростные сети.

Феномен облачных вычислений (cloud computing) обязан своим появлением благоприятному стечению обстоятельств и факторов – переносу внимания провайдеров на услуги (SaaS), виртуализации и стандартизации вычислений в Интернете. Кроме виртуализации, в основе идеи «cloud computing» лежат такие технологии и понятия, как распределенные вычисления (distributed computing), сетевые (grid) технологии, сервис-ориентированная архитектура (SOA), широкополосные линии связи, открытое и свободное ПО, сетевые приложения и многое другое, связанное с понятием Интернет 2.0 (Web 2.0).

Из всего многообразия приложений и сервисов Интернета 2.0 наибольший интерес для организации обучения представляют следующие:

- сервис он-лайн хранения фотографий и изображений (например, Flickr, Picasaweb, Фото@mail.ru и т.д.),
- он-лайн хранение документов и книг (Scribd, Google Books),
- он-лайн хранение презентаций (Slideshare),
- он-лайн хранение видеороликов (YouTube, TeachTube, RuTube),
- он-лайн хранение аудиофайлов (подкастинг) (rpod.ru),
- создание портфолио он-лайн (SiteKreator, Epsilon),
- организация веб-конференций (Elluminate, ooVoo, Yugma),
- сервис сетевых (социальных) закладок (del.icio.us, BobrDobr),
- он-лайн игры (виртуальная реальность) (Second Life),
- сервис захвата учебного контента (Lecture Capture)
- он-лайн тестирование (Brainbench) и т.д.

Педагогическое применение перечисленных сервисов почти очевидно. Например:

- он-лайн хранилища фото и изображений могут быть использованы при подборе иллюстраций для школьных уроков истории, биологии, литературы и т.д.;
- он-лайн хранилища документов, книг и презентаций могут быть использованы в самостоятельной работе студентов, для распространения учебно-методических материалов;
- видео-сервисы могут быть использованы для хранения учебных видеофильмов, а также как архив записанных видеолекций (nwrp.ru);
- аудио-сервисы позволяют распространять учебные аудиоматериалы и организовывать трансляции (iTunes U);
- SiteKreator и Epsilon позволяют разместить он-лайн развернутое резюме студента, организовать ссылки на место размещения в Сети его работ;
- веб-конференции используются для организации он-лайн семинаров, выступлений приглашенных лекторов, организации повышения квалификации профессорско-преподавательского состава;
- сервисы социальных закладок позволяют организовать эффективные ссылки на все вышеупомянутые ресурсы и т.д.

Понятие «электронное обучение» тесно связано с понятием «виртуальная образовательная среда». Виртуальная образовательная среда (VLE – VOC) – это платформа, позволяющая организовать электронное обучение и обогатить традиционный учебный процесс он-лайн компонентами. Как пример, можно упомянуть интеграцию LMS Moodle с сервисом он-лайн конференций Elluminate или игровой платформой Second Life (Sloodle). Ядром такой виртуальной образовательной среды является система управления учебным процессом (LMS, CMS) – открытое (Moodle, Sakai) или проприетарное (Blackboard, RedClass) программное обеспечение.

Наполнение виртуальной образовательной среды контентом осуществляют преподаватели учебного заведения, студентам же VOC обеспечивает поддержку по всей траектории обучения, а для администрации учебного заведения – дает единую точку доступа ко всей информации о студентах.

В центре VOC находится контент, представление учебных материалов происходит единообразно всем студентам, без учета индивидуальности каждого обучающегося.

Интеграция виртуальной образовательной среды с сетевыми технологиями, такими как блоги, вики, социальные сервисы, приводит к возникновению понятия персональной образовательной среды (PLE – ПОС). В случае персональной образовательной среды обучающийся, направляемый преподавателем-наставником, получает большую самостоятельность в определении своей учебной траектории. Учащиеся могут объединяться в группы для совместной деятельности. Персональная образовательная среда предоставляет также возможность профессиональной переподготовки, организации обучения на протяжении всей жизни (lifelong learning).

Можно выделить три педагогические модели функционирования персональной образовательной среды:

1. Модель самообучения. В этом случае ПОС предоставляет обучающемуся (как правило, опытному пользователю Интернета) набор несвязанных сервисов, которые позволяют ему самостоятельно решить поставленные перед ним учебные задачи.

2. Модель виртуального класса под руководством педагога. Траектория обучения в этом случае жестко задается преподавателем, который организует групповую деятельность в рамках традиционной ВОС.

3. Модель индивидуального обучения под руководством педагога. В этом случае гибкое сочетание сервисов традиционной ВОС и ресурсов Интернета позволяет организовать адаптивный учебный процесс на основе индивидуальных консультаций и рекомендаций педагога.

Последняя модель наиболее близка парадигме работы в облаке (cloud computing). Пять основных характеристик такой работы:

- Выделение ресурсов пользователю в режиме самообслуживания – студент заходит на сайт, запрашивает ресурс или услугу и начинает их получать.
- Повсеместный удаленный сетевой доступ.
- Скрытое от пользователя реальное выделение ресурсов - конечный пользователь не имеет представления, где, как и какие вычислительные мощности и системы хранения данных его в реальности обслуживают.
- Быстрая адаптация к увеличению или уменьшению нагрузки – система подстраивается к объему запрашиваемых ресурсов.
- Гарантируемый и измеряемый уровень сервиса, например, контроль трафика по гарантированному каналу доступа и т.д.

Три модели предоставления образовательных услуг в облаке:

- Программное обеспечение, как сервис – Software-as-a-Service (SaaS), например, электронная почта в интернете,
- Платформа разработки, как сервис – Platform-as-a-Service (PaaS) – системы для разработчиков веб-приложений, как Google App Engine,
- Инфраструктура, как сервис – Infrastructure-as-a-Service (IaaS) – дата-центры, в которых можно запускать свои виртуальные машины. Например, Amazon Web Services.

Четыре модели организации такого облака:

- Закрытое (private – частное) облако. Создается и обслуживается конкретной организацией (учебным заведением).
- Кооперативное (community) облако – несколько членов сообщества делят совместно-поддерживаемую систему.
- Открытое (Public) облако – открытый сервис, доступный всем потребителям.

- Гибридное (Hybrid – смешанное) облако – комбинация закрытого и открытого, например, LMS и библиотека в сети Интранет учебного заведения плюс ресурсы и сервисы в открытой системе.

Гибридная схема электронного обучения может быть представлена следующим образом - различные облака (закрытые, открытые и кооперативные) объединяются в единую систему, управляемую администратором, определяющим роли участников учебного процесса, режимы безопасности, процедуры идентификации и т.д. Закрытое облако предоставляет ресурсы учебного заведения (библиотеку, систему тестирования, систему управления учебным процессом – LMS и т.д.), открытые облака предоставляют доступ к онлайн-хранилищам и интегрированным сервисам (например, сервисам Google), кооперативное облако предоставляет доступ к ресурсам образовательного сообщества (например, ассоциации высших учебных заведений, профессионального сообщества юристов и т.д.)

Фактически облачные технологии (cloud computing) уже активно используются организаторами электронного обучения. При этом они не изменяют принципы предоставления образовательных услуг, а являются результатом конвергенции ряда технологий, включая виртуализацию, он-лайн сервисы и высокоскоростные сети.

Литература:

1. *Al-Zoube M.* E-Learning on the Cloud. – International Arab Journal of e-Technology, Vol. 1, No. 2, June 2009, pp.58-64.
2. *The Tower and the Cloud* (Richard N. Katz, ed). – EDUCAUSE, 2008 – <http://www.educause.edu/thetowerandthecloud/133998>.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2009 Ибрагимова А.С.

*старший преподаватель
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Проблема объекта и предмета научного исследования является методологической основой изучения любого явления. От того, как она решается, зависит результат исследования, т.к. он в известной мере заложен уже в определении объекта и предмета. Задача науки – понять объект для того, чтобы определить возможности практического воздействия на него под углом зрения определенных социальных субъектов. Формулирование своего понимания объекта – начало процесса его познания, результат которого станет ключом к практическому преобразованию данного объекта.

В современном обществе информация стала таким существенным компонентом всей жизнедеятельности людей, что это привело к коренному изменению точки зрения на объект научного исследования и, особенно, на соотношение объекта и предмета исследования. Традиционно под объектом подразумевается то, что существует независимо от воли и даже сознания человека. Именно такое бытие определяется как объективное. При этом часто упускается из вида вторая часть классического определения объективной реальности – ее данность субъекту в его ощущениях. Если объект никак не воздействует на ощущения субъекта, то он остается для последнего «вещью в себе», даже о наличии которой можно только догадываться. Знание об объекте предполагает наличие не просто информации о нем в виде малосвязанных друг с другом данных, но определенную систему данных. Системность возникает тогда, когда выявляются взаимосвязи и взаимозависимости между отдельными данными, а, следовательно, проявляется логика объекта. Но субъект выявляет логику в объекте посредством не ощущений непосредственно, а мышления, основанного на ощущениях и восприятиях. Конечно, на формирование ощущений, восприятий и мышления влияют филогенетические факторы, связанные с принадлежностью субъекта к определенным большим биосоциальным группам (биологическому виду *Homo Sapiens*, расе, этносу и т.д.) и исторически складывающимся условиями существования этих групп (цивилизационные различия). Однако очевидно и влияние онтогенетических факторов, связанных преимущественно с индивидуальными различиями между людьми (психофизиология, пол, возраст, образование, профессия и пр.). Разумеется, объект таков, каков он есть, независимо от того, чего мы о нем знаем и знаем ли мы о нем что-нибудь вообще. Освоение же объекта, для чего мы его и познаем, предполагает его ощущение, восприятие, понимание и осмысление субъектом. Для субъектов и любых сообществ субъектов, вплоть до общества в целом, важнее то, каким является объект субъекту, чем то, каков он есть. Объект научного исследования не может идентифицироваться с объектом таким, каков он есть. Такая идентификация исключает роль субъекта в познании и операциях с познаваемым объектом. Такое исключение роли субъекта из проблематики определения объекта становится совершенно абсурдным, если мы говорим об объекте научного познания. Научное познание – это вид деятельности. А деятельность всегда предполагает наличие субъекта.

Иначе говоря, в философском аспекте еще можно рассуждать об объекте вне его связи с субъектом, в социологическом – нельзя. Предмет социологии – социальное поведение в социальных структурах. При этом социальные структуры лимитируют социальное поведение, а социальное поведение придает динамику социальным структурам. Обе стороны предмета социологии никак не могут существовать и развиваться без социального субъекта. Поэтому и любой объект социологического исследования необходимо должен рассматриваться сквозь призму субъект-объектных отношений, т.е. как «вещь для нас». Рассмотрение объекта исследования как «вещи в себе» в социологии невозможно.

Современное общество характеризуется ускорением процессов общественного разделения труда и соответствующим развитием (углублением и расширением как выражением качественных и количественных характеристик) взаимодействий и взаимовлияний социальных субъектов. Важно подчеркнуть, что развитие общественного разделения труда приводит к прогрессирующей специализации социальных функций акторов. Социальные статусы дифференцируются. Исполнение социальных функций требует осознания актором своего статуса. Вырабатываемая в процессе такого осознания социальная позиция, взаимодействуя с социальными ожиданиями, направленными на данного актора со стороны других акторов, ложится в основу социально-ролевых установок, диктующих представления о социальных диспозициях участников складывающейся системы социальных взаимодействий. В результате общественное разделение труда превращается в систему разделения общественного труда, где все действующие лица связаны друг с другом и необходимы друг другу. Но они отличаются друг от друга своими функциями, статусами, позициями, ролями и диспозициями. В конечном счете, для возникающей социальной системы важно то, как каждый исполняет свою функцию. А для качественного исполнения этой функции актер должен с точки зрения потребностей системы адекватно отражать в своем сознании не только данную функцию, но и определяемые ею статус, роль, диспозицию. Осознание себя в качестве члена социальной системы предписывает определенное социальное поведение в рамках соответствующих социальных структур. В процессе социализации актер становится субъектом. Если его представление о самом себе как социальном субъекте не соответствует социальному значению исполняемых функций, он не может исполнять их так, как этого ожидает от него «общество». Чем более развита дифференциация социальных функций, тем важнее для «общества» осознание каждым его членом своей социальной субъектности. В современном обществе каждый должен быть субъектом. Альтернатива – некачественное, с точки зрения совершенствования адаптивных способностей социума, исполнение всей совокупности социальных функций, обеспечивающих жизнедеятельность всех членов данной социальной системы. Однако субъектность различна по своему содержанию. Это выражается в различии интересов социальных субъектов. Этим определяется факт превращения спонтанно складывающихся социальных взаимодействий в «игру», в которой партнеры могут выступать как конкуренты, ставя своей целью принудить другого игрока к самым невыгодным для него действиям. Превращение социальных взаимодействий в «игру с антагонистическими интересами» тем менее выгодно для социума, чем более развито в нем разделение общественного труда. Противоположный тип игры – игра с неантагонистическими интересами, в которой партнеры объединяют свои усилия на основе понимания того факта, что достижение максимальной выгоды для себя невозможно, если партнер или партнеры не смогут достичь выгоды для себя. Исторически в обществе сложился промежуточный тип «игры»: партнеры понимают, что надо дать возможность и другим получить некую выгоду для себя от складывающихся социальных взаимодействий, но стараются

максимизировать свою выгоду и, соответственно, минимизировать выгоду партнера. Этот третий путь неизбежно ведет к тому, что социальное взаимодействие так или иначе, рано или поздно, но неуклонно вновь возвращается к одному из двух классических типов «игры» при становящейся все более опасной для жизнедеятельности социума «игре с антагонистическими интересами». Возрастает значение социально направленной социализации - планомерно организованного учения играм с неантагонистическими интересами, в которых поведение партнеров, во-первых, изначально социально потому, что оно вполне целенаправлено на соответствующие реакции других участников процесса, и, во-вторых, мотивировано не столько собственными интересами субъекта, сколько целенаправленным же соотношением своих интересов с интересами других «игроков». В этих обстоятельствах само понимание объекта превращается в результат социального взаимодействия субъектов с несовпадающими интересами, которые фиксируются в различном содержании используемых представлений и понятий. Одномерность представлений об объекте и однозначность понятий и категорий, отражающих такие представления, уходит в прошлое, хотя присущая подобному подходу определенность сохраняет свою привлекательность для исследователя, и, особенно, для адресата исследования, потребителя научной продукции, часто воспринимающих усложнение наших представлений о мире как не только не нужное, но и просто вредное для практики «умствование».

Конечно, человек учится всему. Особенность учения как вида социальной деятельности заключается в его проективном характере: с одной стороны, существует определенный императив, предписывающий, какими знаниями, умениями и навыками надо овладеть, чтобы стать в действительности членом данного сообщества; с другой стороны, обучающийся еще не является в действительности полноправным членом данного сообщества, т.к. он не обладает еще необходимыми знаниями, умениями и навыками, а поэтому еще и не может быть уверенным в императиве. Чем больше становится объем предписываемых знаний, умений, навыков, необходимых для полноправного членства в известном социальном сообществе, тем острее переживается человеком возникающий когнитивный диссонанс. Последний выражается в разрыве между его мировосприятием, лежащим в основе самовосприятия, самоуважения, и тем мировосприятием, которое «должно быть», и которое, не совпадая с уже сложившимися представлениями и навыками практической деятельности, ставит под угрозу восприятие человеком самого себя как полноценной личности. Закономерно прогрессирует латентный скептицизм в отношении императивов обучения. Скептицизм не может проявляться открыто в условиях, когда связи между людьми и группами становятся все более разнообразными и тесными. Реакция на открытый скептицизм легко предсказуема. Скептик подвергнется остракизму, а исключение из сложившейся социальной системы ведет к прогрессирующему падению уровня самооценки. Но и без скептицизма нельзя, - самооценка тоже падает тогда, когда выясняется, что данный человек или даже данная социальная группа не владеют необходимыми, с точки зрения социума, знаниями, умениями и навыками.

Проще говоря, всегда существует предпосылка скептического отношения обучающегося к социальной действительности. Это основа имманентной конфликтогенности между «ветеранами», представляющими социум как структуру в форме императивов социального поведения, и «юниорами», сомневающимися в целесообразности этих императивов. Вновь возникает проблема: к какому типу игр будет относиться необходимое для воспроизводства социума социальное взаимодействие между «ветеранами» и «юниорами». Антагонизм неизбежно вызывает дестабилизацию и сопутствующую реструктуризацию социума. Следствием неизбежно будет хотя бы временная дисфункционализация всей сложившейся системы социальных взаимодействий. Это может соответствовать чьим-то интересам только в том случае, когда субъект не видит конструктивной альтернативы инциденту с партнером. В противоположном, неантагонистическом варианте развития отношений между «ветеранами» и «юниорами» вполне закономерно возрастает роль диалога партнеров, а, значит, их влияния друг на друга. Это выражается в усилении воздействия партнеров на формирование представлений друг друга о самом себе, характере, содержании и формах желаемых и допустимых социальных взаимодействий, социуме, как системе этих взаимодействий. Можно сказать, что «юниоры» хотя бы подсознательно стремятся к однозначности в миропонимании, скептически оценивая «умствование», являющееся результатом накопления жизненного опыта «ветеранов». При этом вне диалога опыт «ветеранов» может, как показывает история, стать источником консерватизма, а стремление к однозначности и одномерности в мировосприятии «юниоров» – источником авантюристического радикализма.

В контексте темы данного параграфа нашей работы из этого можно сделать следующие выводы. Во-первых, в социологии по мере развития общества возрастает взаимовлияние и взаимозависимость объекта и субъекта научного познания, в частности, побуждая объект по мере расширения масштабов его изучения к самоидентификации, а, следовательно, изменяя его поведение, влияющее на функционально-ролевые характеристики, на проявления собственной субъектности объекта, его представления о самом себе и своей роли в социуме. Во-вторых, любое определение предмета исследования отражает и выражает в приемлемой для субъектов форме ту систему социальных взаимодействий, которая является основой данного социума, членом которого являются исследователь и объект (объекты) его исследования. На наше представление о молодежи воздействует как объективное состояние общества, определяющее роль молодежи в современном мире, так и представление молодежи о самой себе, о мире, о своем месте в этом мире, которое не может полностью совпадать с представлением других социальных субъектов, включая представления о молодежи, сложившиеся в научном сообществе. Но онтологическое единство и целостность объекта, существующего независимо от сознания субъектов, не позволяет представлениям различных субъектов об одном и том же объекте полностью противоречить друг другу. Так или иначе, но представления об объекте, как бы

они ни отличались друг от друга по форме, по содержанию будут соотносимы между собой. Иначе они утратят связь с объектом и превратятся в спекулятивные определения.

Разумеется, это никак не препятствует формированию различных подходов к пониманию объекта. Они отражают связь объекта как онтологической целостности с предметом исследования, в котором фиксируется аксиологическое и гносеологическое многообразие этого же объекта: раз он имеет различное значение для субъектов, то они по-разному подходят к его изучению, начинают постигать объект с того, что в этом объекте интересует данного субъекта в первую очередь. В силу первичности онтологического единства и, в этом смысле, целостности объекта, различные подходы не противоречат, а дополняют друг друга, хотя формально они могут быть противоположными.

Можно выделить психофизиологический подход к определению того, что такое «молодежь», социально-психологический подход и собственно социологический подход к определению объекта исследования «молодежь».

Психофизиологический подход берет за основу возраст, социально-психологический – социальную установку в системе транзакций (Родитель – Взрослый – Ребенок), социологический – социальную роль.

Психофизиологический подход дает возможность понять устойчивость присущего молодежи радикализма.

Новые представления возникают в сознании человека благодаря способности нейронов головного мозга вступать во взаимодействия друг с другом, создавая синапсы. С возрастом подвижность нейронов уменьшается, ограничивая возможность формирования новых синапсов. Возникают трудности со складыванием новых представлений. Поведение человека все более основывается на интерпретациях новых объектов сквозь призму уже накопленного опыта. Новое вино вливается в старые меха, фальсифицирующие новый букет. Однако, с другой стороны, в молодости подвижность клеток коры головного мозга во многом объясняется тем, что количество синапсов ограничено и, соответственно, больше пространства формирования новых синапсов. В результате новые объекты интерпретируются под меньшим воздействием прежнего опыта, чем это имеет место в зрелом возрасте. В то же время ограниченность практического опыта молодежи не способствует эффективной верификации результата познавательной деятельности субъекта: он соотносится не с практически объективированным результатом, а с другими представлениями, слабо соотносимыми с объективной реальностью. Иначе говоря, субъективная реальность, лимитирующая поведение человека, у молодежи слабее связана с реальностью объективной, чем у старшего поколения. А предпосылки доминирования виртуальной реальности в сознании и поведении молодежи трудно понять и объяснить в отрыве от возрастных психофизиологических особенностей субъекта. Дефицит практического опыта компенсируется не столько доверием к старшим, сколько познавательной и деятельностной активностью, обладающей выраженным инновационным характером. Перефразируя ту же известную поговорку можно сказать, что

новые меха фальсифицируют букет старого вина. Молодежь в силу не только социальных, но и психофизиологических особенностей, связанных с возрастными характеристиками субъекта, не может воспринимать мир, себя, партнеров, свои отношения с другими субъектами так же, как все это воспринимают взрослые люди. Социализация может корректировать эти различия, но не может их полностью преодолеть, а тем более снять вероятность их возникновения вообще. Это очень важно иметь в виду, размышляя над тем, что же такое «молодежь» как объект научного исследования.

Однако молодежь, критически воспринимая старшее поколение, живет в мире, в котором именно старшее поколение занимает ключевые позиции: мир таков, каким он стал в результате деятельности старшего поколения, и именно это поколение продолжает играть ведущую роль в процессах социальных изменений. Данное обстоятельство определяет двойственность социального самовосприятия молодежи. С одной стороны, она понимает свою «вторичность», зависимость от старшего поколения, олицетворяющего те объективные социальные условия, в которых живет молодежь независимо от того, нравятся ей эти условия или нет. Молодежь не может чувствовать себя равной старшему поколению. С другой стороны, она не может смотреть на мир так же, как это делает старшее поколение. Поэтому она самоутверждается как субъект происходящих вокруг процессов посредством скепсиса, более или менее открытой критики старшего поколения, претендуя на то, чтобы быть услышанной, понятой и принятой своими социальными партнерами. Молодежи, как и любому другому социальному субъекту, мало иметь возможность высказать свою позицию. Субъект становится субъектом в действительности только тогда, когда его позицию учитывают в своем социальном поведении его партнеры, тем самым так или иначе показывая, что эта позиция ими понята и даже, в известной мере, принята. Отмеченная двойственность выражается в бинарности транзакций молодежи во «взрослом» мире: молодежь позиционирует себя и как Ребенок, и как Взрослый. Ощущение ограниченности своих возможностей влиять на ситуацию склоняет молодежь к принятию первой позиции, необходимость утвердить свою субъектность – к принятию второй. В отличие от детей, молодежь неоднозначна в исполнении социально-психологической роли Ребенка; ее стремление выйти из этой роли носит характер не аффекта, не каприза, а более или менее, но осознанного и целенаправленного действия. Но в отличие от взрослых она не может однозначно принять роль Взрослого в социально-психологической транзакции: нет действительного подтверждения того, что данный социальный субъект является полноправным участником социального взаимодействия, изменяющего существующий миропорядок, – нет действительно равноправного партнерства молодежи и взрослых в социальной практике. Возникает своего рода социальный бонапартизм, как известно, означающий лавирование, адаптацию к ситуации посредством изменения собственных позиций. Результатом такого мировосприятия становится непоследовательность, противоречивость мышления и действий субъекта, неустойчивость его поведенческих установок. Не формируется то, что можно было бы назвать

выверенной линией поведения субъекта. При этом, чем активнее молодежь включается в социальные практики взрослых, тем успешнее она преодолевает эту двойственность мировосприятия и поведения.

В современном мире устойчивое, а не продиктованное неопределенностью социальной ситуации, как это было в 90-е годы, включение в социальные практики требует все более длительного подготовительного периода обучения. Чем сложнее будущая деятельность, к которой готовится молодой человек, тем больше он должен усвоить базовых знаний, умений, навыков. Тем острее он воспринимает и переживает возникающий когнитивный диссонанс, подсознательно или сознательно дистанцируясь от непонятной и поэтому пугающей его действительности. Понятно, что вступления в эту взрослую жизнь не избежать, но «лучше бы попозже!». В то же время события последних десятилетий во многом дискредитировали практический опыт взрослого поколения. Характерно, что абсолютное большинство учащейся молодежи рассчитывает на себя больше, чем на взрослых (включая и родителей) или на представителей бизнеса и власти. Иначе говоря, предпосылки бинарного самовосприятия усилились: действительность пугает, склоняя к принятию позиции «Ребенок», а необходимость включения в эту пугающую действительность в условиях дискредитации едва ли не всего накопленного практикой поколений опыта требует ускоренного взросления.

К этому следует добавить еще исторические предпосылки формирования социально-психологических трансакций в России. По крайней мере, с X века, когда княгиня Ольга начала создавать местную администрацию, в России начал формироваться государственный патернализм в виде не критического, а основанного на доверии к власти как защитнице интересов и прав каждого субъекта российского общества. Все проблемы списываются при таком подходе на местные или ведомственные злоупотребления, которые может исправить только высшая власть, наделяемая статусом «Отца-батюшки» – доброго и справедливого, хотя и строгого Хозяина социума (учреждения, поселения, региона или страны). Государственный патернализм в форме надежды на высшее начальство вполне непротиворечиво сочетается с самым радикальным либерализмом в отношении начальства непосредственного и полным неверием в свои собственные силы и возможности. Россиянин, независимо от возраста и прочих социальных признаков, тяготеет к трансакционной позиции «Ребенок», тяготясь необходимостью принятия позиции «Взрослый», но с энтузиазмом принимая позицию «Родитель», позволяющую ему утвердить свою социальную субъектность хотя бы в отношении немногих близких или подчиненных. Российский менталитет предрасполагает к принятию позиции «совы» в социально-конфликтогенном пространстве: ты сильнее – ешь меня, я сильнее – не взыщи! Позиция «Взрослый», предполагающая диалог равных, не вписывается в традиционное российское мировосприятие. Поэтому российская молодежь колеблется не столько между позициями «Взрослый» и «Ребенок», сколько между позициями «Ребенок» и «Родитель», т.к. позиция «Взрослый» воспринимается с трудом даже старшим поколением. Взрослый не ищет того, на которого можно свалить ответственность за свои действия, но не исключает

ответственности других за их действия и результаты взаимодействия. Ребенок за свои действия не может отвечать, т.к. он не способен предвидеть их возможные последствия. Родитель же, наоборот, отвечает за все, т.к. он обязан предвидеть последствия действий и взаимодействий. У молодежи не хватает опыта и знаний для прогнозирования результатов действий и взаимодействий социальных субъектов. Но у нее есть желание поступать не так, как учат старшие. То есть налицо предпосылка формирования позиции, ориентированной на свободу действий без ответственности за эти действия. Чаще всего, именно так молодежь видит преимущества взрослой жизни.

Таким образом, молодежи вообще, а современной российской молодежи, в особенности, присущ высокий уровень неопределенности транзакционных установок, отражающих социально-психологический аспект социальной идентификации личности и групп. А неопределенность установок предрасполагает к восприятию влияний. Чем выше уровень неопределенности, тем легче субъект поддается влиянию других субъектов. В современном информационном обществе эти влияния происходят, чаще всего, в форме информационного воздействия. Информационное пространство открыто и разнообразно. Повышенная внушаемость, присущая молодежи, создает в этих обстоятельствах предпосылку не просто неустойчивости, но и непредсказуемости представлений и действий данного социального субъекта. Его мысли и поступки все чаще оказываются неожиданными даже для него самого. Возрастает латентная функциональность социального поведения молодежи. Конечно, это не всегда выражается в деструктивном социальном поведении от игромании до наркомании и преступности. Важен факт неопределенности, а, значит, и рискованности социального поведения молодежи. При этом у молодежи еще отсутствуют психофизиологические механизмы, обеспечивающие устойчивость и, соответственно, прогнозируемость мировосприятия и поведения.

Эти признаки сближают молодежь с маргинальными слоями общества.

Действительно, каждый молодой человек в отдельности осознает, что молодость представляет собой преходящий период в жизни индивида, когда закладываются социальные основы его будущего, дополняющие, корректирующие и направляющие те психофизиологические основы его личности, которые были заложены при рождении и в детстве. Молодость быстро преходяща. Задача молодого человека – научиться жизни. Получается, что под углом зрения индивида, как и сквозь призму социального подхода к индивиду, его оценки, молодость не имеет самостоятельного значения; она не самодостаточна. В таком контексте молодость можно определить как период, когда человек еще не состоялся в качестве полноценного члена социума. Понятно, что иногда человек становится полноценным членом социума - речь, естественно, не идет о детских сообществах - в относительно раннем возрасте. Не так уж редко стремление как можно быстрее преодолеть свою социальную «неполноценность» рождает в молодом человеке целеустремленность, исключаящую непоследовательность и противоречивость в социальном поведении субъекта. И все же, как правило, такое социальное восприятие

молодости устойчиво коррелируется с возрастом и транзакционной установкой. Молодой – значит, не достигший зрелого возраста, не обладающий еще устойчивой жизненной позицией и не обретший еще устойчивого положения в обществе. Вместе с тем, поскольку молодость достаточно быстротечна, постольку постоянно присутствующее в определении отрицание не абсолютизируется, а сопровождается оптимистической оговоркой «еще», в которой фиксируется надежда на преодоление такого положения с течением времени. Молодость – период перехода от детства к зрелости, от состояния ребенка к состоянию взрослого человека. Молодой человек – уже не ребенок и еще не взрослый. Это вполне подходит под определение маргинальности. Индивид под таким углом зрения всегда соотносится с группой, а сама группа членства данного индивида рассматривается как маргинальная.

Однако такой подход недостаточно учитывает системность общества.

Общество – всегда система общности и групп, составляющих общество, являющихся элементами единой системы в той мере, в которой они вступают во взаимодействия друг с другом, необходимые для жизнедеятельности всех членов данного социального образования.

Устойчиво необходимым элементом любого общества является молодежь: без молодежи у общества нет будущего. Более того, какова молодежь, ее отношение с другими поколениями членов данного общества, таково будет будущее этого общества. Конечно, неправильно утверждать, что какова молодежь, таким будет общество. Главная движущая сила общества – не социальные группы, а их взаимодействия. В этом плане общество будет таким, каким складывается взаимодействие его субъектов, необходимо включая в их число и молодежь. Молодежь нельзя ни переоценивать, ни недооценивать. Она действительно еще не может принять на себя те социальные функции, которые определяют статус старшего поколения. Ей не хватает реальной квалификации, необходимой в любом обществе, – а, тем более, в современном, – для качественного исполнения того объема социальных функций, которым определяется роль «взрослых». Здесь недостаточно получить и усвоить определенный объем теоретических знаний и практических навыков. Практические навыки надо осмыслить, а теоретические знания должны пройти селекцию в процессе практической деятельности. Все это требует времени. Собственно, формирование реальной квалификации и есть основное содержание процесса взросления с точки зрения общества как системы. В то же время молодежь – тот участник социального взаимодействия, изменяющего общество, без которого у общества просто не может быть будущего.

Итак, в плане индивидуальных характеристик членов данной большой социальной группы молодежь не способна играть более или менее значительную самостоятельную роль в обществе. В плане же групповых характеристик, напротив, та же молодежь – вполне устойчивая и влиятельная большая социальная группа, чье взаимодействие с другими социальными группами и общностями определяет динамику развития общества уже сегодня, тем самым, обеспечивая молодежи очень значительную и отличную от других, самостоятельную роль в общественном развитии. Эта социальная группа

неустойчива по своему составу, но устойчива по своей социальной роли. Состав, с присущими людям индивидуальными психофизиологическими характеристиками и формами проявления социально-психологических признаков, постоянно меняется, а исполняемые группой как целостным социальным образованием социальные функции, соответствующий статус, роль устойчиво воспроизводятся. Данная группа, можно сказать, в каждый конкретный момент, равна и не равна сама себе. Она стабильно динамична, т.к. постоянно меняет свой состав, и динамично стабильна потому, что сохраняет свою роль в обществе.

Представляется, что в исследовании такой двойственности молодежи как большой социальной группы заключается специфика социологического подхода. Констатация и объяснение данного феномена отражает сущность социологического определения молодежи как объекта научного исследования.

Оно так же интегрально, как ювентологическое определение. Но в ювентологическом определении психофизиологический, социально-психологический и социологический компоненты соединены между собой индивидами, из которых состоит молодежь как социальная группа. Эти компоненты не связаны между собой внутренней логикой. В социологическом определении они связаны между собой той ролью, которую молодежь, независимо от индивидуальных различий, играет в развитии общества как социального образования, живущего и развивающегося посредством взаимодействия составляющих его элементов. На первый план выходит не сосуществование признаков, а их взаимодействие. Ювентологию интересуют признаки молодежи как таковые; она занимается всем, относящимся к молодежи. Социологию интересуют корреляции признаков, отражающие социальную роль молодежи в социальной системе. Для ювентологии общество – декорация, в которой разворачивается драма молодежи. Для социологии молодежь является одним из участников драмы общества, разворачивающейся в декорациях мироздания. Ювентология не только не заменяет физиологию, психологию, социальную психологию, историю и социологию молодежи. Она не является пока интегративной наукой о молодежи. Пока интегральное, а не эклектическое понимание молодежи вырабатывается в рамках социологии, т.к. ключевым понятием в определении молодежи как объекта научного исследования является «социализация». Возрастные и транзакционные признаки соотносятся с этим понятием как зависимые переменные, а не наоборот. Для социолога, в первую очередь, интерес представляет социальное поведение субъекта. Социальные структуры лимитируют поведение и изменяются в процессе поведения субъектов. Социально направленное поведение формируется в процессе социального обмена, возникающего в ходе реализации любых социальных связей. Поведение, сформировавшееся как социальное, – в процессе организованной социализации. Молодежь выражает свою субъектность в обоих типах социального поведения. Такой подход дает возможность конкретизировать определение объекта исследования, определить в качестве него уже не молодежь в целом, а студенчество.

Как уже отмечалось, в современном обществе качественно меняется роль образования. Во-первых, возрастает объем знаний, необходимых для успешного овладения теми или иными социальными функциями. Во-вторых, усвоение возрастающего объема знаний требует решительного ухода от принципа репродуктивного образования, предполагающего трансляцию информации от обучающего к обучаемому, в процессе которой обучающий формулирует императивы систематизации этих данных, преобразующие информацию в знание, а обучаемый некритически усваивает материал, не имея ни доступа к независимым источникам информации, ни возможности логической или практической верификации теоретико-методологических императивов. В-третьих, информационная революция заключается не только в раскрытии новых и новых источников информации, контроль над которыми все более затрудняется даже чисто технически, но и в формировании возможностей выбора теоретико-методологических императивов систематизации воспринимаемой информации, включая и возможность свободного комбинирования теоретико-методологических подходов построения новых когнитивных моделей объектов познания. В-четвертых, в этих обстоятельствах обучающий уже не может играть роль оракула, транслирующего обучаемым истину, не подлежащую сомнениям; обучаемый критикует обучающего не потому, что испытывает напряжение в результате переживания когнитивного диссонанса, а потому, что пользуется альтернативной информацией и свободой выбора методологических императивов. Наконец, в-пятых, сегодня информация обновляется и устаревает так быстро, а ее динамизм требует такой гибкой методологии организации и систематизации данных, что трансляция готовых знаний уже не может «угнаться» за меняющимися потребностями социума: репродуктивное образование перестало соответствовать социальному заказу как принцип организации обучения. В результате обучаемые, с одной стороны, уже не могут вести себя как механически впитывающие знания «губки», если они действительно хотят получить полезные для жизни знания, а, с другой стороны, они предъявляют иные требования к обучающим, ожидают от последних организации их собственной познавательной инициативы и активности, а не менторства. Уходит в прошлое композиционный подход к обучению, предполагающий, что на «входе» и «выходе» обучаемый оценивается по критерию объема усвоенной информации, а изменение этого объема одновременно является и критерием оценки эффективности образования. Доминирующим становится мотивационный подход, апеллирующий к интересам обучаемого, и, следовательно, требующий постоянного мониторинга развития личности обучаемого со стороны обучающего. Обучающий тоже уже не может рассчитывать на то, что обучаемый будет добросовестно заучивать все, что ему говорит обучающий. Он должен рассчитывать на то, что обучаемый сам сформулирует те положения, выводы, принципы, к которым его подведет селекция теоретического и эмпирического материала, организованная обучающим. Обучающий ждет заинтересованной, а не показной, активности от обучаемого, основанной на стимулировании познавательной потребности, а не на стремлении угодить учителю.

Таким образом, изменение роли образования происходит, прежде всего, в социологическом измерении: меняются позиции, взаимные ожидания и претензии субъектов образовательного процесса. Причем субъектом оказывается уже не только «Учитель», «Просветитель».

Однако на этапе начального образования, когда обучаемый должен усвоить информационный фундамент наиболее общих знаний, умений и навыков, не требующий глубокого теоретико-методологического осмысления, императивы систематизации которого задаются повседневностью, значение репродуктивного обучения сохраняется. Здесь социологическое измерение роли образования едва ли может радикально измениться.

Получается, что именно студенты, включая обучающихся в профессиональных учебных заведениях всех уровней, а не школьники, обучающиеся в общеобразовательных учебных заведениях, становятся субъектами качественно трансформирующегося образовательного процесса.

Сразу вырисовывается узловая проблема: общеобразовательная школа не формирует и не может формировать тех подходов к обучению, которых требует современное профессиональное образование.

Студент, по крайней мере, теоретически направлен на приобретение и усвоение знаний, умений, навыков, необходимых ему для того, чтобы стать полноценным членом профессиональной группы. Не являясь таковым, студент всегда сомневается в адекватности того набора профессиональных знаний, умений и навыков, который ему предлагается, запросам практики. Но, если раньше ему предлагался более или менее однозначный набор, то сейчас ассортимент выбора неизмеримо вырос. От студента требуются умения и навыки самостоятельного отбора необходимой информации, ее систематизации и закрепления. Этому не учат в школе. Приходится учиться этому в профессиональных учебных заведениях, осваивая одновременно и сами знания, умения и навыки профессионального поведения, методику их усвоения в условиях не монолога учителя, а диалога организатора и координатора процесса обучения (обучающего) с исполнителем (обучаемым). Возрастают требования и к инновационному усвоению информации, и к построению диалога с другим субъектом образовательного процесса. Ускоряется формирование синапсов. Усиливается переживание когнитивного диссонанса (обучающий уже не воспринимается как оракул, а как партнер, но партнер более подготовленный – сильный конкурент). Механизмы психологической самозащиты диктуют «повышенный спрос» на скептицизм. Возникают сомнения в необходимости именно данной информации, знаний, умений, навыков, а надежные критерии верификации по-прежнему отсутствуют, т.к. студент не воспринимается социумом в качестве полноценного партнера и поэтому не допускается, как правило, к той практической деятельности, которая только и может стать таким критерием.

Возникает ситуация внутренней конфликтности. Объект – профессиональные знания, умения, навыки, необходимые для вхождения в пока еще референтную группу в качестве ее полноценного члена. Субъекты – Я-студент и Я-личность. Качественное исполнение роли студента входит в

противоречие с позитивным восприятием себя как личности. Высокая самооценка личности входит в противоречие с качественным исполнением роли студента. Вероятен инцидент в отношениях между оппонентами – внутренний конфликт.

Эту ситуацию можно интерпретировать как ситуацию аномии, для которой характерно не отсутствие, а неопределенность принципов, норм социального поведения. Естественно, в такой ситуации несколько трансформируются и модели снятия возникающих социальных и социально-психологических напряжений.

Конформизм как бы соединяется с ритуализмом: достаточно типично, что студент на семинаре дает нормативный с точки зрения учебника или преподавателя ответ, который не соответствует его собственному мнению. Обратная сторона этой модели поведения – формирование предпосылок появления и закрепления установки «не высовываться!», т.е. не применять на практике те знания, умения, навыки, которые субъект считает адекватными ситуации, но которые не совпадают с доминирующими в социуме стандартами восприятия и поведения. Это противоречит потребностям развития индивида, определяемым динамикой развития современного общества. Складываются основы консервативного мировосприятия, диктующего негативное отношение к любым изменениям среды и, соответственно, стремление как-то дистанцироваться от динамически развивающейся действительности.

Достаточно типичная для ситуаций аномии модель мятежа проявляется в выборе одного из членов складывающейся социально-психологической дихотомии «студент - личность». Возникающая декомпенсация преодолевается посредством или самоутверждения как личности в сообществе интеллектуалов, предполагающего признание результатов интеллектуального поиска субъекта этим сообществом, или самоутверждения как интеллектуала в сообществе обскурантов, признающих значение информации только как компонента досуговой деятельности и отрицающих ее значение для жизненных практик индивида. В обоих случаях разрешение дихотомии ведет к стремлению субъекта обособиться от социума как системы взаимодействующих субъектов, что входит в противоречие с тенденциями современного общественного развития. Чтобы преодолеть возникающее напряжение, субъект вынужден искать способа дистанцироваться от того социума, в котором нет возможности такого обособления или она ограничена.

Таким образом, отмеченные типовые модели преодоления состояния аномии, в конечном счете, в рассматриваемых обстоятельствах ведут к ретритизму.

Несколько сложнее обстоит дело с инновацией как способом преодоления напряжений, вызванных ситуацией аномии. Закрепление такой модели поведения требует признания социумом предлагаемых субъектом инноваций. Поскольку новое всегда воспринимается настороженно, постольку субъекту, презентующему себя как личность инновационного типа, нельзя рассчитывать на признание общества в целом. Инновационно мыслящую и поступающую личность способны признать и принять только новаторы. А это –

не все общество. Вновь возникает предпосылка дистанцирования и даже противопоставления себя и себе подобных «своих» массе на основе утверждения – хотя бы в своих глазах и глазах близких – своего превосходства над «толпой». Такая позиция тоже противоречит тенденциям современного общественного развития. Но именно в инновационном поведении проявляются лидерские способности субъекта даже тогда, когда инновация выражается в противодействии развитию. Новатор потому и новатор, что он не сливается с массой, но своим примером демонстрирует возможности нестандартного восприятия и поведения в сложившихся объективных обстоятельствах, тем самым, превращаясь в «маяк» для сбившейся с курса массы.

Получается, что в рассматриваемой конфликтогенной ситуации индивид не может рассчитывать стать полноценным членом социальной группы, не проявляя себя в качестве субъекта определенной системы социальных взаимодействий. Но проявление субъектности сопряжено с осознанным или подсознательным стремлением дистанцироваться от действительно существующего общества как системы объективно данных социальных взаимодействий.

Студент как социальное явление обнаруживает тенденцию проявлять свою субъектность таким образом, чтобы сохранять известную дистанцию с объективной социальной реальностью.

Вытекающее отсюда фрагментарное восприятие реальности становится основанием студенческой корпоративности. Студент по своему социальному статусу ориентирован на познание и поиск возможностей и форм самоутверждения в социуме, что предполагает выраженную социальность его поведения, его ориентацию на других. Сочетание и взаимовлияние идеальной потребности в познании и социальной потребности жить для других определяются как духовность субъекта. У студента основанием духовности оказывается дистанцирование от высококооперированной социальной действительности, выражающееся в корпоративности не только поведения, но и сознания студентов.

Это не может в той или иной степени и форме не отражаться на психофизиологии и социальной психологии студента.

Ускоренное взросление с точки зрения психофизиологии создает предпосылки раннего же перехода к консервативному мышлению и поведению, раннему выработыванию инновационного потенциала, присущего молодости.

Сквозь призму транзакции поведение студента, отражающее его социально-психологическое самовосприятие, тоже достаточно специфично: взрослый среди детей, но ребенок среди взрослых. Студент по своему статусу демократичен в том смысле, что ему не присуща позиция «Родитель». Его статус предписывает стремление к самоутверждению в среде, заведомо не принимающей студента в качестве полноценного члена данной социальной группы: он – «Ребенок» среди «Взрослых». Но он не может уже принять позицию «Родитель» со стороны взрослых. Это мятежный ребенок, еще не способный вести себя как взрослый, но уже не желающий принимать авторитет родителя. Такая конфронтация не может быть перманентной. Необходима

психологическая компенсация. Ее студент находит в том, чтобы вести себя как взрослый в компании подобных себе. Это позиционирование себя именно в роли «Взрослый», поскольку статус студента исключает принятие кого-либо в роли «Родителя». Но эту роль студент может играть только в сообществе тех, кого «большой» социум не принимает в роли взрослых, не говоря уже о роли родителя.

Итак, студент – объективно еще Ребенок среди объективно являющихся Взрослыми, но он позиционирует себя Взрослым, хотя таковым его принимают только те, кто сам объективно является Ребенком. Поскольку это позиционирование/принятие происходит в едином социальном пространстве, постольку происходит закрепление студенческой корпоративности и устойчивое воспроизводство критического отношения к амбициям студентов.

Вместе с тем, студент – будущий специалист. Еще пушкинский герой знал: «Как государство богатеет, И чем живет, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет». Раз производство этого «простого продукта» в современном обществе требует все большей специализации и профессионализма, то общество не может позволить себе не уважать специалистов без риска материального и духовного обнищания. Оно должно заботиться об их воспроизводстве. Основы профессионализма формируются в студенческие годы. Поэтому, как бы общество не воспринимало студентов, и как бы студенты не относились к себе и обществу, с точки зрения социологии студенты – это та часть молодежи, которая наиболее значима для общества. Молодежь в целом необходима, студенческая молодежь – исключительно значима. Ее особенности, прежде всего, состоят в том, что поведение, сформировавшееся как социальное, все более становится не непосредственным результатом достаточно однозначного социального императива, а результатом собственного выбора субъекта, представляющего собой своеобразную комбинацию различных социальных влияний, а формирование социально направленного поведения лимитируется своеобразными, только этой группе присущими, структурами социального обмена, в которых студенчество всегда играет активную роль, отличную от ролей, исполняемых другими группами молодежи. Поскольку социальный обмен, очевидно, является результатом социальных влияний, постольку проблема социальных влияний на студентов и их восприятие этих влияний становится ключевой для понимания и прогнозирования социального поведения данной социальной группы в динамично изменяющихся социальных структурах. В этом плане формирование любых признаков социального субъекта «студент» есть результат социального влияния, т.е. воспитания в широком смысле слова, но влияния не однонаправленного, не линейного, исходящего от различных социальных субъектов, отношение к которому у студентов тоже различное.

В контексте вышеизложенного понятно, что наиболее сложным социальным образованием, концентрированно выражающим все молодежные и студенческие социальные проблемы, является вузовское студенчество.

Таким образом, студенческая молодежь – самостоятельный, отличный от других объект научного исследования, а не некая переходная форма трансформации одного объекта в другой.

Литература:

1. *Кравченко А.И., Анурин В.Ф.* Социология: Учебник для вузов. 2003. – 432 с.
2. *Кузнецов В.Н.* Социология молодежи. – М.: Гардарики, 2005. – 335 с.
3. Молодежь и общество. Материалы науч.-практ. конференции (30 марта 2000 г.). – Ставрополь, 2000.
4. Социология молодежи: Учебник. / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб, 1996.

ТИПОЛОГИИ ТЕОРИЙ ЛИДЕРСТВА

© 2009 Ибрагимова А.С.

старший преподаватель

Институт социальных и гуманитарных знаний

Проблема лидерства издавна привлекала внимание мыслителей. Она выражает одну из загадок социального бытия. Человек, так или иначе, стремится проявить себя как личность, то есть проявить свою непохожесть на других людей. Но это возможно только при условии, что другие люди поймут и примут его презентацию своей индивидуальности. А людям, подобно всем живым существам, свойственно опасаться, а, значит, и не принимать все непохожее на уже знакомое и понятное. Получается, что человек в одно и то же время стремится быть и похожим, и не похожим на других людей. Он нуждается в известном «коридоре», в котором его личность могла бы проявиться в формах и способами, приемлемыми для хотя бы ограниченного круга других людей. Такой «коридор» образуется в процессе социализации, предполагающем определенную организацию социальных взаимодействий. Эта организация всегда предполагает социальную иерархию. Вот здесь и возникает загадка лидерства, отражаемая в самом определении данного понятия. Понятие «лидер» строится, исходя из двух принципиально важных посылок. Первая: лидер не может проявиться вне группы. И вторая: лидер всегда властвует в группе. Однако эта власть не всегда формализована, из чего следует и «обратная теорема» о возможности существования группы, в которой есть формальный руководитель, но нет лидера. В этом и состоит загадка лидерства: почему одни люди, несмотря на очевидное отсутствие видимых причин, обретают зачастую поразительно действенную власть над другими людьми, хотя эта власть далеко не всегда подкреплена какими-либо формальными санкциями. Зависит ли это исключительно от личных качеств человека или от социальных признаков группы, или от ситуации взаимодействия потенциального лидера и группы?

Определяя лидерство как способность использовать непринудительные формы влияния с целью побуждения других людей или групп к определенным целенаправленным действиям, следует подчеркнуть, что даже такое краткое определение данного понятия предполагает наличие ряда ключевых компонентов, присущих этому социальному феномену.

1. Лидер всегда является духовно-организационным центром группы. В тех случаях, когда он не является формальным руководителем группы, именно вокруг лидера создается неформальная организационная структура, становящаяся влиятельной силой во всех внутригрупповых взаимодействиях.

2. Для исполнения функции центра группы и вытекающих из этой функции статусно-ролевых установок лидер должен обладать вполне определенным и прогнозируемым набором личностных качеств.

3. Важнейшим качеством лидера является умение добиваться согласия внутри группы.

4. Личностные качества лидера и, прежде всего, его организаторские способности, выражаются в определенном типе поведения, в определенных действиях и поступках, не характерных для других членов группы.

5. Лидер может достаточно стабильно исполнять свои функции только тогда, когда группа признает его лидерство, а признание группы – результат того, что действия лидера удовлетворяют потребности группы и ее членов.

6. Отсюда внутреннее, психологическое признание лидера группой, ее членами; указания лидера выполняются потому, что исполнители хотят их выполнить, а не действуют по принуждению, как это имеет место в случаях проявления формализованной власти (руководства).

7. Лидерство, проявляясь в неформальном влиянии на группу, основывается на методах внутреннего воздействия на поведение других людей (убеждение, манипулирование, психологическое принуждение, но ни в коем случае не административный нажим, не организационное принуждение, опирающееся на механизмы внешних санкций).

8. Лидерство проявляется и закрепляется в структуре группы, в дифференциации статусов и ролей в группе.

9. Лидерство как раз и проявляется наиболее ярко в том, что именно лидер конструирует отношения в группе, инициирует формирование ее структуры.

На основании выделения таких компонентов лидерства можно выявить и основные элементы структуры данного явления. Нельзя исследовать лидерство, если объект исследования не включает в себя такие взаимодействующие элементы, как: 1) группу, обладающую внешней и хотя бы одной внутренней границей; 2) цели и задачи, играющие роль консолидирующих эту группу идей; 3) лидера как индивида – члена группы, обладающего известным, то есть достаточно типичным, набором качеств, проявляющихся в его социальном поведении; 4) последователей, понимающих и принимающих идеи и действия лидера и обладающих социальными диспозициями, необходимыми и достаточными для эффективной поддержки и осуществления его замыслов; 5) объективную ситуацию, характерную для действительного взаимодействия

указанных выше элементов, образующих системообразующую структуру рассматриваемого феномена.

Таким образом, допуская априорное выделение типичных элементов, сторон, отношений объекта исследования «лидерство», отражающего накопленный опыт изучения этого социального феномена, правомерно констатировать его многообразие и, в то же время, единство. Это соответствует тому пониманию системности организации объективного мира, которое исходит из понимания системы как взаимодействия элементов, причем, чем многообразнее составляющие систему элементы, их связи и отношения, тем более жизненно важным для каждого из этих элементов в отдельности и для системы в целом становится онтологическое единство объекта, обеспечивающее его целостность. Онтологическое «единство многообразия» не только допускает, но и требует разнообразия исследовательских позиций и подходов, одновременно воспрещая их противопоставление друг другу.

Иначе говоря, самый краткий анализ феномена лидерства приводит к заключению о правомерности и необходимости различных подходов к его изучению, которые должны дополнять друг друга, в своей совокупности формируя все более и более приближающееся к объекту представление об изучаемом явлении, то есть все более адекватную научную картину объекта. Напротив, следует а priori отказаться от центрации интереса и внимания исследователя на каком-то одном, отдельно взятом, научном подходе к изучению объекта.

В этой связи уместно подчеркнуть, что за последние два десятилетия в мировой и отечественной социологии достигнуты заметные успехи в процессе интеграции социологических теорий и выработки на этой основе интегральной социологической парадигмы. Это предполагает и критику ограниченности традиционных парадигм социальных наук.

Принято говорить о трех парадигмах социального познания.

Парадигма социальных фактов сводит социальную реальность к социальным структурам и институтам, их природе и взаимодействиям. Как структуры (социальные образования и признаки), так и институты (устойчиво повторяющиеся формы воспроизводства социальных отношений) представляют собой социально значимые компоненты объективной реальности. Каково бы ни было отношение субъекта к этим социальным фактам, их нельзя игнорировать, а, напротив, с ними приходится считаться, соотнося с фактами свои намерения и действия. Объективная реальность лимитирует действия субъекта, тем самым, предопределяя возможности формирования, проявления и развития одних социальных качеств акторов, и закрывая возможности формирования и проявления других социальных качеств того же субъекта. Получается, что объективная реальность жестко до однозначности детерминирует социальное поведение субъектов, предписывая им те или иные диспозиции и установки. Однако деятельностный потенциал субъекта активизируется только при наличии достаточно сильного мотива. Мотив же по своей природе отражает интерес субъекта, то есть его представление о своих потребностях, которое может соответствовать, но может и не соответствовать тем действительным

потребностям, которые предписывает субъекту объективная реальность. Мотивация – продукт субъективной реальности, которая в парадигме социальных фактов рассматривается только как рефлексия объективной реальности.

Зато именно субъективная реальность выступает на первый план в парадигме социальных дефиниций, сводящей всю социальную реальность к природе и взаимовлияниям тех способов, которыми сами люди определяют социальные факты. Социальная реальность выступает здесь как совокупность не процессов и явлений, существующих объективно, а значений, символов, понятий, исходя из которых люди оценивают окружающий мир, включая себя, других людей, свои связи и отношения с этими последними. Именно эта реальность, сконструированная из различных символов и значений, определяет социальные действия, а, значит, и взаимодействия, их результаты, выражающиеся в различных социальных изменениях, трансформирующих объективную социальную реальность. Получается, что действия субъекта – рефлексия его представлений о мире и, в конечном счете, рефлексия его Я. Объективная же социальная реальность оказывается продуктом конкуренции этих «Я-рефлексий». При таком подходе логически допустимо полное исключение лимитирующего влияния социальных структур на социальное поведение. Главным детерминирующим фактором социального процесса оказываются социальные признаки субъекта: знания, воля, целеустремленность и т.д. Важны даже не действия, которые только отражают представления, а сами эти представления, независимо от того, насколько они адекватны объективному состоянию социума.

Если первую парадигму можно назвать последовательно объективистской, то вторая явно тяготеет к последовательному субъективизму.

Парадигма социального поведения сводит всю социальную проблематику к исследованию с целью оптимизации способов воздействия на социальную реальность через конструирование мотиваций. Она исходит из признания права каждого субъекта конструировать свою субъективную социальную реальность, соответствующую тому, какие социальные функции презентует субъект обществу, с одной стороны, и исполнения каких социальных функций ожидает от субъекта общество, с другой стороны; при этом презентация и ожидание интегрируются в ролевой установке, претензиях на соответствующий социальный статус и направленности на определенные социальные диспозиции. Эта «Я-концепция» определяет цели субъекта. Но проблема не в том, приемлемы ли эти цели, определяющие, в свою очередь, действия, для других социальных субъектов. Проблема в том, чтобы найти оптимальный способ достижения этих целей: как достичь максимально значимого для данного субъекта результата действия, минимизировав «шумы», выражающиеся в противодействиях, пусть и не осознанных, других социальных субъектов. Иначе говоря, парадигма социального поведения акцентирует проблему социальных технологий, оставляя в тени понимание, оценку и прогнозирование социальных изменений. Главный критерий – технологичность. Все остальное логически воспринимается как вторичное. Важно не то, какое значение имеет в жизни

людей и общества объективная или субъективная реальность, а технологии конструирования социального поведения людей и групп.

Однако в последние полтора-два десятилетия все большую роль в научном познании общества играет интегральная парадигма социально-исторического детерминизма. В ее рамках общество рассматривается как совокупность взаимодействующих, и поэтому взаимозависимых в своих намерениях и действиях, субъектов (личностей, общностей, групп), обладающих своими позициями (представлениями о себе как членах сообщества) и диспозициями. Как внутренние переживания, так и внешние, основанные на внутреннем мире человека, действия и взаимодействия обусловлены объективным состоянием социума, которое само является результатом прошлых взаимодействий и лимитирует социальные взаимодействия, определяющие его изменения, формирующие будущее состояние исследуемой социальной системы. Опираясь на прошлое, мы живем в настоящем, создавая будущее. Объективная и субъективная реальность представляют целостность, содержание которой состоит в социальном поведении взаимодействующих субъектов, лимитированным исторически сложившимися и трансформирующимися в процессе этого взаимодействия социальными структурами. Социальные взаимодействия состоят из целенаправленных действий субъектов, что не исключает различия этих целей, а, следовательно, и использования конкурирующих типов и форм социального поведения и соответствующих им социальных технологий. Таким образом, редукция исследовательских задач к познанию, пониманию и объяснению только одного из фрагментов этой общей картины не обеспечивает адекватного восприятия социальной действительности субъектами, что негативно отражается на эффективности их действий, измеряемой мерой реализации поставленных целей. Эта неадекватность – результат непрогнозируемых и не всегда осознанных социальных противодействий, латентной оппозиции целенаправленным действиям субъекта, в основе которых лежит рефлексия объективной социальной реальности. То есть научное познание общества – это познание общества как системы межсубъектных отношений, выражаемых действиями каждого отдельного субъекта, направленными на достижение значимых, именно для данного субъекта, целей, и происходящих в исторически сложившемся, а, значит, исторически ограниченном, социальном пространстве, обладающем свойством объективности по отношению к каждому социальному субъекту в отдельности и к обществу в целом.

Интегральная парадигма социального познания стремится преодолеть редукционизм, в той или иной степени присущий классическим парадигмам.

Указанным парадигмам соответствуют и традиционные подходы к проблеме лидерства.

Можно выделить две типологии методологических подходов к проблеме лидерства.

Первый тип классификации основывается на том, какие когнитивные приоритеты определяют видение предмета исследования.

В этом плане констатируется наличие структурного, поведенческого и ситуативного подходов в изучении и объяснении феномена лидерства.

Структурные теории лидерства ставят перед собой задачу выявить универсальную структуру личности эффективного лидера, определив свойственные ей признаки (черты, характеристики). По мере развития исследований в этом направлении становилось все более очевидным, что вряд ли можно установить универсальный набор характеристик на все времена и случаи жизни. Каждая эпоха, каждое общество, каждая группа формирует или требует своих лидеров, и в другую эпоху, в другой стране вожак дворовых хулиганов, возможно, стал бы великим полководцем, так же, как продавец цветов, с изменением условий внешней социальной среды, становится крупным хозяйственником и государственным деятелем. В целом структурный подход столкнулся с целым рядом трудноразрешимых проблем:

- выделение более или менее устойчивого (закономерного) набора личностных характеристик, присущего всем лидерам, оказалось неосуществимым;
- роль группового контекста, в котором реализуется лидерство, становилась очень неопределенной, тем самым, ведя к игнорированию внутренней связи лидера и группы;
- не удавалось ответить на вопрос о том, характеризуют ли определенные черты лидера или, напротив, успешное лидерство формирует определенные черты личности;
- невысокая корреляция (в диапазоне от +0,25 до +0,35) личностных черт с поведенческими проявлениями лидерства не давала оснований констатировать функциональную зависимость между этими признаками;
- наконец, в контексте данного подхода сами характерологические черты лидера выступают как статичные, лишенные развития образования.

Но у структурного подхода есть два важнейших преимущества.

Во-первых, он дает возможность использовать тестовые методики для выявления потенциальных лидеров, а, значит, и для оптимизации кадровой политики в организациях. Наиболее высокую положительную корреляцию с успешным лидерством показывают следующие пять признаков:

- интеллект;
- доминантность;
- уверенность в себе;
- высокий активационный уровень (энергетика);
- профессионализм.

Едва ли возможно выявить эти качества иначе, чем в рамках именно структурного подхода.

Во-вторых, этот подход нацеливает людей, претендующих на лидерство, да и в целом на влиятельную роль в группе, на культивацию в себе указанных выше социально-психологических признаков личности. Осознанная выработка

в себе таких качеств, поощряемая группой и ее руководством, формирует новый тип руководителя, способного достигать своих целей, опираясь исключительно на свое личное влияние на группу, свои знания и способности, не прибегая постоянно к «традиционным» источникам власти в организациях. Именно в рамках структурного подхода складывается новая идеология социального управления – идеология руководителя-лидера.

Структурный подход, таким образом, напрямую связал концепцию лидерства с проблемой легитимности власти, указывая на требования и процедуры, которые общество в целом предлагает индивиду для получения влияния и власти.

Этот подход формировался, так сказать, на стыке парадигм социальных фактов и социальных дефиниций, придавая значение как объективно имеющимся социальным признакам (фактам), так и представлениям о них (дефинициям лидерских черт).

При этом структурные элементы лидерства и сама концепция лидерства оказались трансформированными в психологические феномены. Даже формальная власть в организации во многом стала увязываться с личностью руководителя, приобретая легитимность только в том случае, если черты этой личности соответствуют «типовому» набору социально-психологических качеств лидера.

Таким образом, несмотря на свою неполноту, известную ограниченность, структурный подход, благодаря прикладным и идеологическим аспектам разрабатываемой в его рамках проблемы лидерства, обеспечивал и продолжает обеспечивать устойчивый интерес к личностным особенностям лидеров.

Бесспорно, это очень важно: почему в одной и той же группе, объединенной общими условиями жизнедеятельности и общей структурой социальных взаимодействий, одни люди становятся лидерами, а другие, даже являясь формальными руководителями, остаются «ведомыми», и, осуществляя свои функции руководителя, постоянно вынуждены прибегать к заимствованию авторитета в той или иной форме (апелляция к высшим силам, к традициям и т.п.).

Структурный подход оказался способен дать ответы на ряд важнейших вопросов, встающих перед исследователями проблемы лидерства, но, в то же время, оказался не способен полностью раскрыть эту проблему.

Поведенческий подход рассматривает лидерство в контексте внешнего поведения, демонстрируемого лидером, и выявляет устойчивые совокупности поведенческих характеристик, обеспечивающих успех лидеру.

Можно сказать, что структурный подход учит тому, какие качества должен вырабатывать в себе человек, который хочет стать лидером, а поведенческий подход учит тому, как должен вести себя человек, чтобы его признали лидером.

В рамках поведенческого подхода сформировалась концепция стиля лидерства, под которым понимается совокупность методов воздействия лидера на группу.

Выделяется формальная и содержательная стороны стиля лидерства.

Сравним традиционно обозначаемые стили (см. таблицы 1-3 ниже).

Таблица 1.

АВТОРИТАРНЫЙ СТИЛЬ ЛИДЕРСТВА

Формальная сторона	Содержательная сторона
Деловые, краткие распоряжения Запреты без снисхождения, с угрозой Четкие выражения, неприветливый тон Похвалы и порицания субъективны Эмоции не принимаются в расчет Показ приемов работы не регулярен Позиция лидера – вне группы	Дела в группе планируются заранее во всем их объеме, детально Определяются лишь непосредственные цели, дальние – неизвестны или абстрактны Голос руководителя – решающий

Иной набор признаков формальной и содержательной сторон характеризует демократический стиль лидерства.

Таблица 2.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛИДЕРСТВА

Формальная сторона	Содержательная сторона
Инструкции в форме предложений Товарищеский, доверительный тон Похвалы и замечания – с советами Распоряжения и запреты – с обсуждениями Позиция лидера – внутри группы	Мероприятия планируются не заранее, а в группе За реализацию решений отвечают все Все разделы работы, ее содержание не только предлагаются, но и обсуждаются

Наконец, попустительский стиль лидерства.

Таблица 3.

ПОПУСТИТЕЛЬСКИЙ СТИЛЬ ЛИДЕРСТВА

Формальная сторона	Содержательная сторона
Тон речи – конвенциональный Похвалы или порицания отсутствуют Никакого сотрудничества Позиция лидера – незаметно в стороне от группы	Лидер не дает указаний; дела в группе идут сами собой, пущены на самотек Содержание и разделы работы (этапы) складываются из отдельных интересов или исходят от нового лидера

Таким образом, авторитарный лидер по отношению к группе действует властно, директивно, жестко распределяя роли между ее членами, не позволяя выходить за пределы этих ролей, тщательно контролирует деятельность членов группы во всех деталях. Авторитарный лидер стремится сосредоточить в своих руках все функции управления, не позволяя членам группы обсуждать или оспаривать его действия и принимаемые им решения.

Демократический стиль лидерства управляет группой, опираясь на самих членов группы, предоставляя им широкую свободу действий, позволяя обсуждать свои распоряжения и действия, поддерживая и поощряя их инициативу.

Попустительский стиль лидерства – форма руководства, при которой лидер практически устраняется от управления группой, предоставляя группе полную свободу действий. Лидер ведет себя как рядовой член группы, хотя и сохраняет при этом моральный авторитет и влияние на других членов группы.

Поведенческие концепции лидерства предлагают также критерии измерения лидерского поведения. В этом плане особое значение придается категориям «структуризация деятельности» и «внимательность к людям».

Структуризация деятельности указывает на то, в какой степени лидер определяет и структурирует свою роль и роли других людей в процессе достижения групповой цели. Она включает набор действий, направленных на организацию групповой деятельности, формирование отношений и взаимодействий, определение целей. Лидер с высокими показателями структуризации деятельности четко устанавливает задачу каждому члену группы, требует выполнения определенных правил, норм, стандартов поведения и контролирует деятельность группы в целом и каждого ее члена в отдельности. Достаточно устойчива зависимость между стилем лидерства и степенью структуризации деятельности: наиболее высокая степень структуризации характерна для авторитарных лидеров, а наименее – для лидеров, придерживающихся попустительского стиля.

Внимательность к людям указывает на отношения лидера с другими членами группы. Этот критерий отражает значение взаимного доверия, уважения лидера к идеям и чувствам других членов группы. В современном обществе уровень разделения общественного труда достиг таких высот, когда результат деятельности любой группы прямо и непосредственно зависит от эффективности деятельности каждого члена группы в направлении достижения групповой цели. Такие факторы, как уважение и самоуважение, тактичность, доброжелательность, удовлетворенность деятельностью и ее результатами, оценка и самооценка своего социального статуса и т.д., могут, в зависимости от их состояния, быть катализаторами или, напротив, тормозами процесса достижения групповой цели. Лидер должен заботиться о физическом и душевном комфорте членов группы, поддерживать оптимальный уровень их самооценки, самоуважения. Высокие показатели по этому критерию более характерны для лидеров, придерживающихся демократического стиля поведения.

Возникает известное противоречие: высокие показатели структуризации деятельности лидера часто вызывают негативную реакцию других членов группы, недовольных ограничением возможностей самореализации. Высокие показатели внимательности к людям часто сопровождаются снижением эффективности групповой деятельности, социальных взаимодействий как результата недостаточной координации действий членов группы, управления этими действиями и взаимодействиями.

Это противоречие отражает различия в подходах к организации социальных взаимодействий, наиболее ярко выраженные в управленческих теориях X, Y, Z.

Первая из этих теорий исходит из того, что в группе люди стремятся «жить за чужой счет», прилагая минимум усилий для достижения групповой цели, но претендуя на долю в конечном ее результате, не адекватную их личному вкладу в его достижение. Поэтому необходим жесткий контроль и управление социальным поведением людей в целом.

Вторая теория полностью противоположна первой: люди стремятся к самореализации и на собственном опыте убеждаются в преимуществах конструктивных социальных взаимодействий. Им не нужна опека, нужно только поддерживать оптимальный порядок взаимодействий, обеспечивающий наиболее вероятный в данных условиях баланс личных и групповых интересов.

Как первая теория получает логическую завершенность в радикальном авторитаризме, то есть тоталитаризме, так и вторая обретает логическую законченность в радикальном попустительстве, то есть доходящем до анархизма либерализме.

Третья теория апеллирует к современному состоянию общества, в котором либеральные ценности мотивируют стремление людей к самореализации посредством достижения баланса интересов личности, группы и общества, а состояние общественных производительных сил требует высокой управляемости социальными взаимодействиями на основе контроля и координации деятельности всех членов каждого конкретного сообщества. Во главу угла она ставит ориентацию на достижение и поддержание, развитие управляемого, организуемого баланса интересов личности, группы и общества в целом, не полагаясь на стихийность, спонтанность процесса становления этого баланса интересов.

Становлению теории Z предшествовали исследования корреляции поведенческих характеристик лидеров и эффективности групповой деятельности, в основу которых было положено соотношение двух базовых факторов лидерского поведения – ориентации на личность и ориентации на деятельность. Однако попытки проецировать теоретические конструкции, сформулированные в процессе этих исследований на конкретные группы и процессы выявили главное ограничение поведенческого подхода в целом – сложность в определении устойчивости связей между стилем лидерства и эффективностью групповой деятельности.

Вместе с тем, поведенческий подход рассматривает лидерство не как заданный набор особенностей и способностей личности, а как форму социального (направленного на других) поведения. Его сильная сторона – акцентация отношения лидера и группы в процессе изучения феномена лидерства. Как и другим формам отношений между людьми, социального поведения, лидерству можно обучать. Если лидерство – это определенные поведенческие навыки, то можно разработать учебные программы и обучить лидерству тех, кто хочет стать эффективным лидером. Такой подход открывает заманчивые перспективы не только перед индивидами, но и перед группами, организациями: лидеров можно не только где-то искать, но и воспитывать, растить самим.

Но, кроме поведения, сформировавшегося как социальное, то есть в процессе обучения, есть и социально направленное поведение, сформировавшееся в процессе адаптации человека к поведению окружающих людей и происходящего при этом социального обмена не только моделями поведения, но и ценностями, установками.

Анализ поведения конкретных лидеров показывает, что оно зависит от множества обстоятельств. Парадигма социального поведения не исчерпывает всех переменных, влияющих на отношения в группе. Выявление этих ситуационных переменных стало центром внимания ситуационного подхода.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что само понятие «ситуация» содержит в себе очень важный методологический потенциал для изучения лидерства.

Ситуация включает в себя три основных компонента: объект, субъект и обстоятельства. Под углом зрения лидерства объектом деятельности лидера являются члены определенной социальной группы. Но они не представляют собой такой же объект, каким, например, предстает перед исследователем некая вещь. Люди руководствуются своими интересами, выражающими их собственные представления о своих потребностях. Сильные мотивации, побуждающие людей к действиям, связаны с представлениями акторов о своих возможностях достичь удовлетворения собственных интересов. Надежда на достижение поставленных целей или, напротив, разочарование в возможности их достижения вызывают известные эмоции, переживания. В результате у каждого члена группы складывается свое отношение к групповой деятельности, включая и отношение к внутригрупповым взаимодействиям, к отношениям с другими членами группы и лидером. Объект имеет все признаки субъектности. По существу, в социальной ситуации речь идет скорее не о субъект-объектном, а о субъект-субъектном отношении. Объект же (вещь, отношение, явление), по поводу которого это отношение возникает, интересен не сам по себе, а постольку, поскольку он влияет на субъектов, их представления, действия, тем самым, влияя и на межсубъектные взаимодействия. Собственно, скорее важен не объект, а его консолидирующая функция, выступающая в форме задачи групповой деятельности.

Конечно, большое значение в поведении лидера имеют такие факторы, как структура группы и ее организационная культура, определяющая модели поведения членов группы. Важным элементом являются традиции, складывающиеся в процессе жизнедеятельности группы. В устоявшихся, сложившихся группах поведение их членов, включая и лидеров, во многом объясняется влиянием сложившихся структурных элементов. Став однажды лидером, и благодаря этому заняв центральное положение в системе внутригруппового взаимодействия и, соответственно, в иерархии статусов, индивид развивает в себе лидерские способности, усиливающие его положительную оценку со стороны других членов группы. В то же время, его усилия, направленные на мобилизацию группы для достижения значимых для ее членов целей, способствуют снижению стремления к лидерству остальных членов группы. Происходит воспроизводство групповой структуры, то есть отношения объекта и субъекта лидерской деятельности. Казалось бы, здесь

происходит «обвальное падение» роли ситуации. Отношения лидера и группы устойчиво воспроизводятся как бы независимо от обстоятельств.

Однако это не так. Есть два вида обстоятельств, включенных в любую ситуацию.

Внутренние обстоятельства концентрируются в проблеме соотношения личных и групповых интересов. Если групповая деятельность направлена на достижение какой-то общей цели, которую каждый член группы не может достичь самостоятельно, то сам процесс этой деятельности лимитирует свободу поведения всех членов группы, предписывая им определенные алгоритмы не только действия, но и восприятия, переживания, мышления. Это лимитирующее воздействие персонифицируется в лидере. Понятно, что любые изменения субъективного отношения к лидеру, которые могут быть следствием изменения самочувствия, настроения отдельного члена группы, влияют на отношения лидера и группы в целом. Вопрос только в степени такого влияния. Если же групповая деятельность направлена на достижение индивидуальных целей членов группы, которых они могли бы достичь или в составе другой группы, или даже поодиночке, то в этом случае лимитирующее воздействие группы на поведение индивида минимально (поездка на рыбалку). Оно, конечно, есть и может тоже вызывать напряжение. Но степень персонификации напряжения здесь очень низка. Сложившаяся модель отношений оказывается более устойчивой в группах, ориентированных более на людей, чем на задачу. В группах, ориентированных более на задачу, чем на людей, она динамичнее. Динамику отношений между лидером и группой определяет динамика соотношений личных и групповых интересов: чем меньше противоречий между этими интересами, тем стабильнее отношения в группе, включая и отношения между лидером и ее рядовыми членами.

Внешние обстоятельства – это различные воздействия на группу и ее членов извне, которые можно определить как «внешнее давление». Внешнее давление на группу сплачивает ее вокруг лидера, укрепляя его позиции, статус. Внешнее давление на отдельных членов группы, в конечном счете, проявляется в форме одного из вышеприведенных вариантов взаимовлияния личных и групповых интересов.

Таким образом, ситуативный подход не выходит за рамки двухфакторной концепции лидерства (баланс направленности на задачу и направленности на людей), но придает динамизм системообразующей структуре лидерства – отношению лидера и группы. При этом роль индивидуальных качеств лидера не игнорируется. Но они тоже оказываются динамичными. В этом проявляется методологическое влияние парадигмы социально-исторического детерминизма и ее основного постулата: структура лимитирует поведение, а поведение определяет динамику структуры. Тем самым, ситуационный подход претендует на интеграцию структурного и поведенческого подходов к исследованию феномена лидерства.

В то же время он не дает возможности ответить на актуальный для нашей динамичной эпохи вопрос: какими социальными признаками должен обладать

лидер, чтобы эффективно руководить группой в меняющихся ситуациях. Вторая сторона этого вопроса: можно ли научить лидерству, воспитать лидера.

Получается, что ни один из представленных теоретико-методологических подходов не дает удовлетворительного ответа на данный вопрос. Они способствуют более или менее полному познанию и объяснению лидерства, но не могут дать надежного ориентира для управления лидерством.

Однако возможна и другая типология исследовательских подходов к феномену лидерства.

Те же теории можно типологизировать, взяв за основание то, к каким наукам они тяготеют.

Одни теории придают решающее значение индивидуальным признакам субъектов и рассматривают их как детерминанту складывающихся между субъектами отношений. Эти теории представляют психологический подход к проблеме лидерства. Они акцентируют внимание на внутренних механизмах социального поведения людей, складывающихся в процессе взаимовлияний поведенческих моделей социальных взаимодействий. Едва ли есть необходимость обосновывать очевидную значимость этой проблематики для понимания и объяснения феномена лидерства.

Другие теории акцентируют механизмы взаимодействия социальных структур и социального поведения. Это типично для социологического видения предмета исследования. Социальные структуры (социальные образования, социальные признаки) образуют социальное пространство, в котором совершается социальное поведение людей (социально направленное поведение и поведение, сформировавшееся как социальное). Или иначе: поведение людей всегда осуществляется в структурированном пространстве. Это пространство ограничивает свободу акторов. Но своим поведением акторы влияют на пространство, изменяя его структуру. Социальная структура – носитель социальной статики. Социальное поведение – носитель социальной динамики. В этом заключается их противоречивое единство. Социальная структура мертва в отрыве от социального поведения. Социальное поведение невозможно вне социальной структуры. Но структура стремится ограничить поведение, а поведение стремится освободиться из-под контроля структуры. Единство и противоречие этих двух начал лежат в основе понимания и объяснения любого социального объекта. В плане изучения лидерства эти начала фокусируются в отношении лидера и группы, где каждый элемент системы взаимодействия представляет собой их противоречивое единство, создающее в процессе взаимодействия новую и тоже противоречивую целостность. Вряд ли могут быть сомнения в актуальности этой проблематики для научного исследования лидерства: лидер не может существовать вне группы, а само понятие «группа» предполагает наличие хотя бы одной внутренней границы в общности, как раз и разделяющей группу и лидера. Лидер и группа влияют друг на друга, с одной стороны, лимитируя поведение «партнера», а, с другой стороны, изменяя свое поведение в процессе рефлексии поведения этого «партнера». В результате изменяются и лидер, и группа, и, соответственно, изменяется их взаимодействие как системообразующая характеристика рассматриваемого

феномена. При этом конкретные признаки как группы, так и лидера, являющиеся основным предметом психологических теорий, уступают место отношениям признаков, проявляющимся в диалектическом единстве социальных структур и социального поведения. Это единство становится основой системного подхода к проблеме.

В психологических теориях доминирует внутренняя системность (проявляющееся в лидерском поведении единство психологических черт индивида, с одной стороны, и группы, с другой стороны), в социологических теориях – внешняя системность, проявляющаяся во взаимодействии лидера и группы.

Третий подход объединяет теории, акцентирующие не столько сам факт, сколько механизм взаимодействия лидера и группы. Это типично для конфликтологических теорий.

Этот подход заостряет внимание на проблеме сходства и различия мотивов поведения членов группы, направленного на достижение групповых целей. Есть общий интерес, побуждающий к совместным действиям. Совместные действия принимают форму взаимодействия по мере распределения функций, а, следовательно, и статусов, и ролей, между участниками. Возникает необходимость координации и организации взаимодействия, необходимого с точки зрения всех членов образующейся группы. Тем самым, определяется потребность в лидере. Поиск лидера направляется двумя вопросами: чего мы хотим? Какой лидер нам нужен для достижения поставленной цели? Вот здесь и возникает то, что определяется как «конфликтогенность». С одной стороны, необходимость взаимодействия более или менее очевидна. С другой стороны, в силу различий не только функций, статусов, ролей, диспозиций, но и установок, сложившихся в процессе социализации в семье, дружеской кампании, учебных и трудовых коллективах и т.д., представления о средствах, технологии, сроках достижения цели, а иногда и о самой цели, у членов группы просто не могут быть идентичными. Но единство никогда не исключает многообразия объединяющихся частей, элементов. Более того, в социуме люди объединяются именно для того, чтобы так или иначе дополнять друг друга, идет ли речь о семье, кампании друзей, производственном коллективе или криминальной «бригаде». Объединение «одинаковых» бессмысленно по определению. А «неодинаковость» проявляется, прежде всего, в различиях представлений и определяемых этими представлениями действий. Иначе говоря, любому социуму имманентно присущи противоречия между его членами, определяющие потенциальную возможность инцидента, то есть конфликта. Это и есть конфликтогенность. Понятно, что уровень конфликтогенности отношений между лидером и рядовыми членами группы выше, чем уровень конфликтогенности отношений между рядовыми членами группы: лидер занимает особое положение в группе и отличается от рядовых членов группы своими индивидуальными качествами. Таким образом, конфликтологический подход направлен на выявление механизмов, способов согласования интересов членов группы, обеспечивающего эффективное внутригрупповое взаимодействие, в свою

очередь, предполагающее наличие лидера и приемлемость этого лидера, по крайней мере, для большинства членов группы. Проблема не в том, какими признаками, чертами должен обладать лидер вообще. Она и не в том, в какой степени лидер должен учитывать интересы каждого отдельного члена группы, а в какой – должен ограничивать индивидуальные интересы и устремления для достижения общей цели. Проблема в том, какого лидера готова принять группа здесь и сейчас. При этом важно, чтобы поведение лидера соответствовало ожиданиям группы, а индивид, претендующий на лидерство, был способен вести себя соответствующим образом. Складывается «пирамида» из четырех основных вопросов:

- какими чертами должен обладать человек, чтобы данная группа в данной ситуации приняла его в качестве лидера;
- какой человек может обладать такими чертами (психофизиологические особенности, возраст, пол, образование, воспитание, жизненный и профессиональный опыт и т.д.);
- можно ли формировать такой комплекс индивидуальных качеств;
- насколько лидер, приемлемый в этой роли для одной группы в определенной ситуации, может быть приемлемым для других групп и в других ситуациях.

Понятно, что жизнедеятельность любой социальной группы связана с достаточно определенным набором типовых ситуаций. Группы формируются для достижения различных целей. Поэтому и члены различных групп презентуют группе различные свои качества, акцентируют различные диспозиции своей личности. Следовательно, индивид, приемлемый в качестве лидера для одной группы, скорее всего, окажется неприемлемым для другой группы как в силу различий в типовых ситуациях группового взаимодействия, которым он призван управлять, так и в силу различия индивидуальных качеств, которые требуются лидеру для того, чтобы эффективно влиять на данную конкретную группу.

В психологическом подходе на первом плане – социальные признаки лидера. Лимитирующая поведение лидера структура – личность.

В конфликтологическом – социальные признаки группы. Лимитирующая лидерское поведение структура – группа.

В социологическом – отношение лидера и группы. Лимитирующая структура – институциональная форма этих отношений.

Конечно, речь идет не о том, что есть структурные, поведенческие, ситуационные, психологические, социологические и конфликтологические теории лидерства. Есть два вида типологий теорий лидерства. Первая – классическая – доказывает необходимость в исследовании феномена лидерства учитывать органическую взаимосвязь социальных структур (личность, группа, их признаки) и социального поведения, возможно, изменяющуюся в зависимости от ситуации. Вторая – доказывает необходимость междисциплинарного подхода к проблеме лидерства и, соответственно, невозможность понять и объяснить данный феномен в рамках одной, отдельно взятой, научной дисциплины. Напротив, противопоставление этих научных

подходов, стремление замкнуться в рамках одного из них, отрицая всякое эвристическое значение прочих, – это самое алогичное заключение, которое можно сделать на основе даже самого краткого анализа этой проблемы.

Литература:

1. *Кравченко А.И., Анурин В.Ф.* Социология: Учебник для вузов. 2003. – 432 с.
2. *Кузнецов В.Н.* Социология молодежи. – М.: Гардарики, 2005. – 335 с.
3. Молодежь и общество. Материалы науч.-практ. конференции (30 марта 2000 г.). – Ставрополь, 2000.
4. Социология молодежи: Учебник. / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб, 1996.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ДОБРОВОЛЬНЫХ ВИДОВ СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

© 2010 Ишкиняева А.Р.

*старший преподаватель кафедры Экономики и управления
Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний*

Аннотация:

Данная статья о том, что рынок добровольных видов страхования в Республике Татарстан не избежал влияния кризисных явлений. В этой связи предлагается для эффективной защиты интересов потребителей страховых услуг совершенствовать рыночный механизм для реализации их интересов на всех этапах страховых отношений. Необходимо «больше доверять» страхователям на современном страховом рынке, данное доверие будет способствовать выводу отечественного и, в частности, регионального страхового рынка из состояния застоя и кризиса.

The article is told about the market of voluntary insurance in Republic Tatarstan, which did not escape the influence of the crisis. It can be thereupon offered to improve the market mechanism to effective protect the interests of insurance consumers and for realization of their interests at all stages of the insurance realizations. Should have more trust to insurers in the modern insurance market. This trust will promote a conclusion of home and regional insurance market from a stagnation and crisis.

В России наиболее эффективным своевременным способом развития страхового рынка является применение активных методов продвижения услуг в деятельности страховщиков. Применение данной философии в деятельности страховой компании благоприятно отразится на результатах ее деятельности, а также на состоянии страхового рынка в целом.

Концепция развития страхования в Российской Федерации (от 25 сентября 2002 г. N 1361-р) направлена на создание эффективной системы страховой защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц в Российской Федерации. Ожидаемые результаты реализации положений Концепции должны были: повысить уровень защищенности организаций и граждан от различных групп рисков, повысить качество и расширить спектр предлагаемых страховых услуг; привлечь в российскую экономику значительные инвестиционные ресурсы; решить первоочередные задачи в области развития страхования в Российской Федерации и укрепления системы государственного надзора за страховой деятельностью; создать структурные основы для развития добровольного страхования; создать систему правовых основ страховой защиты имущественных интересов населения, организаций и государства, соблюдения прав и гарантий имущественной безопасности отдельной личности и сферы предпринимательства [1].

Однако мировой финансовый кризис 2008-2009 г.г. внес изменения в данную Концепцию, негативно повлиял на развитие многих отраслей экономики, в том числе и страхового рынка. Не стал исключением и страховой рынок Республики Татарстан. Данное явление повлекло за собой: снижение платежеспособного спроса на страховые услуги; сокращение бюджетов организаций (особенно в части добровольных видов, в т.ч. медицинского страхования); существенное изменение структуры страхового рынка; «переход» клиентов от одной компании к другой; выведение средств, особенно иностранных инвесторов из отечественного рынка страхования, возможное свертывание деятельности в системных (сетевых) компаниях; усиление недоверия клиентов из-за неполного и несвоевременного выполнения многими участниками рынка своих обязательств и др. экономические последствия.

По представленной информации Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан о социально-экономическом положении республики, в январе-декабре 2009 г. денежные доходы на душу населения, по предварительным данным, в ноябре 2009 г. составили 16695,64 рубля и увеличились в номинальном выражении по сравнению с ноябрем 2008 г. на 12,1%, в январе-ноябре 2009 г. - составили 15191,67 рубля (рост на 9,6%). Реальные денежные доходы в январе-ноябре 2009 г. составили 99,7% к соответствующему периоду 2008 г., в ноябре 2009 г. – 104,2%. В январе-декабре 2009 г. оборот организаций всех видов деятельности (с учетом субъектов малого предпринимательства) составил 1811876,3 млн. рублей, что в действующих ценах на 0,4% превысило показатель января-декабря 2008 г. [8].

Основной тенденцией на страховом рынке России с учетом ОМС - Обязательного Медицинского Страхования - являлось неуклонное увеличение

объемов премий со среднегодовым темпом прироста 13,5%. Однако с началом экономического кризиса, отрицательный эффект от которого проявился именно в 1 квартале 2009 года, наметилось значительное сокращение темпов роста рынка. Опираясь на результаты маркетинговых исследований и мнения экспертов страхового рынка, агентство ТОП-ЭКСПЕРТ сообщает следующее: по итогам 1 квартала 2009 года страхование жизни оказалось наименее затронуто кризисом и показало наибольший прирост среди всех видов страхования (остальные виды, кроме добровольного страхования ответственности и ОМС, продемонстрировали отрицательную динамику). При этом снижается доля кэптивных страховщиков за счет сокращения сотрудников организаций-страхователей, а также краткосрочного страхования жизни заемщиков за счет сжатия кредитования. Долгосрочное страхование жизни пока демонстрирует рост сборов премии. Положительную динамику имели и объемы страховых выплат во всех видах страхования. За прошедшие пять лет сохранилась тенденция по сокращению числа участников страхового рынка России [4].

В едином государственном реестре субъектов страхового дела на 30 сентября 2009 года были зарегистрированы 722 страховые организации.

Обобщены оперативные данные, полученные в электронном виде от 711 страховых организаций, 3 – не проводили страховые операции, 8 – не представили статистическую отчетность по форме № 1-С «Сведения об основных показателях деятельности страховой организации за январь-сентябрь 2009 года» по электронной почте.

Общая сумма страховых премий и выплат по всем видам страхования за 9 месяцев 2009 года составила, соответственно, 726,75 и 533,8 млрд. руб. или 102,0 и 122,4% по сравнению с аналогичным периодом 2008 года. Темпы роста страховой премии в первой половине текущего года составили 6,0%, при этом страховой рынок без ОМС снизился на 7,6% [9].

На приоритетном для большинства страховщиков сегменте рынка добровольное страхование иное, чем страхование жизни и ОСАГО. Конкурентами являются страховые компании СОГАЗ (15,97%), Росгосстрах (11,27%), ИНГОССТРАХ (10,87%), РЕСО-Гарантия (6,33%), Альфастрахование (6,2%).

В сегменте добровольного личного страхования, включая страхование от несчастных случаев и болезней, страхование медицинских расходов, конкурентами являются компании СОГАЗ (10,16%), РОСНО (2,83%), ИНГОССТРАХ (2,14%), Альфастрахование (1,91%), ЖАСО (1,76%). К конкурентным преимуществам страховых компаний относится наличие соглашений о сотрудничестве с ведущими клиниками Российской Федерации, наличие собственной сети клиник, присутствие постоянных представительств в странах массового посещения российскими туристами, круглосуточных диспетчерских служб, укомплектованных медицинскими специалистами со знанием иностранных языков.

В сегменте страхования имущества субъектов хозяйствования и физических лиц, включая транспорт, конкурентами являются ИНГОССТРАХ

(6,82%), Росгосстрах (5,61%), СОГАЗ (5,02%), АльфаСтрахование (3,7%), РЕСО-Гарантия (3,48%) [4].

Конкурентными преимуществами страховых компаний в этом виде страхования являются опыт работы с крупными предприятиями, широкая сеть филиалов и представительств, в том числе и за пределами России, прочная система перестраховочной защиты, в том числе и на зарубежных перестраховочных рынках, наличие агентской сети на всей территории РФ, качественный сервис в области урегулирования убытков, в том числе полнотой и своевременностью выплат, что в кризисных условиях позволяет привлекать большое количество клиентов, ищущих надежную страховую защиту.

В сегменте добровольного страхования ответственности конкурентами являются Ингосстрах (0,79%), СОГАЗ(0,63%), ВСК (0,31%), Русский страховой центр (0,23%), РОСНО (0,22%).

Ввиду высокой убыточности сегмента ОСАГО можно ожидать ухода компаний, ориентированных на развитие данного вида, особенно со значительной долей бизнеса в регионах. Также с рынка будут уходить региональные страховщики, имеющие проблемы с ликвидностью активов, высокой убыточностью и особенно, уровня расходов. Также возможен уход ряда компаний из первой сотни страховщиков, поскольку активно собирая страховые премии, страховщики, дабы поддержать платежеспособность компании, зачастую предлагают ставки, существенно ниже рыночных и ставок прошлого 2008 года, что вероятно является демпингом. В результате в кризисный период количество игроков неизбежно сократится.

Назовем основные факторы, влияющие на состояние страхового рынка:

- растущая убыточность добровольного медицинского страхования в связи с резким ростом числа обращений застрахованных, а также на фоне снижения тарифов;
- реализация крупными страховщиками программ создания собственных лечебных учреждений и клиник;
- сжатие кредитного сегмента страхования от НС из-за резкого сокращения объемов кредитования;
- сокращение объемов государственной поддержки в страховании сельскохозяйственных рисков;
- резкое, в ряде случаев необоснованное, снижение ставок на рынке корпоративного страхования;
- сокращение продаж автомобилей, общее снижение проникновения страхования на фоне низкого платежеспособного спроса отразились на падении рынка Автокаско;
- сохранение низких темпов прироста премии из-за кризиса;
- отсутствие налогового стимулирования;
- неясность в отношении замены лицензирования вмененным страхованием ответственности [4].

Разумеется, страховой рынок стремится сменить вектор падения на противоположный. Отметим следующие позитивные тенденции: изменение

стратегий интегрированного роста (освоение новых рынков, развитие продаж) на стратегии, направленные на финансовую самодостаточность, оптимизацию расходов; диверсификацию продуктового ряда, видов страхования, которые предлагаются клиентам; поиск страховщиками новых рыночных ниш (например, в сегменте страхования юридических лиц, малого и среднего бизнеса); синергия мощных и сильных участников рынка, что при нормализации общеэкономической ситуации быстро возобновит рост.

Соответственно, вероятность позитивных тенденций будет достаточно высокой при условии осуществления эффективных антикризисных программ и, главное, признания государством важной роли страхования в обеспечении внутреннего экономического роста и интеграции в мировое хозяйство [6].

Мировой финансовый кризис в число основных рисков российских страховщиков внес:

- недостаточность сформированных страховых резервов (демпинг, ошибки в актуарных расчетах);
- резкий рост убыточности ОСАГО (некорректность поправочных коэффициентов, неизменность тарифных ставок на протяжении пяти лет, вступление в силу поправок с 1 марта 2009 года);
- обесценение активов, принятых в покрытие страховых резервов (фондовые инструменты, депозиты и денежные средства в «проблемных» банках, рост просрочки дебиторской задолженности).

Предпосылки для проявления первого и второго рисков были сформированы на российском страховом рынке в течение последних нескольких лет его работы. Мировой финансовый кризис лишь ускорил реализацию этих рисков. Прямым следствием финансового кризиса является только обесценение активов, принимаемых в покрытие страховых резервов.

Риск недостаточности сформированных страховых резервов характерен более чем для половины российских страховщиков. Падение взносов в 2009 году на 7,4% на фоне характерного для периода кризиса роста числа страховых случаев будет способствовать реализации этого риска.

Рост убыточности на рынке ОСАГО в 2009 году грозит разорением не только небольшим страховщикам, работающим в наиболее убыточных регионах, но и крупным участникам рынка, продающим полисы ОСАГО на всей территории России [9].

В настоящий момент в зоне риска находятся компании:

- активно наращивавшие свой страховой портфель за счет демпинга;
- специализирующиеся на автостраховании, ориентирующиеся в своей деятельности на банковский канал продаж;
- активно инвестировавшие резервы в инструменты фондового рынка, концентрирующие их в одном или нескольких банках (кроме системообразующих).

В Республике Татарстан практически зеркально отразились все основные кризисные тенденции развития экономики. Однако ежегодные темпы прироста валового регионального продукта Татарстана несколько выше

среднероссийских. Валовой региональный продукт республики в 2008 году составил 930 млрд. руб. (рост – 107,1%). Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования превысили 268 млрд. руб.

Страхование является одной из наиболее динамично развивающихся сфер бизнеса Республики Татарстан. На протяжении многих лет страховой рынок Татарстана – бесспорный лидер в Приволжском федеральном округе и один из крупнейших в России.

Известно, что понятие «регион» имеет общий фундамент, определяемый экономико-территориальным делением страны. От того, как будет реализован инновационный процесс, во многом будет зависеть экономическая политика регионов и страны в целом.

Приведем краткую справку ПФО. Приволжский федеральный округ (ПФО) включает 14 субъектов Российской Федерации (Указ Президента РФ от 13.05.2000), в том числе: 6 республик (Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия), 7 областей (Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская) и Пермский край (в регион вошли Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, дата образования – 1 декабря 2005 года).

Из 32 национально-территориальных административных единиц 6 входят в состав ПФО: 6 Республик из 21. Однако, лишь в двух субъектах РФ, входящих в ПФО, титульные нации составляют более 50% населения – это Чувашская Республика и Республика Татарстан [7].

Республики и области Приволжского федерального округа занимают достаточно устойчивые позиции в Российской Федерации по числу созданных и использованных передовых технологий. Поэтому в целом Приволжский федеральный округ, несмотря на значительную внутреннюю дифференциацию, безусловно, имеет реальные шансы стать инновационным центром России. Для этого у него есть такие предпосылки, как наличие сильного и устойчивого инновационного ядра в виде наиболее развитых регионов (не только в масштабах округа, но и России), наличие достаточно масштабной политической «группы поддержки» с высоким потенциалом роста уровня конкурентоспособности, преимущественная ориентация на поиск внутренних возможностей и выявление резервов [3, 85]. Настоящее время в Республике Татарстан создана современная инфраструктура страхового рынка, активно способствующая развитию страхового дела в республике. В республике действует Союз страховщиков Татарстана, который является авторитетнейшим объединением страховых организаций в регионе.

Значительные усилия предпринимаются в последнее время страховщиками совместно с местными высшими учебными заведениями по подготовке квалифицированных кадров для страховых организаций Татарстана.

Страховщики Татарстана, получив возможность, стать реальными инвесторами в экономику республики, вносят более существенный вклад в решение социально-экономических задач, стоящих перед РТ.

Вместе с тем, пока не удалось сформировать рынок страховых услуг, в полной мере соответствующий современным потребностям общества.

Этому мешает целый ряд проблем:

- несовершенство и противоречивость страхового законодательства;
- недостаточный уровень взаимодействия органов государственной власти РТ со страховыми организациями, работающими на рынке республики;
- неразвитость системы социально значимых видов страхования;
- низкий уровень капитализации местных страховых компаний по сравнению с капиталами российских филиалов (что создает неравные условия при участии этих организаций в тендерах на страхование, а также лишает их возможности принимать на страхование крупные риски);
- лоббирование интересов федеральных страховых компаний с помощью административного ресурса, а также через банки и предприятия федерального подчинения;
- недостаточная информированность потенциальных страхователей о деятельности страховых компаний;
- низкий уровень платежеспособности и спроса граждан и юридических лиц на страховые услуги;
- несовершенство правового и организационного обеспечения государственного страхового надзора.

Главной проблемой, сдерживающей ускоренное развитие страхового сектора экономики РТ, является недостаточное внимание государства в лице законодательных и исполнительных органов власти Республики Татарстан к актуальнейшим вопросам развития страхования в республике [5].

Союзом страховщиков Татарстана утверждена доработанная и расширенная редакция Концепции развития страхования в Республике Татарстан [2].

Основными направлениями этой деятельности определены следующие:

- разработка принципов сотрудничества региональной власти и страховщиков республики для решения коренных задач развития страхового рынка республики;
- обеспечение прозрачности бюджетных средств, направляемых на страхование, из республиканского и местного бюджетов;
- совместная разработка нормативно-правовых актов, социально значимых государственных программ страхования, способствующих развитию страхового рынка Татарстана, формирующих целостную систему страховой защиты населения, организаций и государства, развития экономики РТ;
- активное использование права законодательной инициативы Государственного Совета Республики Татарстан и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от Республики Татарстан с целью внесения изменений в федеральное страховое законодательство;

- расширение возможностей для поощрения государством лучших представителей страхового дела (присвоение почетных званий, присуждение государственных наград, выдвижение на руководящие должности в органах государственного управления и т.д.);
- координация усилий страхового сообщества и представителей государства (в первую очередь) правоохранительных органов в борьбе с проявлениями страхового мошенничества.
- представители страхового сообщества Республики Татарстан должны активно привлекаться к работе коллегий министерств и ведомств республики, правительственных комиссий (по чрезвычайным ситуациям, по безопасности дорожного движения и т.д.). Ни один нормативный документ, затрагивающий интересы страхования, не должен быть принят в Республике Татарстан без официального экспертного заключения специалистов страхового сообщества РТ.

Реализация мероприятий, предусмотренных в настоящей Концепции, позволит:

- повысить уровень защищенности организаций и граждан от различных групп рисков, качество предлагаемых страховых услуг;
- привлечь в экономику Татарстана значительные инвестиционные ресурсы;
- создать систему всесторонней страховой защиты населения, организаций и государства;
- создать структурные основы для развития обязательного и добровольного страхования;
- повысить качество обслуживания населения.

В связи с осуществлением мер по совершенствованию налогообложения страховых операций, развитием долгосрочного страхования жизни, пенсионного страхования и введением новых видов обязательного страхования произойдет дальнейший рост числа договоров страхования, размеров страховых выплат и, как следствие, рост объема финансовых средств в системе страхования и предоставление более широкому кругу граждан и юридических лиц страховой защиты [2].

Подводя итог, отметим, что мировой кризис 2008 г. не обошел стороной рынок добровольных видов страхования в Республике Татарстан. На данном этапе страховые компании, на наш взгляд, просто обязаны обратить внимание на качество оказываемых услуг (особенно касательно выплатных дел). Это нужно делать для эффективной защиты интересов потребителей страховых услуг. Необходимо совершенствовать рыночный механизм для реализации интересов страховых компаний на всех этапах страховых отношений. На современном страховом рынке страховые компании делают попытки модернизации устаревших механизмов. Считаем, что это будет способствовать выводу отечественного и, в частности, регионального страхового рынка из кризисного состояния.

Литература:

1. Концепция развития страхования в Российской Федерации (от 25 сентября 2002 г. N 1361-р). URL: <http://www.akdi.ru/econom/program/strah.htm> (дата обращения: 29.01.2010).
2. Концепции развития страхования в Республике Татарстан URL: <http://www.insur-info.ru/press/13187/>(дата обращения: 29.01.2010).
3. *Кабанов В.Л.* Государственное управление перехода регионов России к инновационно-активному обществу. / Менеджмент в России и за рубежом, № 5, 2009, с. 85.
4. Маркетинговые исследования страхового рынка за первое/второе полугодие 2009. URL: <http://www.expert-rating.ru> (дата обращения: 29.01.2010).
5. Меры поддержки страховых компаний в условиях кризиса URL: http://www.expert-rating.ru/research/service/market_strahovaniy.html (дата обращения: 29.01.2010).
6. Негативные и позитивные тенденции на рынке страхования URL: <http://tristar.com.ua> (дата обращения: 29.01.2010).
7. Приволжский федеральный округ URL: <http://www.federalrb.ru> (дата обращения: 29.01.2010).
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. / О социально-экономическом положении Республики Татарстан в январе-декабре 2009 г. URL: <http://www.tatstat.ru> (дата обращения: 29.01.2010).
9. Уточненные сведения о деятельности страховых организаций за 9 месяцев 2009 года по состоянию на 7 декабря 2009 года URL: <http://www.fssn.ru/www/site.nsf> (дата обращения: 29.01.2010).

ВЗРОСЛАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА

© 2010 Караваева Н.А.

*ассистент кафедры Иностранных языков и зарубежной литературы
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Современный этап развития литературы называется «эпохой постмодернизма». Термин «постмодернизм» используется для характеристики современной литературной и общекультурной ситуации (60-х годов 20 века по настоящее время) и как художественный метод, теоретические основы которого представлены в монографиях И.П. Ильина, Н.Б. Маньковской, М.Н. Липовецкого, Д.В. Затонского.

В английской литературе авторы часто прибегают к вторичному использованию литературных текстов, и сказки становятся популярными в

литературе для взрослых. Эта тенденция отражается в творчестве А. Картер (род. 1940) и А.С. Байятт (род. 1936).

В 1979 году Анжела Картер пишет сборник «The Bloody Chamber and Other Stories». Картер следует первоначальным источникам (сказкам Ш. Перро), в общем и целом сохраняя сказочную атмосферу, но при этом вводит реалии современного мира, при этом категория времени достаточно размыта, хотя можно угадать определенную историческую эпоху.

Принципиальным отличием их от сказок Ш. Перро является то, что Картер рассказывает их с феминистской точки зрения. Сказки повествуются от первого лица в прошедшем времени как поток сознания. Их рассказывает молодая семнадцатилетняя девушка. Картер заостряет внимание на таких темах, как роль женщины в замужестве, отношениях, сексуальности, желания жизни, жизни в аду.

С художественной точки зрения, сказки изобилуют символами из христианства и фольклора. Эти рассказы содержат элемент необычайного, который связан с образом смерти, ее атрибутами, психологической обстановкой, и поэтому он ближе к литературе ужасов и готическим рассказам, нежели волшебным сказкам.

В 1994 году А.С. Байятт пишет сборник сказок «The Djinn in the Nightingale's Eye», также основывающийся на мотивах волшебных народных сказок. Они полностью сохраняют структуру волшебной сказки, создают замкнутый волшебный мир со своим временем.

Байятт так же, как и Картер, подчеркивает значение женщины, ее положение в обществе, судьбу. Особенно ярко это проявляется в сказке «The Eldest Princess», которая не основана на конкретной сюжетной схеме одной сказки, а является собирательной. В тексте появляются намеки на обсуждение процесса написания или рассказывания этой истории. Байятт пытается показать преодоление схематичности характера, главный герой – старшая сестра, а не брат, которая сама выбирает свой путь.

Эти сказки написаны описательным языком, поэтическим слогом, появляются символы, художественные приемы, реминисценции, что не свойственно жанру народной сказки. Авторское отношение к традиционным схемам проявляется в ироническом тоне, подчеркивается стилизация сказочной формы для наблюдения над характером людей.

Таким образом, произведения А. Картер и А.С. Байятт представляют новую жанровую форму – литературную сказку эпохи постмодернизма.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

© 2008 Каримова Л.Ш.

*старший преподаватель кафедры Иностранных языков
Казанский социально-гуманитарный колледж*

Проблема развития социальной компетентности личности представляется чрезвычайно актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, проводимые в последнее время как в России, так и за рубежом.

Исключительная сложность данной проблемы и ее важность для практики дали толчок к написанию множества работ.

В зарубежных исследованиях в структуру социальной компетентности нередко включается понятие «социальный интеллект» (Р. Селман). Автор относит его к тому элементу психики, который обеспечивает человеку ориентацию в социальной действительности.

Селман выделяет пять основных этапов развития такого интеллекта:

- **досоциальную стадию**, на которой ребенок еще не различает внутренние психологические и внешние физические принципы поведения; заканчивается эта стадия тогда, когда мысли и чувства других людей и свои собственные выделяются в самостоятельную реальность, становятся предметом интереса ребенка;
- **стадия дифференцировки внешнего и внутреннего мира**, на которой ребенок пробует занять позицию другого человека и предлагает партнеру «примерить» свою позицию;
- **стадия понимания**, взаимозависимости, взаимообусловленности разных целей поведения отдельных людей, благодаря чему структурируются представления о человеческом взаимодействии и они выстраиваются в систему;
- **стадия социального развития**, которая предусматривает осознание разных уровней человеческой близости и умение (или способность) учиться способам построения отношений на разных уровнях близости.

Соответственно пониманию социальной компетентности как способности и готовности человека к взаимодействию, а также логике ее развития по пяти стадиям, автор придерживается точки зрения, что системы человеческих взаимоотношений возникают у людей не сами по себе. Поэтому он настаивает на необходимости специального обучения умениям открывать и осваивать способы решения нового класса задач, анализу человеческих отношений и овладению формами человеческого взаимодействия. Строить же содержание процесса формирования социальной компетентности он рекомендует, опираясь на выделенные стадии развития социального интеллекта.

Стадии развития социального интеллекта по Р. Сельману

Основная характеристика отношений	Области социального взаимодействия			
	Понимание себя	Близкие дружеские отношения	Отношения в группе сверстников	Отношения с родителями
0 эгоцентризм	Недифференцированная Психофизиологическая целостность	Случайные неустойчивые игровые контакты	Вещно-телесные связи	Прагматизм
1 субъективизм	Выделение своих намерений, чувств, мыслей	Односторонняя помощь	Несимметричные отношения	Авторитарность
2 рефлексивность	Самопознание	Сотрудничество	Партнерство	Личная ответственность
3 взаимность	Устойчивая самоидентичность	Взаимный обмен лично-значимыми содержаниями	Гомогенная группа	Личная ответственность
4 глубина	Интегрированная система различных «Я-состояний»	Добровольная взаимозависимость самостоятельных личностей	Плюралистическая организация	-----

Социальная компетентность личности с позиции социокультурной теории исследователями нередко связывается с категорией «социальное наследование», с аккумуляцией подрастающим поколением нового опыта и формированием их представлений о будущем.

В данном контексте, составляющем социальную компетентность, рассматриваются: уровень осведомленности человека о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте; умение личности реализовывать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации; степень ее духовной зрелости; сформированность духовно-нравственных качеств, умение выступать в роли коммуникативного посредника.

Таким образом, за социальной компетентностью в социальном наследовании закрепляется функция обеспечения формирования личностных смыслов, мотивационных и ценностных сфер, регулирование процессов миропонимания человека, помощь ему в адаптации к новым условиям, повышения конкурентоспособности личности.

Так как существенным признаком социально-педагогической деятельности также считается компетентность, то признается, что она проявляется:

- в ориентации на решение общих и особенных задач социализации, направленных на социальные отношения и самореализацию человека;
- в целеполагании, как специфическом средстве в социальных отношениях;
- во владении диалогическим принципом, как основе для формирования социальных профессиональных действий;

- в наличии знаний как установить воспитательное взаимодействие;
- во владении методами и приемами оказания помощи;
- в нацеленности на социальную ответственность, социальную законность.

Следовательно, поле профессиональной социально-педагогической компетентности составляют два 2 полюса «я могу» и «я должен», а логика движения происходит по восходящей линии от «имею представление в общих чертах» к «знаю» и «уверен, что это следует делать именно так».

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ПЛАНИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

© 2010 Коршунов С.А.

*начальник отдела технологий управления Центра экономических и социальных исследований Республики Татарстан при Кабинете Министров РТ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Теории и истории государства и права
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Аннотация:

В статье рассматривается подход к индивидуализации профессионального развития государственных и муниципальных служащих, оценке его результативности и предлагается его нормативное закрепление.

Одной из важнейших задач административной реформы является повышение результативности профессиональной служебной деятельности и соответствия этой деятельности целям и необходимо решение целого ряда задач.

Остановимся на одной из самых серьезных проблем в этой области.

Недостаточность профессионализма и компетентности служащих современного государственного аппарата сегодня признана официально. И это несмотря на то, что в основе стремления к служебному росту большинства государственных служащих лежат, в первую очередь, перспективы профессионального роста и только во вторую – желание больше зарабатывать, а среди факторов, стимулирующих деятельность государственного служащего, названо его индивидуальное профессиональное развитие (исследования, проведенные РАГС). Это является прямым следствием того, что все еще ждет внимания к себе один из пяти «блоков проблем», «решение которых позволит», по мнению А.А. Спектор и Э.В. Туманова более эффективно организовать

федеральную государственную службу и деятельность федеральных органов государственной власти». Упомянутые авторы называют этот «блок» «созданием правовой системы профессионального развития всех категорий федеральных государственных служащих» [1], а мы берем на себя смелость расширить его на всех государственных и муниципальных служащих и в дальнейшем говорим о служащих в целом.

Проблемы непрерывного профессионального образования и обучения в России или, по-другому, «сдерживающие факторы» сформулированы О.Н. Олейниковой:

- «негибкость действующих законов, регулирующих деятельность образовательных учреждений, а также отсутствием нормативно-правовой базы для формирования многоуровневых диверсифицированных моделей непрерывного образования и реализации преимущества открытых систем (свободное поступление, открытое планирование обучения, возможность выбора времени, места и темпов обучения и т.д.);
- жесткие лицензионные нормы, сдерживающие развитие сетей обучающих структур, негосударственных образовательных учреждений и открытых форм образования;
- жесткая зависимость между формами и продолжительностью курсов обучения и свидетельств об обучении, отсутствием законодательно закрепленного многообразия форм получения образования и обучения;
- отсутствие возможности официального признания ранее полученного образования и обучения и неформального обучения;
- отсутствие единой системы общегосударственных квалификационных требований и профессиональных стандартов [2].

Все эти проблемы касаются и системы профессионального развития служащих. Анализ состояния системы говорит о том, что:

- заказ на профессиональное развитие планируется, в основном, исходя из перечня образовательных программ профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки служащих, предлагаемого образовательными учреждениями и не связанного с результатами оценки уровня профессионального развития служащих;
- анализ эффективности исполнения функций, полномочий не является основой для формирования заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку служащих;
- служащие не получают индивидуальных образовательных заданий, связанных с повышением собственной эффективности.

К сожалению, сегодня многие авторы фактически защищают сложившуюся систему повышения квалификации служащих, не связывая профессионализм (компетентность) с качеством и результативностью служебной деятельности. Для примера приведем «формулу расчета профессионализма (компетентности) сотрудников», предложенную

В.И. Огородниковым. В эту формулу как параметры входят: количество лет обучения, «количество раз прохождения курсов повышения квалификации и переподготовки» и возраст служащего («чем больше служишь, тем больше опыт – выше профессиональные качества и будет больше данный показатель») [3].

Нельзя не согласиться с И.Н. Барцием, что «необходим и более требовательный подход к определению содержания образовательных программ, к концентрации внимания на изучении действительно актуальных общетеоретических и профессионально значимых тем, к еще большей служебно-практической направленности обучения» [4].

Концепция, внедряемая сейчас в Республике Татарстан, предполагает изменить сложившуюся практику на основе использования некоторого множества образовательных модулей, сформированного с учетом:

- функций, полномочий, закрепленных за органами власти, их подразделениями, должностями государственной и муниципальной службы в соответствии с нормативными правовыми актами;
- задач по совершенствованию деятельности органов власти на планируемый период;
- оценки несоответствия уровня знаний, формируемых базовыми для государственных служащих специальностями высшего профессионального образования, требованиям к объему знаний и уровню навыков, необходимых для эффективной работы в органах власти в соответствующих сферах деятельности;
- необходимости развития, в числе прочих, следующих навыков:
  - технологических, связанных с конкретной профессией;
  - коммуникативных, связанных с умением управлять людьми;
  - концептуальных, связанных с умением принимать ответственные решения, осуществлять комплексный подход к проблеме.

Согласно концепции, индивидуализация применения образовательных модулей реализуется через:

- учет фактического разрыва между текущим уровнем знаний и навыков служащего и необходимым для полного соответствия занимаемой должности;
- составление в рамках общего перечня образовательных модулей, используемых для служащих специальных перечней, учитывающих содержание и характер деятельности конкретного специалиста;
- определение объема (в академических часах), формы и вида обучения;
- учет опыта работы служащего в сфере публичного управления и в занимаемой должности.

В указанных целях также рекомендуется использовать:

- результаты и рекомендации аттестации;
- результаты квалификационного экзамена;
- оценки результатов деятельности служащего руководителем;
- оценки результатов деятельности служащего внутренними экспертами;

- результаты собеседования и тестирования при приеме на работу;
- истории обучения и перемещения служащего;
- собственную мотивацию к профессиональному развитию.

Учет фактического разрыва между текущим уровнем знаний и навыков служащего и необходимым для полного соответствия занимаемой должности должен осуществляться на базе анализа результатов текущей деятельности служащего, так как именно они являются индикатором его профессионализма.

Индивидуальные планы профессионального развития утверждаются приказом руководителя органа и на их основе формируется программа профессионального развития органа, которая, в свою очередь, предусматривает формирование системы контроля (аудита) результата реализации индивидуальных планов.

Здесь мы полностью солидарны с Е.А. Пономаревой в том, что «определение результативности профессиональной переподготовки и повышения квалификации гражданских служащих» должно производиться «по итогам служебной деятельности после проведенного курса обучения» [5] и предлагаем способ такой оценки. Количественными измерителями результата реализации программы профессионального развития в целом и мероприятий по контролю результата реализации индивидуальных планов являются индикаторы, устанавливаемые в индивидуальных планах профессионального развития служащих, характеризующие повышение эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Вопрос профессионального развития гражданских служащих органично вписывается как одно из направлений разработанной в Республике Татарстан Концепции кадровой политики Республики Татарстан, ориентированной на реализацию долгосрочной стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан. В соответствии с концепцией в период 2010-2013 гг. планируется обеспечение устойчивого, сбалансированного воспроизводства знаний, соответствующих перспективам социально-экономического и общественно-политического развития Республики Татарстан. Далее, в период 2014-2018 гг., продолжит формироваться экономика знаний, в которой знания играют решающую роль, а воспроизводство знаний становится источником экономического роста. И далее в 2019-2030 годы республика должна стать обучающимся регионом, где устойчивый рост конкурентоспособности республики, ее городских и сельских населенных пунктов, предприятий, человека, а также достижение социального единства осуществляется через развитие человеческого потенциала всех его граждан.

Активная деятельность по реализации Концепции кадровой политики осуществляется сейчас по четырем основным направлениям.

Первое направление, описанное выше, уже дало свои результаты. Программы профессионального развития разработаны сегодня для двух муниципальных образований (Лаишевский муниципальный район и пгт Камские Поляны). Аналогичные работы выполнены для государственных служащих Министерства экономики Республики Татарстан и Министерства здравоохранения Республики Татарстан.

Второе направление состоит в привлечении в республику ведущих российских и зарубежных образовательных центров. С 2008 года в рамках международного сотрудничества заключены соглашения и проводится регулярно обучение руководителей министерств, ведомств, органов местного самоуправления, ведущих специалистов различных отраслей экономики в ведущих образовательных центрах Сингапура, Финляндии, Франции, США, Канады. Активная совместная работа осуществляется и с известными российскими школами – Академией народного хозяйства, Московской школой управления СКОЛКОВО, Высшей школой экономики и другими.

В рамках третьего направления осуществляется перестройка системы профессионального образования. В республике сформировано несколько образовательных кластеров, объединяющих, с одной стороны, предприятия и, с другой стороны, образовательные учреждения всех трех ступеней (начального, среднего и высшего профессионального образования). Такая структура позволяет молодым людям, поступившим в вуз, пройти обучение от начальной ступени, получая при этом рабочую профессию, а, главное, сконцентрировать учебный и научный потенциал учебных заведений на подготовку преимущественно тех специалистов, которые необходимы экономике республики.

Четвертое направление реализует Программу грантов Правительства Республики Татарстан, ориентированную на подготовку, переподготовку и стажировку кадров Республики Татарстан в российских и зарубежных образовательных и научных центрах.

В рамках ее реализации с 2006 по 2009 год из бюджета республики было выделено свыше 480,39 млн. рублей (в том числе по категории «государственные и муниципальные служащие» – 37,55 млн. руб.), заключены договора на обучение с 55 российскими и 19 зарубежными образовательными и научными центрами. За этот период направлены на обучение 1215 человек, в том числе и государственные служащие.

Однако, несмотря на имеющиеся успешные практические результаты, описанный в работе подход к профессиональному развитию служащих, безусловно, требует перестройки системы дополнительного профессионального образования, которая еще не в полной мере готова к внедрению образовательных технологий, построенных на отдельных образовательных модулях. Также и правовая система профессионального развития всех категорий служащих, о необходимости развития которой упоминалось выше, могла бы в значительной степени послужить фундаментом для преодоления инерции старых подходов к профессиональному развитию. Законодательно гарантированное право служащего на профессиональное развитие должно трансформироваться в его юридическую обязанность соответствовать занимаемой должности по уровню своего профессионализма. Более того, порядок, способы оценки такого соответствия и правовые последствия несоответствия должны быть установлены соответствующими нормативными правовыми актами.

В заключение хочется выразить надежду, что использование сформулированных выше предложений и регионального опыта окажет влияние на повышение эффективности государственного управления в Российской Федерации.

Литература:

1. *Спектор А.А., Туманов Э.В.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (постатейный). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.
2. *Олейникова О.Н.* Некоторые аспекты развития непрерывного профессионального образования в Российской Федерации в свете реализации международного проекта DELPHI II [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cvets.ru/LLL/LLL-Delphi.pdf>.
3. *Огородников В.И.* Оценка профессионализма и компетенции управленческого персонала. / Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 4.
4. *Барциц И.Н.* О концептуальных направлениях развития системы государственной службы Российской Федерации. / Журнал российского права. – 2008. – № 6.
5. *Пономарева Е.А.* Организация профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации гражданских служащих. / Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 11.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ. НОВЫЙ ЭТАП ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

© 2010 Коршунов С.А.

*начальник отдела технологий управления Центра экономических и социальных исследований Республики Татарстан при Кабинете Министров РТ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Теории и истории государства и права
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Аннотация:

В статье рассматривается текущий этап развития правового регулирования предоставления государственных муниципальных услуг, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг, с его достижениями и проблемами. Особое внимание уделяется понятийному аппарату этой сферы деятельности.

Особенностью текущего этапа административной реформы является подчеркнутое внимание к взаимодействию органов публичной власти с населением, с физическими и юридическими лицами. Это и понятно, так как постоянно модифицирующийся и усложняющийся государственный аппарат не менее сложен и во взаимодействии с «единственным источником власти в Российской Федерации» [1]. Представляется логичным, что упомянутый аппарат должен создать так называемый «дружественный интерфейс» с населением страны. Во многих странах такой «интерфейс» успешно работает.

Однако необходимо отметить, что до успешной реализации поставленной задачи еще далеко. Не до конца сформирован понятийный аппарат, не создано детализированное правовое обеспечение, не преодолены информационная разрозненность различных отраслей управления и, наконец, психологические барьеры чиновничества.

Начнем с того, что в основополагающее для данного исследования понятие услуги различными авторами вкладываются несовпадающие смыслы. Это само по себе могло бы стать темой самостоятельного исследования. Однако, нам интересно лишь то, что связано с государственными и муниципальными услугами, и мы предпочитаем воспользоваться тем определением, которое сформировалось после обсуждения принятого в первом чтении проекта федерального закона «Об общих принципах организации предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных (муниципальных) функций» [2].

«Государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом управления государственным внебюджетным фондом или исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (далее – государственная услуга) – деятельность по осуществлению функций соответственно федерального органа исполнительной власти, органа управления государственным внебюджетным фондом или исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий указанных органов, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации» (аналогично определяется и муниципальная услуга).

К сожалению, данное определение не решает многих понятийных вопросов. Назовем нерешенные.

Определение ограничивает субъектный состав предоставляющих государственную или муниципальную услугу органами исполнительной власти или местного самоуправления и органами управления государственными внебюджетными фондами. Из рассмотрения исключаются услуги, финансируемые из бюджета, но предоставляемые иными государственными или негосударственными организациями. Из этого правила может быть сделано исключение лишь для тех организаций, без участия которых по закону государственная услуга не может быть предоставлена. Круг таких организаций, вернее, видов деятельности должен устанавливаться законом.

Остается неясным, как же тогда назвать услугу, которая предоставляется учреждением, а не органом власти, но также финансируется из государственного или муниципального бюджета? Термин «государственная» занят для услуг, предоставляемых органами. Видимо их так и надо было назвать услуги государственных органов. Это первый из нерешенных вопросов.

Кажется очевидным, что государственная услуга четко отграничена от других государственных функций наличием заинтересованного заявителя. Однако и здесь не надо торопиться с выводом. Рассмотрим выделение участка леса, которое осуществляется через аукцион. Налицо государственная функция, не имеющая смысла без заявителя. Следовательно, это услуга (аукцион) - это инициатива органа. Этот второй вопрос, видимо, требует ювелирного отделения одних управленческих процессов от других, чтобы уверенно называть отдельные функции услугами.

Как видно из приведенного определения, акцент на наличии или отсутствии материального результата таких услуг не делается, хотя в ранее разработанных определениях встречается и указание на результат. Так остается нерешенным третий вопрос - что является результатом той или иной услуги, так как именно в нем интерес заявителя, и не заставляет ли наличие такового отказаться от термина «услуга» вообще. Так, например, «услуги» по определению Экономического словаря – это «работа ..., не приводящая к созданию самостоятельного продукта, товара» [3], а результатами обсуждаемых нами услуг часто бывают вещи. Однако не будем погружаться в эту серьезную теоретическую проблему и согласимся с П.В. Соколом в том, что «можно выделять классические услуги и услуги с вещественным элементом» [4].

Настало время спросить - всегда ли нужна заявителю услуга, о которой он просит. Прежде, чем обсуждать этот четвертый вопрос, необходимо уточнить понятие «сложная» услуга, «носящая межведомственный и межуровневый характер» [5]. Отдельные составляющие таких услуг («простые» услуги) сами по себе часто совершенно не нужны заявителю. Тем не менее, эти составляющие обладают всеми признаками услуги, и мы не можем исключать их из рассмотрения. Это может быть – выдача справки, согласования, необходимые для получения сложной услуги. Каждая из простых, составляющих сложную, услуг может быть отдельно предоставлена заявителю, независимо от его намерения получить сложную услугу целиком.

На наличие сложных услуг прямо указывается в ряде нормативных правовых актов федерального уровня. Там же используется термин «итоговый результат услуги» в случаях, «если в предоставлении государственной услуги участвуют несколько федеральных органов исполнительной власти» [6]. Термин «итоговый результат услуги» в указанном нормативном акте не определяется, хотя смысл его очевиден. Логично, что при наличии итогового результата должен быть и промежуточный. Сегодня промежуточный результат является услугой по причине того, что за ним обращается заявитель, однако, действует он при этом явно не в своем интересе.

Имеют ли право на существование такие промежуточные простые услуги или они должны быть отнесены к внутренней деятельности (функциям) органа,

выдающего значимый для заявителя итоговый результат? Сегодня такие функции формально могут быть отнесены к услугам по признаку наличия запроса заявителя. Но это запрос вынужденный, а не добровольный. Оппоненты могут выдвинуть возражение, что, например, регистрация сделки с недвижимостью тоже не является добровольной. С бытовой точки зрения, видимо, нет, но с точки правомерного поведения субъекта, соблюдающего норму закона, – да. Также можно сказать о любом промежуточном результате, поскольку наличия его требует закон в качестве одного из оснований для получения итогового результата.

Исходя из интересов заявителя и в антикоррупционных целях (уменьшения числа контактов заявителя с чиновником) логично было бы исключить из состава услуг такие, результат которых нельзя отнести к итоговому для заявителя. Но такое решение вызывает множество уточняющих вопросов. Как это сделать? Что отнести к самостоятельным, незначимым для заявителя, промежуточным услугам – только ли документы, включенные законом в перечень предоставляемых заявителем, или же и согласующие подписи (визы) на итоговом документе?

Для ответа на последние вопросы необходимо дать легальное определение услуге, указывающее на характер заинтересованности заявителя в ее результате, а, если не получится, то хотя бы утвердить на федеральном уровне перечень государственных и муниципальных услуг, значимых для заявителя.

Сегодня федеральный законодатель не решился ни на то, ни на другое. Задача спущена на плечи субъектов Российской Федерации без исчерпывающего методического материала. Видимо поэтому на региональном уровне нет никакого единства. Достаточно посмотреть на перечни услуг, предоставляемых многофункциональными центрами, зарегистрированными на сайте Министерства экономического развития РФ, посвященном административной реформе (www.ar.gov.ru). Одинаковые по результату услуги именуются по-разному, а сложные услуги (с итоговым результатом) соседствуют в перечнях с промежуточными. Такое положение вряд ли позволит найти оптимальные тиражируемые решения.

Итак, для облегчения создавшейся ситуации наиболее простым представляется следующий путь.

Полагаем необходимым сформировать перечень простых услуг, то есть услуг, заканчивающихся конкретным результатом, независимо от его самостоятельной ценности для заявителя. Все услуги от федерального до муниципального уровня должны быть проинвентаризированы, и их перечень утвержден. Региональные и муниципальные особенности, по нашему мнению, будут минимальны. Грамматическое построение названия услуги должно быть стандартизовано и содержать результат услуги. Сложные услуги должны определяться только как конкретный набор простых. Услуги, предоставляемые государственными органами и органами местного самоуправления, целесообразно отделять от услуг учреждений, но только в нормотворческих целях, поскольку для заявителя субъект не имеет принципиального значения.

Выделив, в той или иной степени, деятельность, правовое регулирование которой требует пристального внимания, перейдем к рассмотрению путей повышения ее эффективности. Можно назвать два активно обсуждаемых в настоящее время пути. Это упрощение механизма взаимодействия исполнителя услуги и заявителя с использованием информационно-коммуникационных технологий (предоставление услуг в электронной форме) и включение во взаимодействие универсального посредника в лице многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ).

О первом пути очень верно говорит Е. Шашенкова. «Очевидно, что никакие электронные технологии не действуют, если речь идет о документе, который по закону должен быть в «бумажной» форме, заверенный подписью ответственного лица и печатью». Далее она добавляет, что «наличия всех требующихся реквизитов и ЭЦП недостаточно. Важным элементом подлинности документа является то, что он был создан и обработан в так называемой доверенной среде». Интернет же, как известно, доверенной средой не является [7]. Здесь можно добавить лишь то, что работы по изменению массы нормативных актов, препятствующих «электронизации» услуг, ведутся. Нелишне обратить внимание на законопроект №342098-5 «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных и муниципальных функций». Большинство норм этого законопроекта придают различным электронным документам равный статус с их «бумажными» аналогами.

Логично предположить, что пока соответствующие изменения не приняты, а население не приобрело необходимую компьютерную грамотность, второй путь, в отличие от первого, может дать результаты быстрее.

Посредник, который призван оптимизировать интерфейс с населением, назван в статье 30 Федерального закона от 25.12.2008 № 281-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако его правовой статус и процессуальные особенности деятельности еще до конца не определены [8]. Постановление Правительства РФ от 03.10.2009 № 796 «О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг» [9] допускает достаточную свободу при создании МФЦ. По-прежнему сохраняется возможность использования любых концептуальных подходов: как «одно окно», так и «одна дверь», как муниципальный уровень создания МФЦ, так и региональный.

Рассмотрим работу МФЦ по предложенному выше перечню услуг, состоящему из простых услуг, которые можно получить «оптом» и «в розницу».

Если для простой услуги, предоставляемой одним органом, удобства заявителя в МФЦ равноценны удобству покупателя в универсаме, то для сложных услуг МФЦ переводит услугу на новый уровень – реализует принцип «одного окна». В соответствии с этим принципом, «обращение заявителя за

государственной или муниципальной услугой осуществляется однократно, а взаимодействие с органами, предоставляющими государственные услуги, и органами, предоставляющими муниципальные услуги, осуществляется многофункциональным центром без участия заявителя в соответствии с административным регламентом, другими нормативными правовыми актами, соглашением между учредителем многофункционального центра, многофункциональным центром и органом, предоставляющим государственные услуги, и органом, предоставляющим муниципальные услуги» [10]. Обратим внимание на то, что определенный таким образом принцип исключает общение заявителя с любыми представителями органов публичной власти и не только при получении сложной услуги. Заявитель контактирует только с сотрудником МФЦ независимо от степени сложности услуги. А составляющие сложную услугу промежуточные простые услуги будут получены центром от имени заявителя, затем их результаты будут переданы в орган, предоставляющий итоговый результат, и далее в МФЦ.

Из определения принципа «одного окна» следует, что заявитель контактирует только с сотрудником МФЦ. С любым ли сотрудником, осуществляющим прием заявлений, имеющим специализацию? Видимо с любым, иначе этот принцип называется «одна дверь». Не зря в литературе принцип «одного окна» пытались заменить на принцип «единого окна». Отсюда следуют высокие требования к квалификации такого сотрудника и появляются первые сомнения. Насколько будет эффективен универсальный сотрудник МФЦ, вставленный в разрыв отношений заявителя и высококвалифицированного, опытного специалиста органа-исполнителя услуги? Сотрудник МФЦ потребует затрат на его зарплату, обучение, размещение. А чем можно измерить эффект? Не проще ли оставить успешно функционирующие сегодня специализированные центры по предоставлению услуг (соцзащита в Татарстане), где работают те самые опытные специалисты органа-исполнителя услуги? К сожалению, это невозможно. Упомянутое постановление требует предоставления не менее 50 государственных (муниципальных) услуг по следующим направлениям:

- а) социальная поддержка населения;
- б) регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним;
- в) определение или подтверждение гражданско-правового статуса заявителя;
- г) регулирование предпринимательской деятельности» [11].

Между тем, упомянутые специализированные центры предоставляют более 50 услуг, но, к сожалению, одной сферы и не могут называться МФЦ со всеми правовыми последствиями.

Второе сомнение появляется после анализа действующего законодательства. Как выясняется, оно не готово расстаться не только с привычной бумажной формой документа, но и с непосредственным контактом заявителя и исполнителя услуги. Здесь очень бы помогло наделение МФЦ статусом представителя заявителя без нотариальной доверенности. Ведь, по сути дела, обеспечивая орган, предоставляющий итоговый результат услуги,

необходимыми согласованиями и промежуточными документами, МФЦ выполняет государственные функции, работает с персональными данными. Такой организации надо доверять или исключать ее из такого процесса. Эту норму мы ждем от упоминавшегося законопроекта. Именно поэтому мы сожалеем, что специализированные центры, не реализующие все четыре направления могут быть лишены такого статуса.

Однако, несмотря на высказанные сомнения, очевидно, что обеспечение открытости, комфортности и других требований к современной услуге дешевле реализовать в МФЦ. Не менее важным доводом за МФЦ является снижение коррупциогенности и упрощение контроля законности качества предоставления услуг. Поэтому в заключение необходимо еще раз с сожалением отметить низкие темпы принятия решений на федеральном уровне, снимающие правовые барьеры на пути повышения качества государственных и муниципальных услуг.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). / Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Проект Федерального закона № 254940-5 «Об общих принципах организации предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных (муниципальных) функций». / Консультант Плюс: Комментарии Законодательства [Электрон. ресурс]. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2009.
3. Экономический словарь. / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2007. – С.1008.
4. Сокол П.В. Проблемы понятия, правового регулирования и классификации гражданско-правовых услуг. / Журнал российского права. – 2009. – № 8.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р (ред. от 14.12.2009) «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации». / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 48. – Ст. 5639.
6. Приказ Минэкономразвития РФ от 05.08.2009 № 313 «Об оказании в 2009 году поддержки федеральным органам исполнительной власти и высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации в проведении административной реформы». / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 44. – 2009.
7. Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 478 «О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». / Собрание законодательства Российской Федерации.– 2009.– № 25 – Ст. 3061.
8. *Шашенкова Е.* Электронные государственные услуги: мы все еще в начале пути. Опубликовано 06 марта 2009 года [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.cio-world.ru/it-market/analytics/407543/>.

9. Федеральный закон от 25.12.2008 № 281-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». / Собрание законодательства Российской Федерации.– 2008.– № 52(ч. 1) – Ст. 6236.
10. Постановление Правительства РФ от 03.10.2009 № 796 «О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг». / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 41. – ст. 4782.
11. Проект Федерального закона № 254940-5 «Об общих принципах организации предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных (муниципальных) функций». / Консультант Плюс: Комментарии Законодательства [Электрон. ресурс]. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2009.
12. Постановление Правительства РФ от 03.10.2009 № 796 «О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг». / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 41. – ст. 4782.

**ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ
КАК ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ**

© 2009 Кудрявцев Ю.М.¹, Кушаева Ю.Г.², Кушаева Э.Р.

¹ доктор педагогических наук, профессор, полковник

² старший преподаватель кафедры Иностранных и государственных языков
Институт социальных и гуманитарных знаний

Аннотация:

Существенной характеристикой языка является то, что он служит формой существования как общественного, так и индивидуального сознания, поскольку именно в языке обобщается и передается отдельным людям опыт общественно-исторической практики человечества.

Научный анализ функций языка показывает, что он является важнейшим средством общения. Данное положение может быть взято за основу при использовании коммуникативных универсалий в ходе языковой подготовки студентов.

Ключевые слова: функции языка, лингво-педагогическая подготовка студентов, языковые универсалии, коммуникативные универсалии.

The essential characteristics of language is that it's the form of existence of both social and individual consciousness. The experience of social and historical practice of mankind is generalized and transmitted to individuals by language.

The scientific investigation has shown that language is the most important mean of communication. This conclusion can be taken as a basis of application of communicative universals in the linguistic training of students.

Процесс формирования будущего специалиста в вузе предполагает использование средств всех учебных дисциплин, в том числе иностранного языка. Чтобы возможности данного предмета в формировании профессиональных качеств специалиста могли использоваться достаточно эффективно, необходимо проанализировать различные подходы к проблеме развития обучаемых средствами иностранного языка.

Язык является основным средством общения. Согласно мнению И.А. Зимней, «...методологически важным является утверждение принципиальной невозможности без языка (речи), как обобщенного отражения и знаковой фиксации опыта человечества, подлинно человеческого общения, а, следовательно, и развития личности, осуществляемого, прежде всего, через общение и предметную деятельность». Это положение можно считать основным при использовании коммуникативных универсалий в процессе языковой подготовки студентов [2, 118].

Изучению универсальности коннотативного значения языка посвящено одно из самых обширных исследований между языком и мышлением. В работе Ч. Осгуда [5] рассмотрены системы аффективных значений при помощи специального метода измерения - семантического дифференциала.

Суть проведенного им эксперимента заключалась в том, что испытуемому был предложен список различных имен существительных. Затем давался список определителей-антонимов (в оригинале эксперимент проводился на английском языке, в котором в качестве определителей выступали прилагательные), например: хороший – плохой, горячий – холодный. Задача испытуемого состояла в том, чтобы оценить каждое понятие с точки зрения каждой пары определителей по семибалльной системе следующим образом: 1 – означает наивысшую оценку в пользу левого члена данной пары определителей (в случае с первым примером – хороший), а 7 – наивысшую оценку в пользу правого члена (в случае первого примера – плохой), остальные оценки занимают промежуточное положение. В результате факторных исследований, проведенных с испытуемыми, говорящими на английском языке, было установлено следующее: полученные данные можно описывать в терминах трех основных факторов или измерений значения: фактора оценки (хороший – плохой), фактора силы (сильный – слабый) и фактора активности (быстрый – медленный). При этом обозначилась проблема: свойственна ли эта семантическая схема лишь англоговорящим американцам или она присуща всем людям, вне зависимости от их культуры и языка.

Для решения этого вопроса Ч. Осгуд составил список ста знакомых всем понятий, выбранных с точки зрения адекватности всем культурам, в рамках которых проводилось исследование. Список был переведен на соответствующие языки, и далее эксперимент протекал на языках, свойственных испытуемым.

Пары указанных выше определителей были выяснены в каждой стране при работе с группами студентов, на основе ответов которых были построены шкалы оценки, после чего новым группам испытуемых было предложено оценить упомянутые сто определителей по соответствующим шкалам.

Результат проведенных исследований показал, что структура коннотативного значения слов одинакова во всех языках, в то время как деннотативные значения конкретных понятий в разных культурах различны. Применяемые в данном исследовании три измерения – оценка, сила и активность – характеризуют оценочные суждения испытуемых во всех исследованных языках, хотя в различных культурах отдельные понятия по этим семантическим факторам оцениваются по-разному. Авторы исследования (Ch. Osgood, E.G. Suci, P. Tannenbaum) мотивировали подобную схожесть тем, что созданные шкалы регистрируют эмоции, связанные с аффективной нервной системой, которая у всех людей биологически одинакова.

Анализ исследований, посвященных проблеме соотношения языка и культуры разных народов в работах Беспалько В.П. [1, 52-69] показал, что известные в этой области ученые (Ч. Осгуд, Уорф Б.Л., Зимняя И.А., Леонтьев А.Н., Карамзин Н.М., Эйхенбаум Б.Н., Ушинский К.Д., Гумбольдт В., Ожегов С.И., Платонов К.К.) выражают единое мнение о существовании в различных языковых системах определенных общих закономерностей – универсалий.

Универсалии передают культурологические особенности разных языковых систем, и это должно находить отражение в процессе языковой подготовки студентов.

Процесс изучения иностранного языка должен нести обучающимся иноязычную культуру, поскольку любое обучение, как отмечает И.Я. Лернер [4, 10-17], есть передача культуры. Человек с момента своего рождения помещен в мир культуры, в котором накоплен и зафиксирован гигантский общечеловеческий опыт. Способы его фиксации самые разные: это и феномены общественного сознания – верования, традиции, установки, культурные приоритеты и т.п., это и многообразие символики и мифологии. это предметы искусства и тексты, это и языковые значения, понятия, знания и даже фиксированные умения.

Эту же позицию подтверждает Д.С. Лихачев [3, 129], утверждая, что «...настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами». основополагающее значение это имеет для личности как носителя культуры. Более того, многие ученые (В.П. Кузовлев, Ф.С. Коростелев, Е.И. Пассов) установили и такую тенденцию: человек с развитыми коммуникативными умениями обычно ценит и глубже понимает свою национальную культуру, а осознание взаимосвязи национальной культуры с

мировой служит основой формирования и развития творческой личности будущего специалиста.

Язык является важнейшим средством общения, фиксации и распространения человеческого опыта, культуры. Иностранный язык, посредством которого осуществляется межкультурное общение, выступает общественно-историческим продуктом, в котором находит отражение история народа, система социальных отношений, традиций, а также культура народа – носителя языка.

Анализ работ отечественных и зарубежных ученых позволяет утверждать о существовании в различных языковых системах некоторых универсальных языковых явлений, позволяющих упростить процесс языковой подготовки студентов посредством учета культурологических особенностей разных языков.

Специфика языковой подготовки предопределена ярко выраженным коммуникативным характером самого языка. В основе коммуникативного подхода в языковой подготовке студентов лежит стимулирование речемыслительной активности обучаемых. Активное мышление, основанное на расширении сферы познавательной деятельности за счет иноязычной культуры, стимулирует речевые процессы. Потенциально языковые универсалии могут выступать инструментом, позволяющим применять коммуникативные особенности языка в целях расширения интеллектуально-познавательной сферы студентов.

Литература:

1. Опыт разработки и использование критериев качества усвоения знаний. / В.П. Беспалько. – Современная педагогика. – 1968. №4 – с. 52-69, р.320
2. Психология обучения иностранным языкам в школе. / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991, с. 118.
3. Русь. История и художественная культура X-XVII веков. / Лихачёв Д.С. – М., 2003, с. 129.
4. Теория современного процесса обучения и ее значение для практики (школы). / И.Я. Лернер. – Современная педагогика, 1989. – №11, с. 10-17.
5. Language universals and psycholinguistics. / Greenberg J.H. Osgood Ch. – Cambridge, the MIT Press, England, 1963.

УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ НА БАЗЕ СВОБОДНО РАСПРОСТРАНЯЕМОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (MOODLE В СТРАНАХ СНГ)

© 2009 Куркина Е.П.

программист

Институт социальных и гуманитарных знаний

Большие изменения произошли за последние годы в нашей стране в социальной и экономической сфере. Все это не могло, естественно, не отразиться на образовании. Высшее образование в наши дни находится в состоянии радикальной модернизации. Серьёзным фактором, влияющим на состояние вузовского образования, является его глобальная информатизация, развитие информационных и телекоммуникационных технологий. Новой ступенью в образовании стало развитие открытого дистанционного образования.

Дистанционное образование – образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. Субъект дистанционного образования удалён от педагога или учебных средств, или образовательных ресурсов. Дистанционное образование осуществляется с преобладанием в учебном процессе дистанционных образовательных технологий, форм, методов и средств обучения, а также с использованием информации и образовательных массивов сети Интернет. За последние десять лет виртуальные, дистанционные формы обучения стали привычными для многих компаний и большинства крупных учебных заведений всего мира. Дистанционное обучение является очной и заочной формой получения образования. Существуют различные виды организации системы дистанционного обучения. Одной из наиболее используемых является свободно распространяемая система управления обучением Moodle.

Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – система создания и управления дистанционными курсами – свободно распространяемое (Open Source) программное обеспечение. Moodle содержит в себе большое количество интерактивных инструментов, с помощью которых можно эффективно реализовать общение слушателей друг с другом и преподавателем, на основе коллективно выполняемых работ. На сегодняшний день насчитывается 424 инсталляции Moodle с количеством пользователей более 100000. Наибольшее число пользователей зарегистрировано на официальном сайте Moodle, в настоящее время зарегистрировано 52378 участков из 207 стран, не зарегистрированных 9712. Лидером и идеологом системы является Martin Dougiamas из Австралии. Коммерческую поддержку Moodle осуществляют многочисленные партнёры во всем мире, работу которых

контролирует Moodle PTY Ltd. Проект является открытым и в нем участвует множество других разработчиков. Система Moodle переведена на десятки языков, в том числе и на русский.

Внедрением СДО Moodle в нашей стране занимаются официальные партнеры ООО «Открытые технологии». Основными местами развития на сегодняшний день являются 3 региона – Татарстан, Пермский край и Томская область. В будущем планируется широкое применение, помимо ВУЗов и ССУЗов, в школьных программах. В этом году в России насчитывается около 490 официальных сайтов с использованием данной системы. В России развивается сотрудничество с другими странами. Создаются совместные проекты с западной Европой и США. Помимо зарубежья мы тесно сотрудничаем со странами СНГ. Так развитие дистанционного образования и распространения Moodle в Белоруссии напрямую связано с нами. Развитие дистанционного образования в этой стране находится на низком уровне. Основная масса предоставления ДО представлена в виде дополнительных ресурсов к очной форме обучения или в виде отдельных факультетов, лишь немногие ВУЗы имеют право выдавать дипломы студентам, обучающимся по дистанционной форме. Также в Белоруссии неокончательно сформирован рынок информационных технологий. На данный момент в Белоруссии насчитывается около 33 сайтов, использующих СДО Moodle. Сейчас в Белоруссии проходят различные тренинги, посвященные СДО Moodle, в связи с ростом ее применения.

В Украине встречается больше сайтов, созданных на платформе Moodle. Их численность примерно равна 160, где основную массу составляют ВУЗы. Примером таких являются: Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля, Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького, Запорожская государственная инженерная академия, Ивано-Франковский национальный технический университет нефти и газа, Луцкий государственный технический университет, Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт», Одесский национальный политехнический университет, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Тернопольский государственный медицинский университет имени И.Я. Горбачевского, Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины и многие другие. Существует сайт для поддержки на украинском языке www.moodle.ukma.kiev.ua, где изложены некоторые курсы.

Казахстан стремится использовать продукты и софты открытого кода. Тесное сотрудничество с Open Source в Казахстане позволяет формировать открытые образовательные и тренинговые ресурсы, создавать основу для национальных знаний. Это является одной из самых главных причин внедрения в его границах СДО Moodle. Данная отрасль находится в зарождающемся состоянии. По мнению многих экспертов, использование программного обеспечения с открытым кодом доступа позволит не только развиваться, но и

привлечь интерес других стран. Основными активистами распространения Moodle в Казахстане являются: ЮНЕСКО, «Альт Линукс», Sun Microsystems и другие. Проблемы для развития в этой стране – финансовая поддержка софтверных компаний, низкий уровень подготовки специалистов. Поэтому Казахстанская ИТ-индустрия «топчется на месте», ИТ-бизнес развивается хаотически, зависимость от государственного заказа также не играет на пользу данной отрасли, и численность сайтов на платформе Moodle в данной стране равна 23. В остальных странах СНГ СДО Moodle только начинает использоваться. Это связано с тем, что в них рынок ИТ находится в разработке. Нет точной точки зрения правительства по отношению к открытому программному обеспечению. Но многие всемирные организации стараются поддержать систему Moodle. Одной из таковых является ЮНЕСКО. Организация распространила Moodle более чем в 400 учебных заведениях Центральной Азии, участвует в различных совместных проектах, сотрудничает с большинством структур, использующих в своей деятельности информационные и коммуникационные технологии. Одним из самых главных событий для нашей страны было создание совместного системного проекта с ЮНЕСКО – «Всемирный технологический университет». ВТУ ЮНЕСКО и Информационно-образовательная среда открытого образования Университета в 2008 году создало не менее 100 территориально-обособленных подразделений на территории Российской Федерации и государств-участников СНГ. ЮНЕСКО было открыто кластерное бюро в Алма-ата по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Узбекистану. Существуют и другие подобные организации, например – «Образовательные ресурсы и технологические тренинги». ОРТ было участником пилотного проекта «Корпорация IBM – ГОСОБРАЗОВАНИЕ СССР», и совместно с IBM создал лаборатории высоких технологий в ряде городов России, Украины и Белоруссии. Так была сформирована деятельность ИКТ в странах СНГ. Все это помогло сдвинуть с места информационные и коммуникативные технологии. В данный момент ситуация с распространением СДО Moodle сложилась следующим образом: Узбекистан -12, Азербайджан - 3, Армения – 7, Туркестан – 1, Кыргызстан – 5, Молдова – 15. Страны СНГ намерены развивать сотрудничество в области применения дистанционных образовательных технологий, будут создаваться новые проекты по направлению ИТК в образовании.

СДО Moodle является одной из самых доступных и перспективных систем дистанционного обучения. На мой взгляд, для полноценного применения и использования Moodle необходимо внести изменения в образовательные процессы, повысить качество дистанционного образования, а именно: разработать единые стандарты в области дистанционного образования; сформировать необходимые педагогические умения и навыки по использованию ИКТ в преподавании; создать специальные структуры по оценке качества дистанционного образования; решить проблему финансирования дистанционных образовательных программ и проектов в образовательных учреждениях различного уровня; сформировать научные виртуальные

лаборатории по изучению СДО Moodle; изучать развитие ИКТ для совершенствования системы.

Moodle одна из самых гибких, интегрируемых, доступных программ, которая может настроить и установить любое образовательное учреждение. Она является единой структурой для совместной работы по всему миру, дающей возможность получения качественного профессионального образования, высокой организацией смешанного образования, не имеющей границ, расширяющей рынок и возможности образовательных услуг.

ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

© 2009 Садыкова Р.З.

старший преподаватель

Казанский социально-гуманитарный колледж

Неотъемлемым свойством материи, ее атрибутом является движение. К движению способны практически все предметы объективного мира. Движение, приводящее к перемещению в пространстве, может быть обусловлено различными силами. Эти силы могут быть в самом носителе движения или же воздействовать на него извне. Мы рассмотрим лишь активные перемещения в пространстве, которые осуществляет либо сам человек, либо животное, либо человек, перемещающийся при помощи животной или механической силы.

Движение имеет различную характеристику, именно на этом обосновано деление на подгруппы внутри самой группы глаголов движения.

Есть глаголы, указывающие на преодоление преграды или расстояния, не уточняя его характера направления, способа и т.п., т.е. глаголы движения вообще. Основной их признак – отсутствие направленности [3, 95]. В это поле входят глаголы: *йөрү* – ‘ходить’, *күчү* – ‘переезжать’, *үтү* – ‘пройти’, *кичү* – ‘перейти’, *узу* – ‘проходить’, *күченү* – ‘перезжать’.

Рассмотрим глагол *йөрү* - ‘ходить’. Данный глагол относится к «моторно-кратному» подвиду, он не содержит никакого указания на направленность движения [2, 14].

В абсолютном смысле глагол *йөрү* является одновалентным глаголом. Например, в предложении *Трамвайлар йөри* – ‘Трамваи ходят’ глагол *йөри* является одновалентным глаголом. А в предложении *Ул велосипедта йөри* – ‘Он ездит на велосипеде’ глагол *йөри₂* является двухвалентным глаголом, имеющим 2 обязательных аргумента: 1°(субъектный) – Sub (*ул*), 2°(инструментальный) – Instr (*велосипедта*). В предложении *Бу урамнан трамвайлар йөри* – ‘По этой улице ходят трамваи’ глагол *йөри* также имеет 2 обязательных аргумента: (субъектную валентность и валентность маршрута): 1° – Sub (*трамвайлар*), 2° – Itin (*урамнан*). Реже глагол *йөри* реализует валентность конечной точки

движения или цели (*Ул театрға йөри* – ‘Он ходит в театр’ или *Ул табибка йөри* – ‘Он ходит к врачу’): 2° – Ab (театрға) или 2° – Dest (табибка).

Рассмотрим предложение: *Жәйләрен Нәзер елгасына балыкка йөри* – ‘Летом ходит на рыбалку на речку Назир’ (Н. Гыйматдинова) [7, 185]. В этом примере глагол *йөри*₂₊₍₂₎ уже реализует 2 обязательных аргумента (1° – Sub, 2° – Ad (*Нәзер елгасына*)) и 2 факультативных аргумента (3° – Dest (*балыкка*) и 4°(время) – Temp (*Жәйләрен*)).

Таким образом, глаголу *йөри* можно поставить в соответствие следующие конструкции:

- 1) S_{Б.к.} V (*трамвай ~*);
- 2) S¹_{Б.к.} V S²_{Ч.к.}, S¹_{Б.к.} V S²_{б.к.} буйлап; (*урамнан трамвайлар ~, урам буйлап трамвайлар ~*);
- 3) S¹_{Б.к.} V S²_{Ю.к.} (*табибка ~, театрға ~*);
- 4) S¹_{Б.к.} V S²_{У.-в.к.}; (*велосипедта ~*);
- 5) S¹_{Б.к.} V S²_{Ю.к.} S³_{Ю.к.} *елгага (балыкка) йөри.** [1, 38].

В группе глаголов движения вообще можно особо выделить глагол *кичә* ‘перейти’ со сдвинутыми формами актантов [4, 31]. Этот глагол примечателен тем, что соотносится с содержательными структурами субъектных глаголов, но имеет актант с пространственной семантикой в форме винительного падежа: *елганы күчү* – ‘перейти реку’.

Следующая основная группа глаголов движения – глаголы направленного движения. Эти глаголы наиболее часто употребляются в речи и участвуют в создании большого числа разного рода сочетаний [3, 91].

Глаголы направленного движения имеют кроме субъекта три пространственных актанта (начальную, конечную, промежуточную точки движения) и факультативный актант с семантикой средства передвижения [5, 23].

К глаголам направленного движения в татарском языке можно отнести следующие глаголы: *килү* ‘приходить’, *кайту* ‘возвращаться’, *юналү* ‘направляться’, *якынлашу* ‘приближаться’, *чыгу* ‘выходить’, *авышу* ‘наклониться’, *бару* ‘идти’, *бату* ‘тонуть’, *йөгерү* ‘бегать’, *менү* ‘подниматься’, *күтәрелү* ‘подниматься’, *керү* ‘входить’ [3, 97].

Рассмотрим глагол *йөгерү* ‘бежать’. В предложении *Ә Хәкимҗан, дустан калдырып, өенә таба йөгерде* (Ф. Зыятдинов) [9, 43] ‘А Хакимҗан, оставив друга, побежал к дому’ глагол *йөгерде*₂ ‘побежал’ является двухвалентным: 1° – Sub (*Хәкимҗан*), 2° – Ab (*өенә таба*). А в предложении *Сәвилә бар көченә алга таба йөгерде* (Н. Гыйматдинова) – ‘Савиля со всей силой побежала вперед’ [7, 72] 2 актантом служит словосочетание *алга таба* ‘вперед’. Итак, мы видим, что в рассматриваемой группе глаголов особенно

* В данной работе принимаются следующие обозначения: S – основа существительного или личного местоимения, V – глагол в личной форме. Подстрочные маленькие латинские буквы обозначают падежи (Б. к. – Баш килеш ‘Именительный падеж’, Ч. к. – Чыгыш килеш ‘Исходный падеж’, У.-в. к. – Урын-вакыт килеш ‘Местно-временной падеж’, Т. к. – Төшем килеш ‘Винительный падеж’). Надстрочные цифровые индексы используются для нумерации различных элементов одного класса в пределах фразы. Послелогои сохраняются в своем обычном виде.

часто реализуется актант, называющий конечную точку движения и имеющий сложную семантику [4, 23]. Остальные актанты реализуются в меньшей степени, особенно редко встречается сочетание всех пространственных актантов (начальной, конечной точки и промежуточной зоны). Например, в предложении *Ул мәктәптән өенә урман аша кайта* 'Он возвращается из школы домой через лес' глагол *кайта*₃ 'возвращается' реализует все 3 пространственных актанта (начальной точки, конечной точки и маршрута): 2° – Ad (*мәктәптән*), 3° – Ab (*өенә*), 4° – Itin (*урман аша*).

В предложении *Аягына басып бер-ике атлаганчы, Нәсимә, эссе сулышы белән йота-йота нәрсәләрдер кычкырып, тәмам аптырашта калган иптәшләренә дымлы күзләре аркылы карады да, шәлен ябынырга да онытып, коридор буенча йөгерде* (К. Нәкми) [11, 216] у глагола *йөгерде*₂ 2 актант обозначает маршрут: 2° – Itin (*коридор буенча*). Рассмотрим еще одно предложение, в котором 2 актант (*юлдан* – 'по дороге') также реализует валентность маршрута: *Юлдан вагоннар йөгәрә, ә вагоннарда станоклар, машиналар килә* (Н. Дәүли) – 'По дорогам бегут вагоны, а в вагонах прибывают станки и машины' [8, 142].

Таким образом, глаголам направленного движения можно поставить в соответствие следующие конструкции:

- 1) S¹_{Б.к.} V S²_{Б.к. буенча}, S¹_{Б.к.} V S²_{Ч.к.}; *коридор буенча йөгәрә, юлдан йөгәрә*;
- 2) S¹_{Б.к.} V S²_{Ю.к. таба}, S¹_{Б.к.} V S²_{Ю.к.} *өенә таба йөгәрү, Мәскәүгә бара*;
- 3) S¹_{Б.к.} V S²_{Ч.к.} S³_{Ю.к.} S⁴_{Б.к. белән}; *Казаннан Мәскәүгә (поезд белән) бара*;
- 4) S¹_{Б.к.} V S²_{Ч.к.} S³_{Ю.к.} S⁴_{Б.к. аша}; *мәктәптән өенә урман аша кайта*.

Глаголы способов движения образуют третью основную группу глаголов движения. Сюда относятся глаголы, сочетающиеся со словами, обозначающими средства передвижения, способы перемещения по определенной среде. В это поле входят следующие глаголы: *йөзү* 'плавать', *очу* 'летать', *атта бару* 'ехать на лошади', *жәяү бару* 'идти пешком', *агу* 'течь', *үрмәләү* 'ползти', *мүкәләү* 'двигаться на четвереньках', *атлау* 'шагать', *шуу* 'кататься', *шуышу* 'скользить' и др.

Эти глаголы так же, как и глаголы движения вообще, могут быть одновалентными: *Ул йөзә*₁ – 'Он плавает'. В русском языке некоторые глаголы представлены парами:

- бежать* – *бегать*,
- идти* – *ходить*,
- лететь* – *летать*,
- плыть* – *плавать* [2, 12].

В татарском языке существует только одна пара *йөрү* – *бару*. Все остальные пары отсутствуют: *очу* – 'лететь, летать'; *йөзү* – 'плавать, плыть'. Следовательно, эти глаголы реализуют и большее количество семантических конструкций. Чаще всего они являются четырехвалентными. По степени обязательности-факультативности здесь распределение актантов будет несколько иным, чем у глаголов направленного движения. Например, в предложении *Ул Мәскәүдән Казанга самолет белүн оча* – 'Он из Москвы в Казань летит самолетом' глагол *оча* – 'летит' имеет 4 валентности

(субъектную, инструментальную, начальной точки, конечной точки движения): 1° – Sub (ул), 2° – Instr (самолет белән), 3° – Ab (Мәскәүдән) и 4° – Ad (Казанга).

В предложении *Айлы кичләрдә яшьләр көймәдә йөзәләр, гармонь моңына жырлыйлар иде (Г. Кашишаф)* [10, 66] – ‘В лунные вечера молодежь каталась на лодках, пела песни под гармонь’ глагол *йөзәләр иде*₂₊₍₁₎ ‘каталась’ имеет 3 валентности (субъектную, инструментальную – обязательные, валентность времени – факультативную): 1° – Sub (яшьләр), 2° – Instr (көймәдә), 3° – Temp (кичләрдә).

Таким образом, глаголам способа движения можно поставить в соответствие следующие конструкции:

1) $S^1_{\text{Б.к.}} V$; ул оча;

2) $S^1_{\text{Б.к.}} V S^2_{\text{У.-в.к.}}$, $S^1_{\text{Б.к.}} V S^2_{\text{Б.к.}}$ белән; ул самолётта оча, ул самолет белән оча;

3) $S^1_{\text{Б.к.}} V S^2_{\text{Б.к.}}$ белән $S^3_{\text{Ч.к.}}$ $S^4_{\text{Ю.к.}}$ ул самолет белән Казаннан Мәскәүгә оча.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1) В абсолютном смысле глаголы движения являются одновалентными.

2) Глаголы движения вообще активно сочетаются со словами, имеющими валентность маршрута (Itin) и локальную валентность (Loc). Слова, реализующие данные валентности, чаще всего, бывают выражены именами существительными в исходном и местно-временном падежах, сочетающимися с послелогом *аркылы* – ‘через’, *аша* – ‘через, сквозь’, *буенча* – ‘вдоль, по’, *буйлап* – ‘вдоль’, *артында* – ‘за’, *астында* – ‘под’, *өстендә* – ‘на, над’, *тирәсендә* – ‘вокруг’ [6, 320-329].

3) Глаголы направленного движения активно сочетаются со словами, имеющими 3 пространственных актанта. Инструментальная валентность у глаголов направленного движения является факультативной. Актанты глаголов направленного движения бывают выражены в исходном, направительном падежах и сочетаются с послелогом *таба* ‘к’, *каршы* – ‘напротив’, *хәтле* – ‘до’, *чаклы* – ‘до’, *алдына* – ‘перед’, *артына* – ‘за, из-за’, *эченә* – ‘внутри’, *эченнән* – ‘из’, *астына* – ‘вниз’, *астыннан* – ‘из-под’ [6, 320-329].

4) У глаголов способа движения инструментальная валентность становится обязательной и по обязательности-факультативности занимает 2 место после субъектной валентности.

5) Глаголы движения могут иметь и ‘сдвинутые’ формы актантов. Это, например, актанты, выраженные существительными в винительном падеже.

Литература:

1. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Издательство «Наука», 1967. – 252 с.
2. *Исаченко А.В.* Глаголы движения в русском языке. / Русский язык в школе. – М., 1961. – №4.
3. *Иштанова Р.К.* Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: Дисс. Казань, 2002.
4. *Кибардина С.М.* Валентность немецкого глагола: Автореф. дисс. ...док. филол. наук. – Л., 1988. – 34 с.

5. *Кибардина С.М.* Основы теории валентности: Лекции. Пособие по сравнительной типологии немец. и рус. яз. – Вологда: ВПИ, 1979. – 55 с.
6. Татарская грамматика. В 3-х томах. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993, II том. – 1993. – 397 с.
7. *Гыйматдинова Н. Сэвилә.* / Сэвилә: Повестьләр, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. Нәшр., 2001, 255 бит.
8. *Дәүли Н.* Жимерелгән бастион. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 222 б. – Б. 142
9. *Зыятдинов Ф.* Изге йорт (повесть). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 160 б.
10. *Кашишаф Г.* Чүл буенда. – Казан: Татар. кит. Нәшр., 1968. – 94 б.
11. *Нәжми К.* Язгы жылләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 454 б. *Дәүли Н.* Жимерелгән бастион. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 222 б.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВСТВЕННОСТИ

© 2009 Семенова Р.У.

профессор

Институт социальных и гуманитарных знаний

Современные интерпретации проблематики соотношения политики и нравственности включают в себе ряд характерных аспектов концептуализации. Одним из мыслителей, вобравших в себя настрой современной эпохи, отразивший ее коллизии и ведущие тенденции, является французский теоретик социологии и политологии П. Бурдьё. Новизна и оригинальность обоснования им социальных проблем во многом определяются тем, что П. Бурдьё получил прекрасное гуманитарное образование: его учителем был, в частности, М. Фуко – виднейший философ, культуровед и историк. Несомненное влияние на процесс интенсивного интеллектуального развития П. Бурдьё оказало и то, что на протяжении всей своей жизни он постоянно сочетал теоретические исследования с активной преподавательской деятельностью. Мыслитель занимался преподаванием философии и социологии в Лицее г. Мулен, Высшей исследовательской школе Парижа, Колледже де Франс.

П. Бурдьё синтезировал в своем творчестве весьма разнородные интеллектуальные течения: антропологию Леви-Строса и социологию Э. Дюркгейма и М. Вебера, диалектику Гегеля и К. Маркса, логику Л. Витгенштейна, феноменологию Э. Гуссерля и лингвистику де Соссюра.

Социологическая концепция П. Бурдьё теснейшим образом связана с исследованиями политической направленности. Неслучайно один из значительных трудов французского автора четко фиксирует синтетический

характер его изысканий и называется «Социология политики». Есть предпосылки, и весьма существенные, чтобы полагать, что основополагающие подходы к изучению социальных наук, предложенные П. Бурдьё, в полной мере могут быть применены и к обоснованию политических проблем.

Творчество П. Бурдьё пронизано стремлением раздвинуть горизонты традиционной социологии и политологии через преодоление оппозиции реализма и номинализма, объективизма и субъективизма. Движение исследовательской мысли вперед на основе «снятия» крайностей предыдущей науки возможно, полагал мыслитель, только при условии применения метода исследования, измененного не частично, а субстанционально. Этот метод П. Бурдьё именует порождающим (генетическим) структурализмом.

В чем же выражается его сущность? Содержательный смысл и принципиальная новизна обозначенного метода заключаются, по мысли автора, в том, что в его рамках социальная реальность может быть осмыслена в аспекте двуединства следующих оснований. Первое основание – современное – это пространство социальных позиций, определенных друг другом. Второе основание – генетическое – это история формирования названных социальных позиций. В целом пространство социальной реальности может быть интерпретировано только в динамическом контексте, т.е. в аспекте постоянного распределения и перераспределения различных видов капиталов: экономического, культурного, символического уровней. Обозначенное распределение (деление) фактически определяет и видение, и восприятие, и оценивание тех или иных явлений.

Кроме того, важнейшим элементом декларируемой методологии исследования является преодоление во многом надуманного характера проблемы альтернативы объективизма субъективизму. Для П. Бурдьё очевидно, что неукоснительное следование принципу объективизма чревато известной односторонностью: «Объективизм игнорирует жизненный смысл, эксплицируемый социальной феноменологией или объективистской семиологией, он лишает себя анализа условий производства и функционирования смысла социальной игры» [2, 52]. В этой связи П. Бурдьё вводит понятие «габитуса». «Габитус» является ни чем иным, как «продуктом интериоризации объективных предпосылок» и только при таком условии может существовать и осуществляться. На практике «Габитус» – это система диспозиций, которые являются началом, определяющим направленность восприятия и организацию действия. «Диспозиции, приобретенные в результате опыта, изменяющиеся в зависимости от времени и места, производят стратегии как ориентированные практики, которые оказываются объективно подогнанными к ситуации» [1, 144].

Следующим понятием, играющим роль системообразующего начала в построениях П. Бурдьё, является понятие «игра», которое, в свою очередь, оказывается тесно связанным с понятием «поле». «Игра» – это то, что позволяет индивиду еще в детском возрасте ощущать себя втянутым в социальную деятельность. Что же касается «поля», то это автономное пространство игры со своими закономерностями и логикой функционирования. «Габитус» и «Поле»

являются, в конечном счете, характеристиками той или иной позиции в социальном пространстве.

И, наконец, еще одним важным понятием, придающим социологическим построениям П. Бурдьё статус новизны, выступает «практика». В том случае, если агент (субъект действия) сталкивается с практикой, то эта практика является внешней по отношению к нему – это «практика другого». Если же агент «овнешняет» ее, то тогда это его собственная практика. Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. «В понимании П. Бурдьё, – пишет Н.А. Шматко, – практика не может быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур... Практика является изменением социального мира, производимым агентом» [2].

Политическая деятельность является практикой, в которой, как и в любой другой разновидности практики, есть составляющие ее элементы. Каковы же эти элементы? Важнейшим (но далеко не единственным) элементом государства и политической жизни П. Бурдьё считает насилие. В работе «Дух государства: генезис и структура бюрократического поля» он напрямую ссылается на М. Вебера, который исходит из признания насилия ведущей стороной функционирования политической власти. П. Бурдьё пишет: «Государство... с успехом претендует на монополию легитимного использования физического и символического насилия на определенной территории и над населяющим эту территорию народом. Если государство в состоянии осуществлять ...насилие, то оно воплощается одновременно объективно в виде специфических структур и механизмов и субъективно или, если хотите, в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления» [1, 134]. Господство одной воли над другой, в том числе и с применением насилия, является одной из особенностей современного государства. Уяснение этого обстоятельства важно и для осмысления процессов его конституирования. Имея в виду именно это обстоятельство, П. Бурдьё говорит о том, что в процессах генезиса государства физическая сила применялась в двух различных аспектах: с внешней стороны, по отношению к другим государствам; с внутренней стороны – по отношению к «оспаривающим власть друг друга князьям и сопротивляющимся подчиненным классам».

Однако существуют ли какие-либо элементы политической практики, имманентные ей или соотносящиеся с ней, но не являющиеся собственно политическими, которые ограничивают обозначенную сторону политической власти? Одним из таких ограничивающих каналов П. Бурдьё считает «символический капитал государства». Символическим же капиталом государства... может быть любое свойство,... «когда оно воспринимается социальными агентами, чьи категории восприятия таковы, что они в состоянии узнать (заметить) и признать, придать ценность этому свойству» [1, 143-144]. Ценностный же смысл политической власти придают не что иное, как нравственность, культура, образование. П. Бурдьё подчеркивает, что государство напрямую заинтересовано в том, чтобы навязывать определенные

ценностные представления, в том числе и носящие нравственный оттенок в сознание граждан. И государство, «располагающее средствами навязывания и внушения устойчивых принципов видения и деления, соответствующих его собственным структурам, является исключительным местом концентрации и осуществления символической власти» [1, 144].

Конкретизацией понятия о «символическом капитале» государства является сформулированное в книге 1 «Практического смысла» представление о таком нравственном качестве, присущем политическому деятелю, как честь. По мнению П. Бурдьё, «чистым образцом политики является чувство чести» [2, 255]. Оно заставляет накапливать материальные богатства, которые не оправданы в самих себе, т.е. в своей экономической или технической функции, но не могут не цениться как средства доказательства власти «путем показа». Таким образом, нравственные принципы в политике являются ни чем иным, как внешним проявлением правомерности и целесообразности действий политической власти. Подобного рода «номинация или назначение в конечном счете представляет собой очень таинственное действие, логика которого очень близка к логике магии» [1, 150].

На наш взгляд, можно прокомментировать обозначенное П. Бурдьё «чувство чести» посредством развертывания следующих сюжетных и исследовательских линий. Во-первых, благодаря открытому декларированию приверженности к определенным нравственным нормам власть утверждает себя «очевидно-публичным образом», заставляет признать за собой право на «зримость», что является ни чем иным, как проявлением «официализации». Во-вторых, подобного рода стремление является не чем иным, как проявлением «стратегии легитимации», т.е. стремления политической власти обеспечить себе «поддержку и одобрение» политического сообщества, группы и, самое главное, присвоить себе символическую силу.

П. Бурдьё затрагивает и другие стороны проблемы соотношения политики и нравственности. Он прекрасно понимает отчужденность политики и нравственного образа действий. Рассуждая в таком русле, П. Бурдьё отмечает, что одной из возможных исследовательских линий обсуждения обозначенной проблемы является «допущение того, что существуют универсально удостоверенные, метадискурсивные и метапрактические стратегии второго порядка, посредством которых агенты производят видимость соответствия (в действиях или намерениях) универсальному правилу» [3, 321]. Помещая себя в рамки определенных требований, акторы политического процесса «следуют правилу» вплоть до неповиновения ему. Практическое решение проблемы нередко оказывается не чем иным, как нарушением принципов нравственности в политике или же стремлением найти, обнаружить «некую лазейку» для нарушения того или иного нравственного правила.

Французский исследователь пытается разобраться, почему это происходит. И вновь обращается к проблеме факторов, влияющих на конституирование социальной позиции индивидов, к правилам и нормам, действующим в рамках социальных групп, т.е. к той самой методологии, о которой мы уже говорили ранее. Как это ни парадоксально, но обман,

«праведная ложь», «праведное приличие», т.е. формальное прикрытие нарушения тех или иных нравственных принципов в политических отношениях теми или иными участниками политического процесса «заклачивают в себе неоспоримое заверение в уважении правила группы». «Стратегии официализации, – говорит П. Бурдьё, – посредством которых агенты демонстрируют свое почтение по отношению к официальному верованию группы... являются стратегиями универсализации, которые предоставляют группе то, что она особенно требует, то есть публичное заверение в почтении к тому представлению, которое группа стремится дать о себе и придать себе самой» [3, 323-324]. Итак, групповой интерес порождает коллизии нравственности в политических отношениях. В политике действуют организации с соответствующей субординацией ролей, которые инструментализируют людей друг для друга.

Следование нравственным правилам, декларируемое той или иной политической организацией, должно воспроизводиться вновь и вновь, ибо это является условием, позволяющим субъекту (субъектам) политической деятельности «удержаться на плаву». В большей мере, чем кого бы то ни было, это касается политических лидеров и тех участников политического процесса, деятельность которых носит публичный характер. Из-за повышенной общественной значимости деятельности политиков объектом нравственной оценки становится не только профессиональная, но и частная, приватная жизнь «Эта работа (направленная на следование нравственным принципам. – *P.C.*), – говорит П. Бурдьё, – с особой неотложностью предстает перед теми, кто, рассматривая себя как выразителя группы, официальных лиц, имеют менее, чем кто-нибудь другой, право пренебрегать в своей публичной деятельности и даже своей частной жизни официальным почтением по отношению к коллективному идеалу» [3, 324]. Только политический деятель, следующий хотя бы даже формально требованиям порядочности, справедливости, заботы о людях, готовности защищать их интересы и публично демонстрирующий стремление следовать тем или иным нравственным заповедям, может пользоваться поддержкой группы. Ведь, тем самым, он демонстрирует приверженность идеалам, обеспечивающим политическую выживаемость самой группы. В противном случае официального выразителя настигают санкции политического скандала.

Политические группы, рассуждает далее П. Бурдьё, всемерно вознаграждают поведение, которое они считают универсальным в действительности или хотя бы в намерениях и которое хоть как-то соответствует добродетели. Формальное или реальное следование правилам нравственности определяется нередко как интересами выгоды от «систематичности или от узаконения», так и стремлением к признанию, оправданию деятельности той или иной группы со стороны общества. По мысли П. Бурдьё, «универсализация ...является универсальной стратегией легитимации». Игнорирование политикой нравственных ценностей, попытки освободить ее от нравственных оценок, поставить по ту сторону добра и зла, так или иначе подрывают основы самой легитимности как внутреннего

оправдания политического режима, так способности тех или иных господствующих групп формировать убеждение, что именно данные политические порядки являются универсальными.

«Ставить вопрос о «морали в политике» или о «морализации политики», – констатирует П. Бурдьё, – это спрашивать себя, совершенно практически, об условиях, которые должны соблюдаться для того, чтобы политическая практика подвергалась постоянно тесту на универсальность» [3, 328]. Французский автор понимает, что «политическая мораль не может упасть с небес», что «она не вписана в природу человека». «Политическая мораль» должна быть рассчитана на обычных агентов и полагать, что можно было бы «установить подобие идеальной республики, в которой индивиды были бы заинтересованы» в добродетели, в бескорыстии, преданной публичной службе и в общественном благе», по крайней мере, наивно. П. Бурдьё приходит к заключению, что «у морали есть какие-то шансы приобщиться к политике только в том случае, если будут работать над созданием институциональных средств для политики морали», т.е. предписывать агентам «такие ограничения и контроль, что они были бы принуждены к реальным стратегиям универсализации» [3, 328].

Таким образом, постановка вопроса о соотношении политики и нравственности, предложенная П. Бурдьё, включает в себе теоретико-исследовательские линии, демонстрирующие значительный потенциал новизны. Она опирается на оригинальный когнитивный инструментарий, придающий построениям французского автора качество оригинальности. Теоретическая система французского мыслителя органически «вписывается» в логику политических отношений нашего времени. Его рассуждения о нравственности как «символическом капитале государства», «чувстве чести» политического деятеля, процессуальном характере политической морали, необходимости политической институционализации нравственности и т.д. достаточно наглядно демонстрируют особенности современного подхода к толкованию проблематики соотношения политики и нравственности и являются непреходящим достижением современной социологической и политической мысли.

Литература:

1. *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. – Поэтика и политика. – СПб: Алетейя, 1999. – С.144.
2. *Бурдьё П.* Практический смысл. – СПб: Алетейя, 2001. – С.552.
3. *Бурдьё П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И НРАВСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАУЧНОЙ СУБДИСЦИПЛИНЫ

© 2009 Семенова Р.У.

профессор

Институт социальных и гуманитарных знаний

Политика и нравственность взаимодействуют между собой. В каком бы диапазоне ни оценивался характер этого взаимодействия – в русле признания их началами, разведенными абсолютно, онтологически, либо в русле провозглашения их началами, допускающими частичное или полное согласование – ясно одно: при анализе современной политической жизни абстрагироваться от нравственных факторов невозможно. Вот почему так актуализирована проблематика конституирования политической этики как самостоятельной научной субдисциплины. Ясно, что постановка данной темы неизбежно будет сопряжена с размышлениями по поводу широкого круга других вопросов: объектная и предметные области политической этики, собственные категории и методы исследования, специфические закономерности и функции, и т.д.

Обсуждение теоретических сюжетов, касающихся предметного статуса политической этики неразрывно связано с развитием и уточнением представлений о содержании самого политического знания. В данном случае мы ведем речь о той его части, которая отражает проблематику политических процессов, интегрированных в другие сферы общественной жизни и носящих «синтетический» характер. Разнообразие постоянно изменяющихся политических явлений, динамизм политической практики предопределяет как сложный состав самой политической науки, так и множество имеющихся на сегодня исследовательских проблематик.

В научной и учебной литературе выделяют теорию политики (политология в узком смысле слова) и политические субдисциплины, с присущими только им концептуальными подходами к изучению политических явлений. Все научные дисциплины, так или иначе изучающие политику, политическую сферу общества и производящие политологическое знание, считают политологией в широком смысле слова [2, 66]. Проблематика содержания основных разделов теории политики, а также междисциплинарного комплекса исследований решается крайне неоднозначно. По-разному также определяются перечень основных разделов политологии и отраслей политических наук.

Обращает на себя внимание довольно своеобразная теоретическая и методологическая ситуация, при которой во многих научных и учебных исследованиях политическая этика, как правило, не фигурирует ни в одном из компонентов политического знания. Так, к примеру, в исследовании «Новые

направления политической науки», которое декларирует стремление раскрыть особенности теоретико-методологических вопросов, развертывания проблемного поля, трансляции и восприятия современных концепций в рамках новых разделов политического знания, называются такие направления, как гендерная политология, институциональная политология, политическая экономия, социальная политика. Проблематика политической этики не ставится и не рассматривается вообще.

Значительная часть современных учебников и учебных пособий по политологии не включают политическую этику в «смежные» политические дисциплины. Данное обстоятельство само по себе довольно симптоматично: отсутствие интереса к ней со стороны науки проявляет глубокие лакуны в этой области самого общества и его политического сознания. В России складывается институциональная демократия, но при этом отсутствует внимание к институциональной этике.

В то же время следует отметить, что в ряде немногочисленных изданий все же признается статус политической этики как неотъемлемого компонента политологического знания. При этом подчеркивается значимость теоретико-методологических проблем политики как самостоятельной политологической дисциплины. К.С. Гаджиев выделяет политическую этику в аспекте нормативной теории политической деятельности, затрагивающей основополагающие проблемы справедливого социального устройства, взаимных прав и обязанностей, руководителей и граждан, фундаментальных прав человека и гражданина [1, 123]. Политическая этика рассматривается им в качестве одного из аспектов социокультурного и мировоззренческого измерения политического. Тема «Политическая этика» «соседствует» с другими разделами теории политики, такими, как политическая культура, политическая идеология, основные идейно-политические течения современности, средства массовой информации и политика и другие.

Обращение к политической этике в качестве составной части теории политики предполагает, на наш взгляд, определенные комментарии. Ясно, что К.С. Гаджиев исходит из принципа единства предметного рассмотрения политического, теоретико-методологических проблем изучения политики с другими аспектами политологического знания. Такой подход служит предпосылкой для воссоздания целостной картины мира политического, особенно в функциональном отношении. Политической этикой нельзя пренебрегать в силу будто бы второстепенности ее по сравнению с такими проблемами, как власть, государство, демократия и т. д. или по ряду других специально оговариваемых причин. Как в структурном, так и в генетическом отношении она связана с теорией политики. В то же время эта позиция может вызвать вполне резонные возражения тех политологов, которые выступают против каких-либо форм редукционизма: ведь в политической этике политика не является специальным и единственным объектом изучения. В этом плане точка зрения проф. М.Х. Фарукшина, согласно которой «политология и другие отрасли политологического знания даже при изучении одних и тех же

политологических проблем делают ударение на разных их сторонах» [7, 19] представляется нам более адекватно отражающей суть дела.

А.С. Панарин, как и К.С. Гаджиев, считает политическую этику одним из значимых проблемных полей современной политологии. Политическая этика «вырастает» у него из анализа таких проблем теоретической политологии как политическое бытие и политическое самосознание, гражданское общество, политические системы современности, исторические судьбы демократии, традиционные и нетрадиционные субъекты политики, политическая культура и политическое прогнозирование. Подчеркивая необходимость рассмотрения темы влияния нравственности на политику, А.С. Панарин говорит о необходимости отойти от обсуждения ее в русле традиционной проблематики «соотношение политики и морали», при котором нравственность и политика признаются началами, плохо согласующимися друг с другом. Он считает такой ракурс изучения проблемы малоперспективным: «все приличествующие случаю слова о том, что цель не может оправдывать любые средства, давно уже сказаны, и продолжение дискурса в этом направлении весьма походило бы на сентенцию» [5, 252]. Выделение политической этики как самостоятельного ракурса теории политики является для него способом осуществления интеллектуального прорыва в обсуждении вековой темы, выражением стремления придать ей новые смысловые грани и аспекты. Политическая этика выступает в таком контексте одним из значимых проблемных полей современной политической науки, основанном на системном, концептуальном анализе соотношения политики и нравственности, учитывающем современные рыночные реалии. Неслучайно введение в дискурс-анализ политической этики следующих сюжетов: этика партнерства как императив политического рынка, этические максимы, связанные с принципом разделения власти, солидаристская этика и этика успеха [5, 252].

Коллектив ученых, создателей весьма солидного издания «Политология» (Под редакцией В.А. Ачкасова и В.А. Гуторова, 2008) предлагают рассматривать политическую этику в одном ряду с такими дисциплинами, как теория и история международных отношений, международное право, политическая география, политическая журналистика, политическая риторика. Авторы считают политическую этику одной из эмпирических дисциплин, связанной с политологией как с научной теорией среднего уровня многообразными отношениями, что делает границы между политологией и политической этикой (как, впрочем, и другими субдисциплинами) «не совсем четкими и определенными» [6, 30].

Между тем границы политологии и политической этики, с нашей точки зрения, все-таки можно определить. Предметную область политической этики определяет не просто политическое, но политическое, так или иначе сопряженное с нравственным. Речь идет о прямых или опосредованных, институционализированных или неинституционализированных формах связи политического с нравственным. Итак, имеются в виду не самостоятельные политика и нравственность, символизирующие различные сегменты мироздания, а политика и нравственность, находящиеся в известном

сопряжении друг с другом, а также определенный характер их взаимодействия и взаимосвязи. Результатом этого взаимодействия является образование нового качества, природа которого носит гибридный характер, в когнитивном плане это качество обретает статус политической этики. Синтетическое свойство политической этики предполагает комплексное исследование ее предмета, в котором политические и нравственные аспекты представлены в интегративном аспекте.

Развивая эту сюжетную линию, можно, на наш взгляд, обратиться к рассуждениям, представленным российским политологом А.И. Соловьевым в исследовании «Политология: Политическая теория, политические технологии». В основу сформулированной А.И. Соловьевым систематизации закладывается связь политически организованного сообщества с различными сферами и уровнями жизни человека: со сферой космоса (политическая астрология) [4, 31], с природой (политическая география, политическая экология, биополитика), с социологией (политическая социология), со сферами социального (политическая экономия, политико-правовая теория, политическая этика). Отдельные социальные явления порождают, по мнению мыслителя, целый круг субдисциплин: политическую лингвистику, политическую информатику [9, 19]. В рассуждениях А.И. Соловьева, таким образом, не только детализируется в новаторском русле картина специальных политических дисциплин, в которой политическая этика занимает достойное место, но и устанавливается связь определенным образом сгруппированных политических дисциплин друг с другом. Политическая этика, как и другие субдисциплины, по мнению автора, «имеет только ей присущие специфические концептуальные подходы (парадигмы) к изучению политики, используемые ... методы исследований, и некоторые другие, более частные особенности присущего им познавательного процесса, сложившийся понятийно-категориальный аппарат» [9, 19]. Рассуждая далее о смежных дисциплинах, А.И. Соловьев фактически обозначает программу дальнейших исследований политической этики: выявление степени развитости названной субдисциплины, определение удельного веса и реального влияния на всю структуру научного политического знания.

Особо следует выделить позицию политического философа и политолога Б.Г. Капустина, который сообществом российских политологов признается одним из крупнейших специалистов в области проблематики соотношения политики и нравственности. Для Б.Г. Капустина теоретические дискурсы «политическая этика» и «политическая мораль» как предпосылки выяснения значимости нравственности для субстанционального осмысления сущности политического имеют очевидное и бесспорное значение. По крайней мере, включаясь в дискуссии по вопросу о соотношении политики и нравственности в рамках семинара «Мораль – политика – власть», работавшего в 2001-2002 гг. на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук и мастерской по политической философии, организованной журналом «Полис» при поддержке Фонда Форда Б.Г. Капустин, никоим образом не подвергает сомнению политическую этику и политическую мораль как необходимые

аналитические меры. Обмен мнениями выявил весьма существенные разночтения его участников в теоретическом, концептуальном и содержательном наполнении темы.

Содержание политической этики и политической морали рассматривается Б.Г. Капустиным в широком контексте классической и современной философской, политической и этической мысли. Согласно его мнению, политическая этика позволяет разобраться в принципиальном для политической философии и политической науки вопросе о том, как нравственность «работает» в политике. «Наша гипотеза состоит в том, – говорит Б.Г. Капустин, – что к работе мораль побуждают некоторые политические проблемы или противоречия именно вследствие их неразрешимости посредством разума, но в то же время они не могут получить разрешения без их опосредования моралью, которая обеспечивает абсолютное должествование и целеполагание. Нам нужно понять то, каким образом мораль в политической жизни обретает свойство причинности, – не только формальной, но и телеологической» [3, 6].

Мы согласны с Б.Г. Капустиным в том, что уже давно назрела необходимость трансформации темы с традиционного ракурса: «соотношение морали и политики» в плоскость иной проблематизации: «что делает мораль в политике» [8, 48]. В то же время считаем необходимым обозначить еще один, не менее значимый исследовательский ряд обозначенной темы. Он звучит, с нашей точки зрения, не менее актуально: что делает политика в нравственности. Только на таких исследовательских путях можно, на наш взгляд, выяснить субстанциональный смысл политической этики как явления, которое имеет политическую и нравственную природу в одно и то же время.

Нравственные феномены могут сопутствовать политическим процессам (на уровне целей политических движений, таких, как благо, права человека, справедливость, гуманизм и т.д.), в определенных случаях влиять на них (значение личности политика, в том числе и нравственной составляющей его харизмы, для выработки судьбоносных для развития политического сообщества решений в условиях, предположим, кризисной ситуации), детерминировать их (в случае принятия решения о целесообразности применения насилия). С другой стороны, характер и содержание политических процессов могут оказывать влияние на нравственные феномены (зависимость нравственной составляющей общественной жизни, содержания духовно-нравственного воспитания от типа политического режима).

Подводя некоторые итоги представленным подходам и мнениям, необходимо отметить следующее. Очевидно, что политическая этика переживает этап сравнительно раннего становления и конституирования, в связи с чем в литературе встречаются весьма различные подходы и интерпретации. Одна из самых распространенных тенденций связана с непризнанием политической этики. Что же касается тех политологов, которые признают ее как субдисциплину, то в их рядах нет единства мнений относительно ее природы. Наиболее перспективный теоретический подход связан, на наш взгляд, с выяснением предметного поля политической этики на

путях пересечения двух исследовательских линий: что делает нравственность в политике и что делает политика в нравственности.

Литература:

1. *Гаджиев К.С.* Политология (основной курс): Учебник. – М.: Высшее образование, 2008. – с. 123.
2. *Ганел Дж.Г.* Политическая теория: эволюция отрасли. / Вестник МГУ. – Серия 12. – № 1. – 1993. – С. 66.
3. *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. – М.: КДУ, 2004. – С.6.
4. *Мельник В.А.* Политология: учебник. – Минск: Высшая школа, 2006. – С.31.
5. *Панарин А.* Политология. – М.: ТК Велби, 2004. – С.252.
6. Политология. / Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М.: Высшее образование, 2008. – С.30.
7. Политология. / Под ред. М.Х. Фарукшина. – Казань: Юниверсум, 2007. – С.19.
8. Проблемы и суждения: голоса российской политологии. Сборник трудов. – М.: КДУ, 2004. – С.48.
9. *Соловьев А.И.* Политология. Политическая теория, политические технологии. – С.19.

УСЛОВИЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

© 2010 Сергеев М.П.

*доктор экономических наук, профессор
Институт социальных и гуманитарных знаний*

Рыночные формы хозяйствования в условиях жесткой конкуренции приводят к несостоятельности отдельных субъектов хозяйствования или к их временной неплатежеспособности.

Необходимо постоянно заниматься вопросами возникновения кризисных ситуации и проводить работу по антикризисному управлению.

Как показывает теория и подтверждает опыт, нарушение платежеспособности в современных условиях является следствием несоответствия стратегии предприятия тенденциям развития рыночной ситуации.

Еще 30 лет назад отсутствовали стратегические принципы управления предприятиями. Только на стыке 60-70-х гг. появляются новые методы управления и вместе с ними термин «стратегическое управление». Это вызвано, в первую очередь, изменениями внешней среды бизнеса.

Любую ситуацию, в которой предприятие не успевает подготовиться к изменениям можно считать кризисной. Чтобы этого не произошло, необходимо

вовремя понять причины кризиса экономики предприятия и принять меры еще до внешнего проявления трудностей (финансовых сложностей).

Причины, в силу которых предприятие попадает в кризис, можно разделить на две группы:

- внешние, которые не зависят от предприятия или на которые предприятие может повлиять в незначительной степени;
- внутренние, которые возникли в результате деятельности самого предприятия.

Исследования подтвердили, что внутренние факторы усиливают действие внешних. Логическую цепочку поиска внутренних причин экономического кризиса на российских предприятиях можно построить, исходя из увеличения или уменьшения объема продаж за последние два года.

Если проблемы с продажей продукции отсутствуют, то причина не в самой продукции, а в оборачиваемости оборотных средств. Если оборачиваемость малая, то проблема связана с большой длительностью производственного цикла. Необходимо выявить слабое звено цикла. Это могут быть задержки с оплатой отпущенных товаров, тогда причины кризиса связаны с ценовой политикой и контролем цен, с условиями договора на продажу товара (например, поставки товара осуществляются без предоплаты). Высокие цены могут быть связаны с издержками производства, тогда следует выяснить динамику изменения затрат на производство товара и причины роста издержек. Для российских предприятий, как правило, высокие составляющие издержек – это затраты на энергоносители.

При высокой оборачиваемости средств причины экономического кризиса заключаются в рентабельности товара. Если объем продаж уменьшается, то причину следует искать в реализации продукции. Наличие запасов готовой нереализуемой продукции, потребительские свойства товара, ценовая политика и система распределения и продвижения товара могут быть причинами кризиса предприятия.

Можно сделать вывод, что выход из кризиса российских предприятий связан с устранением причин, вызвавших его, а сам процесс планирования этого выхода можно назвать стратегией (антикризисное стратегическое планирование) и тактикой (оперативное планирование) антикризисного управления.

В настоящее время для выживания на рынке и сохранения конкурентоспособности все предприятия должны время от времени вносить изменения в свою хозяйственную деятельность. Стратегия антикризисного управления позволяет установить:

- каким образом предприятие может противостоять изменениям внешней среды (возникающим часто, нерегулярно и практически непредсказуемо);
- с помощью каких предварительных мер можно сохранить свою жизнеспособность и достигнуть намеченных целей.

Стратегия антикризисного управления охватывает все запланированные, организуемые и контролируемые перемены в области существующей стратегии,

производственных процессов, структуры и культуры любой социально-экономической системы, включая частные и государственные предприятия. Предприятие должно постоянно следить за основными факторами окружающей среды и делать своевременные и правильные выводы относительно своих потребностей в изменениях. Толчком к изменениям являются кризисные ситуации. В зависимости от того, в какой области они представляют опасность для достижения целей предприятия, выбирается соответствующая антикризисная стратегия.

Кризис ликвидности означает реальную потерю платежеспособности. В этом случае стратегия антикризисного управления – это стратегия выживания: необходимо сохранить ядро трудового коллектива, основные фонды, ключевые технологии, удержать производство, т.е. стабилизировать положение организации, при этом не потеряв перспективу и просчитывая все действия, исходя из реальных возможностей. Выход из кризиса есть всегда.

Элементарная задача предприятия в случае кризиса ликвидности – сократить расходы. В докризисной ситуации на большинстве российских предприятий наблюдалась избыточность персонала. В условиях кризиса сокращение его численности становится необходимостью, в противном случае результаты могут быть плачевными. Действия менеджера должны быть в этом случае взвешенными и рациональными. Вместе с тем, экономия на заработной плате при ее умелом проведении может стать действенным фактором антикризисного управления. Так, на Кузнецком металлургическом комбинате удалось решить проблему снижения заработной платы, избежав забастовок, стачек и других проявлений недовольства трудового коллектива. В первый же месяц внешнего управления было объявлено, что всем рабочим уменьшается заработная плата, но с условием ее регулярной выплаты. И действительно, задержки с ее выплатой прекратились. Когда стало ясно, что слова управляющего не расходятся с делом, трудовой коллектив безоговорочно поддержал новую власть.

Снижению издержек может способствовать кампания по экономии материальных затрат, если она проводится с применением принципа «одного зонтика», суть которого – управлять суммарными издержками всей организации, а не проводить экономию по отдельным подразделениям.

Объем продаж в кризисной ситуации можно увеличить за счет рационального размещения мест продажи товара, что облегчает покупателям возможности его приобретения. Так действуют, например, мясокомбинаты, которые приобрели передвижные фургоны-магазины и установили их в местах, удобных для потенциальных покупателей. Ряд предприятий (например, молочные заводы) увеличивают торговый оборот за счет роста численности продавцов, что дает возможность максимально использовать небольшие торговые площади на рынках. Подобные меры исключают участие торговых посредников, что позволяет удерживать повышение цен.

Стратегия выживания осуществляется в сжатые сроки, новые решения сознательно проводятся в жизнь недемократическим путем. Управление сосредоточивается в руках немногих лиц, которые наделяются всей

необходимой легитимной властью, чтобы энергично и за короткий срок провести намеченные изменения.

Кризис предприятия может быть не столь очевидным и заметным. Положение предприятия в данный момент может казаться вполне удовлетворительным (ситуация успеха), но потенциал успеха снижается, происходят сбои в развитии предприятия, ослабевают защитные возможности в конкурентной борьбе. Намечается разрыв между желаемыми и вероятными результатами деятельности предприятия. В этом случае наступление кризиса необходимо диагностировать, и он может быть ликвидирован лишь путем принятия новой ориентации, например: продуктовые и технологические инновации, выход на новые рынки. Такие изменения рассчитаны на продолжительный период времени.

Предприятие имеет успех только в том случае, если находится в состоянии последовательного и неуклонного развития. Поэтому полноценная стратегия антикризисного управления – это стратегия созидания, захвата и удержания определенной рыночной ниши, стратегия конкурентного преимущества в долгосрочной перспективе.

Преодоление кризисов – управляемый процесс. Об этом свидетельствуют многие кризисы, происходившие в истории развития человечества, производства и экономики. Успех управления зависит от своевременного распознавания кризиса, симптомов его наступления.

В управлении социально-экономической системой должен функционировать так называемый мониторинг антикризисного развития. Это контроль процессов развития и отслеживание их тенденций по критериям антикризисного управления. Ведь существует предсказание погоды, землетрясений, солнечной активности. Этим занимаются специальные службы.

Распознавание и предвидение кризисных ситуаций сегодня, в связи с большой сложностью управления и увеличивающихся масштабов производственной деятельности, должны быть поставлены на профессиональную основу. Преодоление кризисов зависит от методики анализа кризисных ситуаций и наличия специалистов в области антикризисного управления. Профессионализм управления должен проявляться не только в нормальных, обычных условиях, но и в условиях повышенного риска, экстремальных ситуаций, кризиса.

Управление социально-экономической системой в определенной мере всегда должно быть антикризисным.

Кризис государственного управления – это особая форма политической системы общества, органов государственной власти, сопровождающаяся нестабильностью, снижением уровня управляемости социально-экономическими процессами, разбалансированностью политических институтов, обострением политических конфликтов, нарастанием противоречий в обществе.

Сущностными признаками кризиса государственного управления являются следующие: обострение экономических и социальных конфликтов; неспособность государственной власти управлять разрастающимися

конфликтами, регулировать социально-экономические процессы и отношения прежними традиционными методами. Кризис государственного управления развивается поэтапно.

Все это в совокупности должно найти отражение в стиле управления, который надо понимать не только как характеристику деятельности менеджера, но и как обобщенную характеристику всего управления. Стиль антикризисного управления должен характеризоваться профессиональным доверием, целеустремленностью, антибюрократичностью, исследовательским подходом, самоорганизацией, принятием ответственности.

Многую предлагаются следующие условия выхода из кризиса:

- 1) регулярные, ежеквартальные встречи руководителей всех стран мира;
- 2) необходимо наладить систему деятельности антикризисных мер;
- 3) необходимо создать любые условия для возврата незаконно вывезенных денег в Россию (вплоть до освобождения от наказаний), для подъема экономики производства и других услуг;
- 4) все взаиморасчеты между странами должны производиться в национальных валютах – в сопоставимых ценах;
- 5) срочно уходить от одновалютной долларовой зависимости;
- 6) национализация всех банковских систем;
- 7) устранение системы посредников;
- 8) усилить контроль за движением финансов, особенно бюджетных.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА

© 2010 Сергеев. М.П.¹, Айбятowa P.P.²

¹ *доктор экономических наук, профессор*
Институт социальных и гуманитарных знаний
² *Институт социальных и гуманитарных знаний*

Реальные перспективы развития российской экономики зависят от процесса перехода с энерго-сырьевого на инновационный путь развития и эффективности взаимодействия государственных структур и частного сектора.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса явно проявились факты низкой конкурентоспособности российских товаропроизводителей. Из года в год растет приток в страну импортных товаров в основном широкого потребления. Президент России Дмитрий Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил яркую особенность современного российского бизнеса: «Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создает нужные людям вещи и

технологии, а торгует тем, что сделано не им – сырьем или импортными товарами» [1]. Многие предприятия, составляющие в каждой развитой стране основу экономики, давно лишились притока инноваций и научной поддержки, что свидетельствует об отсутствии в России механизма формирования и реализации государственной научно-технической и инновационной политики.

Под инновацией (нововведением) обычно подразумевается объект, внедренный в производство в результате проведенного научного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога [5]. Инновация характеризуется более высоким технологическим уровнем, новыми потребительскими качествами товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом.

Показатели инновационной деятельности организаций, осуществляющих технологические инновации, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Инновационная активность организаций [3]

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %	10,6	9,6	9,8	10,3	10,5	9,3	9,4	9,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, %	4,4	4,2	4,3	4,7	5,4	5	5,5	5,5
Удельный вес затрат на технологические инновации, %	1,4	1,4	1,8	1,6	1,5	1,2	1,4	1,2

В нашей современной экономике органы государственного управления, наука, производство и образование развиваются, по сути, автономно, и предпринимательский сектор не заинтересован в инновациях, несмотря на резкое падение конкурентоспособности его продукции не только на мировом рынке, но и на внутренних рынках.

В числе основных причин низкой инновационной деятельности можно назвать следующие:

- индифферентность предпринимательского сектора к науке и инновациям, отсутствие должной культуры бизнеса, ориентация на получение максимальной прибыли в краткосрочном периоде;
- отсутствие системного инновационного законодательства;
- коррупция и наличие откатов при размещении заказов на выполнение муниципальных нужд, в т.ч. на выполнение НИОКР;
- отсутствие механизма экономического стимулирования субъектов научной деятельности и хозяйствующих субъектов, внедряющих НИОКР;
- малая результативность научной и научно-технической деятельности;
- отсутствие активного рыночного спроса на результаты интеллектуальной деятельности;

- дефицит квалифицированных кадров;
- высокая стоимость нововведений и экономический риск.

Основным источником финансирования науки и инновационной деятельности является федеральный бюджет. В 2008 г. доля бюджетного финансирования науки в целом составила 70%. При этом стоит учесть, что в частной собственности находится более 90% предприятий. В развитых странах наблюдается иная картина – доля предпринимательского сектора в экономике финансирования НИОКР составляет 65-80%, из них 70% – это малые и средние инновационные предприятия, научно-технические центры при крупных промышленных корпорациях [6].

В России, как отмечалось выше, малые предприятия создаются физическими лицами для осуществления деятельности в сфере торговли, общественного питания, бытовых услуг и т.д. В инновационной сфере число частных предприятий незначительно. Как правило, они не имеют ни денежных средств для приобретения прав на результаты интеллектуальной деятельности, организацию освоения и производство новой продукции, ни соответствующей инфраструктуры и кадрового обеспечения. Поэтому государству и общественности следует создать условия, способствующие существенному росту числа инновационных предприятий частного бизнеса, что позволит существенно развить инновационную инфраструктуру и осуществить переход от дискуссий о необходимости построения в России инновационной экономики к практическому внедрению инновационных структур.

Государственно-частное партнерство – институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий [2]. С помощью государственно-частного партнерства осуществляется привлечение в экономику частных инвестиций, повышение качества товаров и услуг, предоставляемых потребителям. Без такого сотрудничества российский бизнес в условиях глобализации экономики остается неконкурентоспособным, что отрицательно сказывается на формировании инновационной экономики. В условиях становления партнёрских отношений складываются новые базовые модели финансирования, претерпевают существенные изменения отношения собственности, появляются более эффективные методы управления.

Эффект заключается в том, что государство получает финансирование для капиталоемких, долго окупаемых проектов, не утрачивает над ними контроль, а бизнес получает доступ к ранее недоступным или закрытым сферам экономики. Если говорить об инновационной сфере, то здесь у государства несколько целей: а) стимулировать бизнес к таким видам деятельности, которые отличаются повышенной степенью риска и неопределённостью; б) добиться эффективного взаимодействия между сильно различающимися участниками инновационного процесса (производственниками, финансистами, работниками НИИ и др.); в) аккумулировать средства из различных источников в

приоритетных направлениях, которые при сложившихся условиях инвестиционной конъюнктуры менее интересны для частных вложений. Реализация данных целей будет подталкивать бизнес к развитию своих новых направлений, способствующих ускорению экономического роста.

Заинтересован в партнёрстве с государством и бизнес. Если взять инновационную сферу, то он заинтересован снижать риски своих новых проектов за счёт привлечения более дешёвого капитала, чем в рыночном секторе экономики, а также через систему консультаций влиять на распределение государственных вложений в фундаментальные и прикладные НИОКР и образование с учётом собственных планов развития.

Государственно-частное партнёрство может быть эффективным и принесёт определённый успех лишь в том случае, если будет формироваться на следующих методологических принципах:

- экономического равноправия и ответственности (все участники государственно-частного партнёрства имеют равные права в определении вариантов эффективного достижения целей и решения задач);
- всестороннего учёта интересов всех участников проекта (принцип демократичности);
- селективности (ресурсы и их источники должны концентрироваться за счёт партнёрства власти с бизнесом по приоритетным направлениям экономического развития страны. В качестве важнейшего критерия отбора ресурсов и их источников выступает максимально возможное получение комплекса синергетических эффектов (социальных, экономических, инвестиционных, инновационных и др.));
- стратегического целеполагания (поэтапность, последовательность развития экономики России и её регионов).

Особую роль в решении задач устойчивого экономического роста в России играет установление эффективных партнёрских отношений региональной администрации и бизнеса. Во-первых, региональная администрация одновременно выступает как агент центрального правительства в реализации функций гаранта по спецификации и защите прав отдельных индивидов; во-вторых, она осуществляет производство общественных благ и услуг, объёмы которого установлены заключённым в обществе социальным контрактом; в-третьих, региональная администрация действует как непосредственный агент населения данного региона, реализуя интересы местного развития [1].

Говоря о взаимодействии государственной власти и бизнеса на региональном уровне, необходимо указать на одну важную особенность. Имеющиеся в стране законодательные акты, предоставляющие чиновникам право прямого воздействия на бизнес (определение условий аренды, процедура банкротства, регулирование тарифов на коммунальные услуги), позволили осуществить замещение финансовых ресурсов ресурсом «административного решения». В условиях существенного недостатка бюджетных средств для решения региональных и местных проблем, обмен административного решения

в пользу определенного предпринимателя на его обязательства по преодолению той или иной социально-экономической проблемы регионального и местного развития стал наиболее распространённым методом. Это даёт возможность региональным и местным властям более полно реализовать функции по производству общественных благ и услуг и достигать поставленных ими экономических и социальных целей. Бизнес также выигрывает от этого.

В условиях быстрого развития глобальных экономических процессов многие страны сформулировали концепцию и политику формирования региональных систем. Они представляют собой достаточно сложные объединения различных участников инновационной деятельности, способствующие развитию процессов кластеризации национальных экономик. В Италии, например, где 90% работающего населения трудится на предприятиях малого бизнеса, данная система направлена, в первую очередь, на работу с малыми и средними предприятиями. Здесь имеется чётко отлаженная система экспертиз проектов, в том числе инновационных. Аналитики считают, что это есть высшая стадия работающей системы частно-государственного партнёрства. Между государством и бизнесом складываются действительно равноправные партнёрские отношения.

Так и в России на основе симбиоза государственных, общественных и бизнес-структур необходимо во всех регионах создать специализированные центры по развитию малого и среднего бизнеса, которые оказывали бы услуги и консультации (для начинающих предпринимателей – бесплатные) по развитию бизнеса. Такие структуры в некоторых регионах РФ уже создаются на основе идеи бизнес-инкубаторов, помогающих пройти первую стадию основания бизнеса, а также технопарков, создаваемых обычно на базе вузов, призванных помогать в технической сфере.

Центры могли бы оказывать услуги в обучении, в предоставлении и разработке бизнес-планов, в получении финансирования, рекомендаций подрядчиков, в подборе персонала, по поставкам оборудования. Это создало бы не только новые рабочие места, но и на их базе могут образоваться научные центры по разработке инноваций в сфере производства и стратегий развития региона. Совместно с местными администрациями они способны успешно планировать перспективные сферы приложения новых проектов в развитии их инфраструктуры. Эти же центры могли бы осуществлять юридическую поддержку, организовывать защиту прав малых предприятий, в том числе от недобросовестного поглощения (рейдерства).

Успех бизнес-проекта в значительной степени зависит от величины стартового капитала бизнесмена. Однако в наших условиях даже те люди, у которых есть необходимый стартовый капитал, испытывают тотальный информационный голод, не понимая, в какие сферы их вложить, каковы доходность и специфические риски проектов. Основная задача таких центров – снятие подобного рода информационных и организационных барьеров.

Важнейшая проблема в условиях кризиса для развития бизнеса – доступность кредита, финансирования, минимизация рисков ведения бизнеса и возвратности кредитования, залогов. Банки не могут пойти на кредитование

бизнеса и лиц, не имеющих достаточную степень успешного опыта, а также не имеющих достаточного уровня обеспечения. До кризиса ряд банков, ориентируясь на спрос, разработали программы без залогового кредитования малого бизнеса. Такие кредиты позволяли получать банкам достаточно неплохую доходность – 20-26% при сносном уровне риска. С одной стороны, интересы развития малого бизнеса (и бизнеса вообще) уже давно требуют низких ставок. Сейчас финансовый кризис создаст еще больше проблем для получения финансирования. Дефицит ресурсов, вызванных ужесточением денежной политики и оттоком капитала, ведет к реальному росту ставок на рынке. Решить проблему можно путем развития механизма кредитования с использованием компенсации части процентной ставки из бюджета или фондов развития бизнеса. Для принятия решений о выдаче кредитов целесообразно создавать кредитные комитеты, в которые входили бы представители банков, центров по развитию бизнеса и местных органов власти.

Государственно-частное партнёрство может оказаться чрезвычайно эффективным в рамках реализации стратегии развития инновационного типа экономики. Данная модель предполагает освоение научно-технических нововведений (инноваций), новых технологий, видов продукции и ресурсов, а также осуществление организационно-институциональных проектов в сфере национального воспроизводства. Отсюда достаточно ясно вырисовывается роль государственно-частного партнёрства в формировании инновационной экономики. Речь идет об эффективном освоении интеллектуального капитала, который в совокупности с другими ресурсами способен на совершенно новой технологической основе решать сложные проблемы экономического развития страны.

Литература:

1. Взаимодействие власти и бизнеса: сущность, новые формы и тенденции, социальная ответственность. / Ш.М. Валитов, В.А. Мальгин. Федеральное агентство по образованию, КГФЭИ. – М.: ЗАО «Издательство «экономика», 2009. – 207с.
2. *Дерябина М.* Государственно-частное партнёрство: теория и практика. / Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 61.
3. Индикаторы инновационной деятельности: 2009. Стат. сб. – М.: ГУ ВШЭ. 2009. С.10-11.
4. *Лавронский И.* Надо ли спасать рынок. / Россия после нефтяного бума. Очищение кризисом: сборник. – М.: Яуза; Эксмо, 2009.
5. *Сергеев М.П., Цветкова А.А.* Финансовые инновационные инструменты в Республике Татарстан. Монография. Казань, 2010.
6. *Тодосийчук А.* Условия перехода к инновационной экономике. / Ежемесячный научно-практический журнал «Экономист», №2. 2010.
7. www.kremlin.ru – официальный сайт Президента Российской Федерации Д.А. Медведева.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

© 2010 Торкунова Ю.В.

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
Информационных технологий управления
Академия государственного и муниципального управления
при Президенте Республики Татарстан*

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы информационного обеспечения управления, в частности, инновационно-образовательной деятельности вуза. Анализируются такие понятия как информационные ресурсы, информационный поток, информационная инфраструктура. Обосновывается информационная инфраструктура вуза, в которой обозначается роль информационно-аналитического центра.

В руководство вуза входит принятие решений по следующим направлениям:

- организация учебной и методической работы;
- организация научной работы, подготовка научно-педагогических кадров;
- организация планирования (в т.ч. распределения) учебной нагрузки, объема научной и методической работы;
- организация взаимодействия с различными учреждениями, учебными заведениями, предприятиями и организациями по вопросам учебной, методической, научной и воспитательной работы;
- организация работ по созданию, поддержанию и развитию учебно-материальной базы вуза;
- организация повседневной жизнедеятельности вуза;
- организация сохранения, создания в исправном состоянии материальных средств вуза;
- организация и руководство финансовой и хозяйственной деятельностью;
- подбор, расстановка и аттестация преподавательского состава, комплектование студенческого контингента, распределение выпускников.

Решения, принимаемые по этим вопросам, могут приниматься по-разному. Решение может быть: интуитивным, сделанным на основе интуиции; основанным на суждениях, обусловленных знаниями и накопленным опытом;

рациональным, обоснованным с помощью объективно-аналитического процесса.

При принятии интуитивного решения достаточно велика вероятность ошибки; во втором случае возможна чрезмерная ориентация на прошлый опыт. Поэтому наиболее приемлемым является принятие управленческих решений рациональным способом на основе аналитического подхода.

В начале XX в. А. Файоль выделил в управлении пять функций: планирование, организация, распорядительство, координация и контроль.

Этапы принятия управленческого решения следующие: определение проблемы; формулировка ограничений и критериев для принятия решений; выявление альтернатив; оценка альтернатив; окончательный выбор принятия решения; реализация решения; оценка решения. На каждом этапе требуется объективная и достоверная информация. Источниками информации служит учетно-отчетная информация, приказы и директивы вышестоящих органов. Большую сложность для руководства представляет то, что приходится анализировать большой объем информации от различных отделов и служб, которую необходимо достаточно быстро и качественно переработать. Часто для принятия управленческих решений не хватает данных диагностического или прогнозного характера. Современная система управления в вузе направлена на развитие и основывается на системно-деятельностном и личностно-ориентированном подходах.

Управление вузом должно быть эффективным, грамотным, научно-обоснованным, только тогда вуз станет культурным, научным, социальным, профессиональным центром. Для реализации новой образовательной системы, основанной на принципах фундаментализации, непрерывности образования, индивидуализации процесса обучения, необходимо использовать современный опыт, накопленный всей системой образования, результаты внедрения инновационных проектов в теорию и практику образования, достижения в области информации образования и компьютерных технологий. Новая система образования основывается на едином информационном пространстве, принципах и технологиях открытого доступа к образовательным ресурсам. Для принятия обоснованных управленческих решений необходимо создание информационной инфраструктуры вуза, которая бы в полной мере отвечала современным тенденциям развития и модернизации образования.

Одной из основных характеристик любой системы, определяющей в итоге эффективность её функционирования, является характеристика циркулирующих в ней информационных потоков, таких как содержание информации, степень её централизации или децентрализации, источники получения, вывод на уровень принятия решений. Следующим важным аспектом являются требования, предъявляемые к сбору информации: она должна быть максимально полной по своему объёму и предельно конкретной. Далее нужно решить, в какой форме и где эта информация будет храниться и как использоваться.

Любое решение представляет собой выбор действий, образ которых формируется в сознании человека на основе исследования реальной ситуации и выявления возможностей ее изменения для решения поставленной задачи.

Сознание человека, являясь специфической формой информационного отражения, имеет дело не с реальным миром, а только с его информационной моделью, которая строится на основе информации и отражает понимание человеком сущности объекта, процесса или явления, а также его связей с внешним миром. Понятие «информационная модель» многими исследователями рассматривается как синоним понятия «информационная картина мира». Чем глубже человек понимает суть событий, происходящих в окружающем его мире, чем богаче опыт непосредственного участия в деятельности по преобразованию этого мира и шире представления о возможностях и перспективах такого преобразования, тем более приближена к реальности существующая в его сознании информационная картина мира.

Информационные картины одной и той же предметной области, существующие в сознании разных сообществ, а также индивидуальные информационные картины мира участников инновационных процессов могут не совпадать. Согласование и обеспечение единства понимания информационных картин предметной области, представленных в сознании разных людей, происходит в процессе их общения с использованием различных средств передачи и агрегирования информации.

Для характеристики формы представления информации используются понятия «сообщение», «документ», «данные», «информационный ресурс», «информационный продукт».

Под сообщением понимают совокупность знаков или первичных сигналов, содержащих информацию. Между сообщением и содержащейся в нем информацией нет однозначного соответствия, поскольку для разных пользователей одна и та же информация может иметь разный смысл и разную ценность.

Стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной смысловой коммуникации в качестве завершеного сообщения, принято обозначать словом документ (лат. *documentum* – свидетельство) [3]. Документ является важнейшей организационной формой представления информации, материальным объектом, который отражает результат деятельности человека. Каждый документ представляет собой элемент овеществленной социальной памяти, а массивы документов (библиотечные и архивные фонды, коллекции звукозаписей, изображений и т.д.) рассматриваются как долговременные хранилища социальной памяти.

Под информационным ресурсом понимаются отдельные документы и массивы документов в информационных системах, а под информационным продуктом – документированная информация, подготовленная в соответствии с потребностями пользователей и предназначенная для удовлетворения этих потребностей. Понятие «информационный продукт» - более узкое, чем понятие «информационный ресурс». Информационный ресурс обретает качество информационного продукта, когда он ориентирован на вполне определенную целевую группу пользователей, осознающих и умеющих адекватно сформулировать свои информационные потребности, и оформлен в соответствии с установленными форматами представления документов.

Особую категорию информационных продуктов образуют объекты интеллектуальной собственности – материально-выраженные результаты умственной (интеллектуальной) деятельности, дающие их создателю (автору) исключительное право на них, защищаемое либо соответствующими официально выданными документами (патентами или свидетельствами), либо законодательно установленными нормами авторского права.

Развитие технологий способствовало появлению принципиально новых методов переработки информации, качественно нового метода познания мира, созданию новых способов фиксации информации и новых форм документов, изменению формата документов и возможностей их хранения, учета и распространения. С появлением и развитием электронно-вычислительной техники, компьютеров и информационных цифровых технологий появилась особая группа документов – электронные цифровые документы, способ фиксации которых основан на принципе преобразования информации в кодированную цифровую форму. Простейшей формой представления электронных цифровых документов является файловая форма. Файл исполняет функцию носителя цифровой документированной информации при ее формировании, хранении, использовании и передаче по телекоммуникационным каналам связи и является своего рода «электронной бумагой» для электронного документа [4, 30].

Технические устройства исполняют роль посредника в информационном общении людей, позволяют получить недоступную непосредственному восприятию человека информацию, быстро переработать огромные массивы данных, передать информацию на дальние расстояния и сохранить ее для будущих поколений. Когда говорят об автоматизированной работе с информацией посредством каких-либо технических устройств, то, в первую очередь, имеют в виду не содержание информации, а форму ее представления. Единичный цикл информационного взаимодействия предполагает адресную передачу информационного сообщения, восприятие этого сообщения и обратную адресную передачу информации. Информационное взаимодействие всегда инициируется одним из субъектов этого взаимодействия и обязательно поддерживается другим субъектом. В том случае, когда обратная связь отсутствует, имеет место не информационное взаимодействие, а информационное воздействие. Полный цикл коммуникации включает докоммуникативную фазу, в которой происходит формирование целей деятельности и потребностей в обмене информацией и намечаются способы их реализации (собственно коммуникацию, включающую создание, передачу и прием сообщения), и послекоммуникативную фазу, когда проявляются последствия (эффекты) коммуникации и возникает обратная связь [7, 286].

Под информационной потребностью понимают потребность в знании, обусловленную характером профессиональной деятельности специалиста и зависящую от его индивидуальных (личностных) характеристик; информационный запрос рассматривается как форма отражения информационной потребности. Так, например, информационное предложение банк образовательных инноваций рассматривает как совокупность

специальным образом изложенной информации о новшестве, включая общие сведения о разработке, варианты делового сотрудничества для его внедрения, адреса источников дополнительной информации, необходимой для распространения новшества в профессиональном сообществе [6, 26].

Рассмотрим более подробно понятие информационного потока как информации, находящейся в упорядоченном движении по заданным направлениям с фиксированными начальными, промежуточными и конечными точками. Именно при организованных информационных потоках можно говорить об информационном обеспечении вообще и обеспечении управления в частности. Структурирование информационных потоков в управлении является важнейшим условием его оптимизации. Поскольку педагогический процесс стохастичен, на его результаты оказывает влияние множество случайных факторов. Это обстоятельство актуализирует проблему минимизации информации, определения её объема, необходимого и достаточного каждому администратору для принятия компетентных управленческих решений.

Выявление направленности информационных потоков является необходимым, но недостаточным фактором оптимизации информационного обеспечения управления вузом. Учитывая циклический характер педагогического процесса в вузе, необходимо структурировать не только направленность потоков информации, но и периодичность ее поступления к тому или иному потребителю (ежедневная, еженедельная, ежемесячная и т.д.).

Системное структурирование информационных потоков выдвигает задачу разработки методов получения необходимых сведений, их фиксации, хранения и переработки, что невозможно без использования современных информационных технологий.

Циркулирование в вузе информационных потоков порождает возникновение определенной информационной среды, понятие которой близко понятию «информационное пространство».

Понятие информационного пространства как пространства, в котором создается, перемещается и потребляется информация, впервые было введено В.Н. Костюком. Он дает предельно широкую трактовку информационного пространства, близкую по смыслу понятию «информационная среда». Для решения задач информационного обеспечения конкретных областей деятельности чаще используется более узкая трактовка этого понятия: информационное пространство – совокупность банков и баз данных, технологий их сопровождения и использования, информационных и телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов и обеспечивающих информационное взаимодействие организацией и граждан и удовлетворение их информационных потребностей [1].

Информационный подход к изучению окружающей действительности основан на построении и использовании информационных моделей. Информационные модели служат основой для упорядочения и систематизации информации в информационных системах и организации поиска информации. В информационных системах простейшими информационными моделями для обеспечения чего-либо на естественном языке той или иной культуры служат

понятия. Более сложными информационными моделями предметной области являются базы данных.

База данных – совокупность связанных данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования, независимая от прикладных программ [9]. Содержанием информации, представленной в базе данных, является информационная картина мира (теоретических моделей предметной области) и эмпирические факты – обобщения практического опыта решения задач развития.

Банк данных – автоматизированная информационная система централизованного хранения и коллективного использования данных. В его состав входят одна или несколько баз данных, справочник баз данных, система управления базами данных (СУБД), библиотеки запросов и прикладных программ.

В рамках коммуникативного подхода информационное пространство приобретает свойства информационной системы, каналами связей в которой являются формы коммуникации, а условием функционирования и развития служит формальный язык или система терминов, которой описывается предметная область. Основными компонентами информационного пространства служат информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационная инфраструктура.

Информационная инфраструктура – система организационных структур, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства и средств информационного взаимодействия. Информационная инфраструктура включает совокупность информационных центров, банков данных и знаний систем связи и обеспечивает доступ потребителей к информационным ресурсам. Как известно, системы классифицируются по степени сложности.

Информационная инфраструктура относится к сверхсложным (большим) системам, которые не поддаются полному, исчерпывающему описанию, являются вероятностными и проявляют свойства, не вытекающие непосредственно из свойств, составляющих систему элементов. Необходимо спроектировать такую структуру, при которой наилучшим образом будут реализованы заданные функции. Объектом управления в данном случае становятся информационные ресурсы.

Для успешного осуществления инновационно-образовательной деятельности в вузе должна быть создана определенная информационная среда.

Педагог-исследователь О.Г. Хамерики в своей статье абсолютно справедливо замечает, что инновационной деятельности необходимо соответствующее информационное обеспечение – «специальная деятельность, направленная на предоставление участникам инновационных процессов информации, необходимой для поиска и реализации решений проблем развития образования. Сущность этой деятельности состоит в том, чтобы отыскать, учесть, систематизировать, сохранить и предоставить профессиональным сообществам информацию об основных компонентах знания о состоянии,

возможностях и перспективах развития интересующей их предметной области, а также в том, чтобы создать такие информационные системы, которые позволяют повысить качество и эффективность информационного взаимодействия участников инновационных процессов. При подготовке и выполнении инновационных проектов и программ их участники используют различные источники информации о новых идеях развития образования, непосредственно или опосредованно взаимодействуют с носителями новых идей, участвуют в процессе распространения информации о результатах и продуктах инновационной деятельности. Наличие множества потоков информации о новшествах и нововведениях, высокая степень насыщенности этих потоков и не менее высокая востребованность содержащихся в них информационных ресурсов позволяют заключить, что в рамках информационного образовательного пространства сформировалось специфическое подпространство – информационное пространство инновационной деятельности в образовании» [6, 31].

Информационная структура вуза призвана обеспечить:

- 1) мониторинг и прогноз необходимых образовательных инноваций;
- 2) формулировку целей инноваций;
- 3) разработку основных этапов инноваций;
- 4) обоснование необходимых ресурсов;
- 5) разработку системы мотивации участников образовательных инноваций;
- 6) контроль и оперативное управление в процессе внедрения инноваций.

Для решения этих задач следует проанализировать различные информационные ресурсы. Информационные ресурсы (ИР) вуза обобщенно можно представить в виде следующего перечня:

- учебно-методические ИР (учебно-методические пособия, учебник, обучающие программы и т.д.);
- научные ИР (статьи, монографии, отчеты по НИР и т.д.);
- организационно-распорядительные ИР (приказы по основным видам деятельности, распоряжения, уставная, правоустанавливающая документация);
- учебно-организационные (учебные ведомости, сведения о студентах, результаты промежуточной и итоговой аттестации);
- инновационно-образовательные (каталоги, видеозаписи, описание образовательных инноваций);
- кадровые ИР (информация о сотрудниках);
- системы мониторинга и тестирования;
- банк данных выпускников, места работы;
- информация для и о поступающих;
- информация о базах практики;
- виртуальные деканаты;
- виртуальные кафедры;
- ИР финансовой отчетности, «Бухг. 1С»;

– ИР учет материальных средств, помещений «СКЛАД 1 С».

Таким образом, развитие систем информационной поддержки инновационных процессов в сфере образования в настоящее время характеризуется рядом признаков, обусловленных становлением глобального информационного общества, а именно: повышение роли информационных ресурсов в подготовке и принятии решений и, как следствие, увеличение числа информационных продуктов и услуг; изменение роли традиционных и появление новых носителей и форм представления информации; развитие новых форм и средств коммуникативного взаимодействия; увеличение числа информационных систем и формирование информационной инфраструктуры инновационной деятельности на основе новых информационных и коммуникационных технологий.

Обобщенную информационную инфраструктуру вуза можно представить следующим образом (рис. 1).

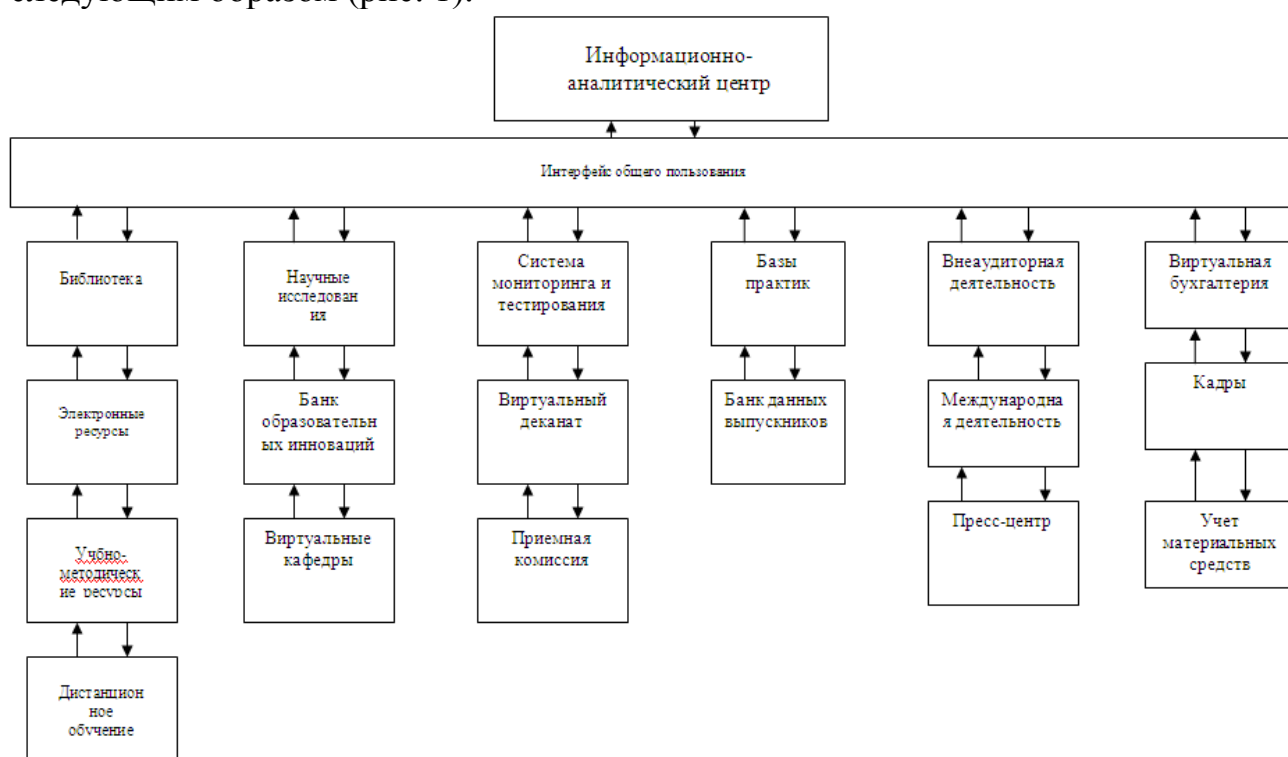

Рис. 1. Информационная инфраструктура вуза.

Координирующую роль в данной инфраструктуре получает информационно-аналитический центр. Сотрудники центра на основе анализа полученной информации определяют стратегию развития вуза, проектируют образовательные инновации, предлагают управленческие решения руководству.

Таким образом, результаты функционирования информационной инфраструктуры оказывают непосредственное влияние как на эффективность образовательной системы вуза в целом, так и на эффективность инновационно-образовательной деятельности в частности.

Литература:

1. Глоссарий.RU: [Электронный ресурс]: <http://www.glossary.ru/>.
2. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990. – 126 с.
3. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб, 2002. – 461 с.
4. *Семилетов С.И.* Документы в социальной сфере: подходы и классификация. / Электронный документ и документооборот: правовые аспекты: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Алферова, И.Л. Бачило. М., 2003. – 208 с.
5. *Урсул А.Д.* Проблемы информации в современной науке. – М., 1975. – 172 с.
6. *Хомерики О.Г.* Информационный тезаурус педагогической инноватики. / Педагогика. – 2009. – № 6. – с. 21-32.
7. Энциклопедический словарь. / Под. ред. Г.В. Осипова. 1995.

ЖУРНАЛ «КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 70-80 ГГ. XIX В.

© 2010 Шигабутдинов Р.Р.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры Гуманитарных дисциплин
Институт социальных и гуманитарных знаний*

В настоящее время наблюдается процесс «антропологизации» отечественной исторической науки и активное применение культурологического подхода в историографических исследованиях. Историки все больше начинают обращаться к проблемам научного быта, судьбам поколений ученых, формальным и неформальным способам коммуникации ученых [1]. Эти вопросы возможно разобрать, привлекая журналистику, рассматривая журнальный текст как разновидность «историографического письма», именуемого журнальной историографией. Журналистика отражает процесс самопознания исторической науки [2, 5]. Появляются работы, изучающие роль журнала в научном творчестве историка или в историографии [3].

В данной публикации обращаемся к истории журнала «Критическое обозрение», издаваемого группой московских интеллектуалов на рубеже 70-80-х годов XIX века. Эта история – некий казус*, изучение которого – опыт микроистории. *«Не в ...уникальных ли казусах сокрыт порой ключ к пониманию страстей человеческих, драмы борьбы людей и идей? Не эти ли исключительные ситуации позволяют глубже осмыслить меняющиеся пределы свободы воли человека, с тем, чтобы понять, дано ли рядовому члену общества*

---

* В данном случае, опираемся на понимание казуса, заявленное и успешно реализуемое редакцией альманаха «Казус» (Вып. 1-5. М., 1999-2005).

влиять на настоящее, а значит и на будущее, или же его – как и его историка – просто несет в какую-то неясную даль стремительный и неодолимый поток времени?..» – вопрошают авторы альманаха «Казус» [4, 2].

В истории журнала, его судьбе отразились многие процессы духовной жизни российского, прежде всего, московского общества. «Критическое обозрение» задумывался как «журнал научной критики и библиографии в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных» [5, 1]. Его создателями и издателями стали Максим Максимович Ковалевский и Всеволод Федорович Миллер – молодые профессора Московского университета, признанные лидеры оппозиционных либеральных кругов «первопрестольной». Время издание журнала пришлось на период социально-политического кризиса*, перелома в общественной и научной жизни. Поэтому изучение журнала позволяет выявить конкретные сюжеты, вокруг которых разворачивались дискуссии, научные споры, сами выступавшие в роли казусов исторической науки того времени.

В 1876 г. Максим Ковалевский вернулся в Россию из заграничной командировки и стал часто бывать дома у Всеволода Миллера, и скоро «сошлись в одном желании издавать сообща «Критическое обозрение» [6, 11]. М. Ковалевский был захвачен «полемикой сторонников и противников теории материнства, группового родства, первобытного коммунизма, позднего перехода частной собственности на землю, смены эндогамических порядков экзогамическими», и в лекциях по истории права старался заинтересовать этими вопросами. «В это время едва ли кто, за исключением В.Ф. Миллера, не считал в Москве праздным и ненаучным занятие подобными вопросами», – вспоминал историк [6, 11-12]. Попытка внедрить свои идеи фактически привела к изданию журнала, потому что печатное слово давало возможность пропагандировать свои идеи, охватив при этом немалую аудиторию[†]. Полагаем, концепция журнала была заимствована в Западной Европе.

Какая страна и университет повлияли на замысел М. Ковалевского? Возможно, Берлинский университет, где прослушивал лекции профессоров К. Нича, Г. Гнейста, Э. Нассе, Г. Шмоллера. По его собственному определению, обнаружил «научную невоздержанность или, вернее, обжорство», что вылилось в посещение «лекций философа Цепллера, Гармса (который «убил во мне желание заняться изучением кантовой философии»), Е. Дюринга, физика Гельмгольца, физиолога Э. Дю-Буа-Реймона, экономиста А. Вагнера» [8, 170].

В Париже (весной 1873-1874 гг.) посещает «свободные школы»: Сорбонны, Коллеж де Франс, бывал на лекциях Э. Лабуле, А. Мори, М. Шевалье. М. Ковалевский налаживает связи с интеллектуальной местной

---

* Вслед за В.И. Лениным советская историография рассматривала рубеж 70-80-х гг. XIX в. как время, когда в стране сложилась вторая революционная ситуация.

[†] Силу печатного слова отмечал В.О. Ключевский в письме П.П. Гвоздеву от 22 января 1867 г.: «Почти все против меня, и только сегодня уgomонились немного, прочитав передовую статью «Московских ведомостей», где развиваются мысли, подобные вчера мною высказанными. Смотри, как мы сошлись с московским генералом от журналистики». (Цит. по: 7, 404).

элитой, с «передовыми демократами», группировавшимися вокруг редакции «Republique française», органами Гамбетты, и «Revue de philosophie positive» – «органа Литре и нашего соотечественника Григория Николаевича Вырубова» [8, 170-171]*.

Но в большей степени на Максима Ковалевского повлиял Лондон, где он работал в библиотеке Британского Музея и Государственном архиве. По рекомендации Г. Вырубова он представляется философу Дж. Льюису и его гражданской жене, писательнице Дж. Элиот. В их доме знакомится с У. Беджготом, Д. Грином, Г. Спенсером, Ф. Гаррисоном. Дж. Льюис ввел его в известный литературный клуб «Athenaeum» [8, 172]†.

Скорее всего общеевропейская культура повлияла на М. Ковалевского. Фактически во всех трех крупных научных центрах присутствовал печатный орган, концентрирующий вокруг себя интеллектуалов.

В Москве он воплотил эту идею, в столице не хватало подобного издания и вообще возможность публиковаться. В.Ф. Миллер в письме А.Н. Пыпину подчеркивал информационный вакуум: «Мы, москвичи, поставлены действительно в стесненное положение относительно печатания статей по недостатку ученого органа. Дело дошло до того, что Ф.И. Буслаев печатает ученые статьи в «Иллюстрированной газете» Гатцука» [7, 406]‡.

В декабре 1878 г. было опубликовано profession de foi§, в котором В. Миллер и М. Ковалевский обосновывали причину издания журнала. Объективная научная критика важна, поскольку она, как указывали издатели,

---

* «Revue de philosophie positive» – философско-политический журнал, Литре и Вырубов начали издавать его в 1867 г. на французском языке. Так в принципе восприняли и современники – Б.Н. Чичерин вспоминал: «Мне сообщили, что сотрудником и даже вдохновителем этого издания, которое должно было служить органом передовой молодежи, был знаменитый парижский социал-демократический философ, если можно так назвать пародию на философа, Лавров». (Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земство и Моск. дума. М., 1934. С.69). Возможно, П. Лавров его поддержал и публиковался на страницах журнала. См.: Столетов П. [Рецензия] [Лавров П.Л.] Лекки. История Англии в XVIII столетии // Критическое обозрение. 1879. №11.

† Во главе этого клуба стоял г. Спенсер. (Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960. С.352.) Г. Мягков высказал предположение, что М. Ковалевский составил первоначальное представление о книге Л. Моргана, которая сыграла роль в становление его воззрений на общину, на основе рецензии, опубликованной в журнале «Athenaeum». (Мягков Г.П. М.М. Ковалевский и К. Маркс (Из истории контактов русских ученых с основоположниками марксизма) // Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран: Межвуз. сб. Куйбышев., 1987. С.121).

‡ К сожалению, М. Мохначева не указывает конкретную дату написания письма, упоминает лишь, что в 1870-х гг. Полагаем, что письмо было написано до открытия журнала. Следует учитывать, что принятый закон 1865 г. о печати для научной литературы освобождал от предварительной цензуры. Но при этом массовая газетная и журнальная периодика была окончательно лишена права перепечатки и использования материалов из научных изданий без согласования с цензурой. Это давало возможность через исторический материал транслировать некоторые либеральные идеи.

§ profession de foi – с франц. яз. – исповедание веры, публичное заявление, собственное официальное заявление о своем занятии.

«представляет лучшее мерило научного развития в каждой цивилизованной стране». Отсутствие критики приводит к тому, что многие «труды, действительно расширяющие область человеческого знания» могут остаться незамеченными, с другой – сочинения quasi-ученых, «подкупающие публику современностью мыслей, могут иметь значение, которого не заслуживают». Нехватка объективной критики приводит к тому, что «ученые склонны впадать в ту или другую крайность». Так одни относятся свысока к западной науке, другие, напротив, «склонны к слепому, безотчетному благоговению перед западными авторитетами». Без объективной критики страдает труд ученого, которого не освещают, если он не подходит по направлению или не принадлежит к какому-нибудь лагерю, в то время как «слабая компиляция возвеличивается некомпетентным, но бойким рецензентом лишь потому, что ее направление соответствует целям той или другой редакции». Издатели признавали, что встают на трудный путь, поскольку «в глазах образованной публики современная журнальная критика утратила в значительной степени свой кредит» [Цит. по: 9, 273].

Программа журнала «научной критики и библиографии в области историко-филологических, юридических, экономических и государственных наук» состояла из двух пунктов:

I. Критические оценки русских и иностранных сочинений и журнальных статей по всеобщей и русской истории, истории всеобщей и русской литературы, языковедению, классической и славянской филологии, психологии, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, истории русского и славянского права, истории иностранных законодательств, праву государственному, статистике, политической экономии и науке о финансах.

II. Библиография русская и иностранная по вышеупомянутым наукам. Отчеты о заседаниях в ученых обществах и об университетских диспутах. Библиографические слухи, заметки, мелочи и т.п. [10, 1].

Редакция нашла «полезным включить в круг обозреваемых ею изданием предметов и такую живую область европейской мысли, как современный роман и драма», которые «с каждым годом все решительнее становятся крупной воспитательной силой». С 1880 г. был введен «отдел критики русских иностранных беллетристических произведений» [11, 77]. Журнал выходил раз в две недели. «Выход 25-ю №№ в год по подписной цене 6 р. Без доставки и 7 р. с пересылкой. На полгода: 4 р. без доставки, 4 р. 50 к. с пересылкой» [11, 1].

М. Ковалевский взялся за написание статей «критико-библиографического характера из области обществоведения, истории права и права государственного». В. Миллер заведовал «обширной областью филологии, древней истории, истории литературы и истории искусства» [6, 14]. В основном сотрудниками журнала являлись «молодые профессора»* историко-филологического и юридического факультета Московского университета, защитившие в середине 70-х г. магистерскую или докторскую диссертацию,

---

* Средний возраст 30-35 лет.

прошедшие стажировку в европейских университетах. Они представляли «новую фазу в развитии русского либерализма» и отличались от предшественников (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, В.И. Герье) более радикальным образом мышления, своими конституционно-реформаторскими идеями [12, 259]. Издание журнала «сблизило в тесный кружок ближайших его сотрудников, принадлежавших к двум факультетам. Кружок стал собираться в редакции журнала* примерно раз в неделю, «совместно определяли содержание ближайших книжек и обменивались мыслями по вопросу академической и общественной жизни», – вспоминал М. Ковалевский [10, 15]. Их «сближали также позитивизм и социология»† и политическое направление было «более либеральное, чем у старой профессуры, конституционализм, дополненный социальным реформаторством» [13, 142].

Русские обществоведы своей научной и публицистической деятельностью утверждали идеологию русского либерализма. Их твердое убеждение было в том, что изменение существующего строя могло быть только мирным путем, в результате реформаторской деятельности. Для решения этой проблемы они широко использовали исторический опыт Запада [14, 33, 38].

Либеральные идеи «кружка» практически осуществились в проведении ряда либеральных мероприятий, будораживших общественное мнение. По инициативе Максима Ковалевского состоялось заседание 15 февраля 1879 г. И.С. Тургенева. М. Ковалевский был председателем первого нелегального общественного съезда, состоявшегося весной того же года. На съезде присутствовали также В. Гольцев и А. Чупров‡ [15, 41]. В марте 1880 г. С. Муромцев, А. Чупров вместе с другими московскими деятелями (всего их было 20) подали Лорис-Меликову «Записку о внутреннем состоянии России», в которой выдвигалась идея созыва особого самостоятельного собрания представителей земства для участия в государственной жизни и деятельности и прочного обоснования права личности на свободу мысли, слова и убеждения [16, 263].

В 1880 г. М. Ковалевский отправляется в двухгодичную научную командировку. Она фактически была вынужденной из-за опасности политических последствий активной общественной деятельности ученого

---

* Редакция журнала размещалась в доме Миллера на Покровке, Машков пер.

† Позитивизму журнал уделил пристальное внимание, рассмотрев его с двух проблем: 1) применение позитивизма в качестве метода или использование его как законченную систему к политической экономии, юриспруденцию. (См.: *Янжул И.* [Рецензия] Позитивная школа политической экономии // *Критическое обозрение*. 1879. №1; *Богданов М.Е.* [Рецензия] О современном состоянии политической экономии // Там же. №4; *Иванов В.* [Рецензия] Юриспруденция и положительная философия // Там же. №16). 2) дискуссии по поводу теоретических основ позитивизма, методов внутри него: что важнее дедуктивный или индуктивный метод? Объективный или субъективный? (См.: *Де-Робберти.* [Рецензия] Позитивная философия // Там же. №8;-а. [Минцлов Р.Р.] [Рецензия] *Де-Робберти.* Социологические заметки // Там же. № 17).

‡ А.С. Соколов на основании архивных материалов свидетельствует, что в декабре 1880 г. М. Ковалевским заинтересовался Александр II, которому была представлена записка департамента полиции о личности и политическом настроении молодого ученого. [8, 176].

[8, 175], что явилось одной из причин закрытия журнала. Кроме того, полемика некоторых сотрудников со славянофилами усилила недовольство, а «введение в ближайшем году литературной критики, – вспоминал М. Ковалевский, – которая доселе считается почему-то непримиримой с объективизмом, настолько унизила журнал в глазах публики, что подписка сразу упала на половину. Так как дефицит достиг семи рублей* и мне предстояло уехать за границу на два года, то мой соредактор предпочел закрыть издание» [17, 74]. Но при этом, как подчеркивает М. Ковалевский, «оно исчезло, оставив о себе такой заметный след†: с этого времени в наших толстых журналах заведен критико-библиографический отдел. Он разросся, в частности, в «Русской мысли», куда перешли многие из сотрудников «Критического обозрения» [6, 15].

Литература:

1. Сидорова Л.А. Межличностные коммуникации историков: проблема «отцов и детей» // Историк на пути к открытому обществу. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 2002; Мамонтова М.А. Неформальные способы коммуникации в научном сообществе историков России рубежа XIX-XX веков // Там же.
2. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX в. М., 1998.
3. Архангельская Н.Я. Грот и первый в России философский журнал // Вопросы истории. 2000. № 3.
4. [От редакции] // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 3. М., 2000.
5. Критическое обозрение. 1879. № 12.
6. Ковалевский Максим. Памяти Всеволода Миллера // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4.
7. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30-70-х гг. XIX в. М., 1999.
8. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
9. Н.М. [Михайловский Н.] Письмо к издателям «Критического обозрения» // Отечественные записки. 1878. №12.
10. Критическое обозрение. 1879. №1.
11. [От редакции] // Там же. № 24-25.
12. Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974.
13. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

---

* О финансовых трудностях «Критического обозрения» говорят письма М. Ковалевского В. Миллеру, так весной 1881 г. М. Ковалевский писал: «А долги по «Критическому обозрению» не мешало бы заплатить всем, без изъятия, в том, числе Боборыкину и Иванюкову. Боборыкин не отвечал мне на письма – верный признак того, что негодует». (Ковалевский М.М. – В.Ф. Миллеру. 1881. // Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С.179).

† Всего за полтора года было издано №37.

14. *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 90-х годов. Томск, 1969.
15. *Петров Ф.А.* Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х годов XIX века // Вопросы истории. 1974. № 9.
16. Либерализм в России. М., 1996.
17. Ковалевский Максим. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. №1.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамов Н.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ НАЛОГ	3
<i>Волкова Н.В.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	8
<i>Гайнулова Л.А., Карнов А.И., Гайнулов Е.Р.</i> ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ	15
<i>Гарипов Р.Ф.</i> ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ	26
<i>Жирнов А.В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИЗМА В ЕС	32
<i>Зуев В.И.</i> РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ РЕСУРСЫ И СЕРВИСЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ	40
<i>Ибрагимова А.С.</i> СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	43
<i>Ибрагимова А.С.</i> ТИПОЛОГИИ ТЕОРИЙ ЛИДЕРСТВА	59
<i>Ишкиняева А.Р.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ДОБРОВОЛЬНЫХ ВИДОВ СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА	74
<i>Караваева Н.А.</i> ВЗРОСЛАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА	82

<i>Каримова Л.Ш.</i> СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	84
<i>Коршунов С.А.</i> О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ПЛАНИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	86
<i>Коршунов С.А.</i> ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ. НОВЫЙ ЭТАП ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ	91
<i>Кудрявцев Ю.М., Кушаева Ю.Г., Кушаева Э.Р.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ КАК ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ	98
<i>Куркина Е.П.</i> УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ НА БАЗЕ СВОБОДНО РАСПРОСТРАНЯЕМОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (MOODLE В СТРАНАХ СНГ)	102
<i>Садыйкова Р.З.</i> ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ	105
<i>Семенова Р.У.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И НРАВСТВЕННОСТИ	109
<i>Семенова Р.У.</i> СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И НРАВСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАУЧНОЙ СУБДИСЦИПЛИНЫ	115
<i>Сергеев М.П.</i> УСЛОВИЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА	120

Сергеев. М.П., Айбятова Р.Р.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА 124

Торкунова Ю.В.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ
В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА 130

Шигабутдинов Р.Р.

ЖУРНАЛ «КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» В НАУЧНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
НА РУБЕЖЕ 70-80 ГГ. XIX В. 138

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учредитель:
Институт социальных и гуманитарных знаний

Научный редактор *К.Н. Пономарев*
Технический редактор, компьютерная вёрстка *М.Н. Александровой*
Корректор *А.М. Шамонова*

Адрес редакции:
Издательство «Юниверсум». 420012, г. Казань, ул. Достоевского, 10.
тел./факс: (843) 236-88-23
e-mail: isgz@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства Казанского государственного университета
420008, г.Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
тел.: 233-73-59, 292-65-60

Тираж 100 экз. Заказ № 78/6.